ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

МИХАИЛОМЪ КАЧЕНОВСКИМЪ.

— — — Id arbitror

Adprime in vita esse utile, ne quid nimis.

Terent.

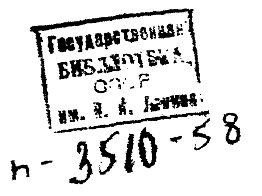
СЕНТЯБРЬ и ОКТЯБРЬ.

1827.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ екземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два екземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Сентября 5 дня 1827 года. *Ординарный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Василій Котельницкій.*



ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 17.

СЕНТЯБРЬ 1827.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Почтенному Рязанскому Археологу Д. Т. Воздвиженскому.

Въ Историческихъ и Археологическихъ достопамятностяхъ по Рязанской Губерніи (*), описывая городище Ижеславля, вы находите его на Пронѣ, въ селѣ Рожественѣ. — Я тамъ незнаю Ижеславля; но нахожу его, по моимъ догадкамъ, въ селѣ Ижевскомъ, ближайшемъ къ границамъ нынѣшняго Спаскаго уѣзда съ новою Рязанью, ближайшемъ къ *Старой* Рязани, къ *Исадамъ* (гдѣ былъ нѣкогда сеймъ Княжескій и убійство), ближайшемъ ко всѣмъ древнѣйшимъ мѣстамъ, памятнымъ въ лѣтописяхъ и въ преданіяхъ Рязан-

(*) Помѣщенныхъ въ Іюньской и въ Іюльской книжкахъ *Историческаго*, *Статистическаго и Географическаго* Журнала, издаваемаго Г. Профессоромъ М. Г. *Гавриловымъ* здѣсь въ Москвѣ на сей 1827 годъ. *М.*

ской Исторіи; но по Пронѣ, можетъ быть, къ сторонѣ нынѣшняго Михайлова — не пограничной ли чертѣ отъ степей Донскихъ? — кажется, должны быть одни только *сторожевыя* городища (*), къ числу которыхъ можно отнести и *Чертово*, находящееся въ дачахъ села Елшина (съ деревнями), близь Пронска.

Мой Вышеславецъ не тамъ, гдѣ вы назначаете вашъ Ижеславецъ (**); мой городокъ, повторяю я, въ двухъ, или трехъ верстахъ отъ села Липовки, на крутомъ (правомъ отъ истока) берегу Прони, въ дачахъ — если неошибаюсь — помѣщика Дмитріева-Мамонова, жившаго прежде верстахъ въ четырехъ отъ городца въ селѣ Мишинѣ. Слѣдовательно онъ (Вышеславецъ), небудучи никогда вашимъ Ижеславцемъ, означеннымъ вами на 206 странц. Іюн. книжки *Историческаго* и *Статистическаго* Журнала (***), легко можетъ быть тѣмъ Вышеславцемъ, который давно уже замѣ-

---

(*) Пограничные отъ набѣговъ, — защита отъ враговъ внѣшнихъ, — древнія крѣпости. *М.*

(**) См. 206 стран. Іюн. книжк. Историч. и Статист. Журн. 1827 года. *М.*

(***) 1827 Года, гдѣ на стран. 207 есть ссылка и на меня. *М.*

ченъ мною въ Запискахъ Преосвященнаго Сумона, нѣкогда взятыхъ мною для прочтенія отъ покойнаго Екзарха Ѳеоѳvлакта, прежняго Архіепіскопа Рязанскаго.

Строитель Путятинской церкви, въ Сапожковскомъ уѣздѣ, сродникъ и соратай Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, Вышеславцевъ (*) есть потомокъ Князей *Вышеславскихъ*, данниковъ Князя Рязанскаго. — Нынѣ къ той же фамиліи принадлежитъ существующая еще Россійская дворянская фамилія Вышеславцевыхъ (**), идущая по прямой линіи отъ рода Черниговскихъ Князей, родоначальниковъ дома Князей Рязанскихъ. И такъ теперь неудивительно будетъ, если я на берегу Прони, близъ упомянутаго мною села Липовки, нахожу и городище Вышеславецъ, принадлежавшій вѣроятно къ удѣлу Князей Вышеславскихъ же, въ наше время, какъ уже сказано, несуществующихъ. О селѣ Путятинѣ я имѣю особенное описаніе. — Но

(*) Смотр. Іюль 1827 историческ. и Статистическ. Журнала стран. 63. *М.*

(**) Изъ коей въ свое время Михаилъ Михайловичь былъ извѣстный литтераторъ. Имъ изданы книги: *Приношеніе Религіи*, *О избіеніи Ѳессалонійцевъ*, разныя повѣсти и стихотворенія. *М.*

странно будетъ, если здѣсь скажу еще, что мой же Вышеславецъ нѣкоторые называли и *Ростиславцемъ.*

Кто таковъ былъ Кудеяръ (*) — не загадка. Карамзинъ объясняетъ (**) и говоритъ, что ето Опричникъ Царя Ивана Васильевича Грознаго, прежде любимецъ сего Государя, послѣ съ Опричниками Лихаревыми и другими измѣнникъ и врагъ его. Онъ съ упомянутыми товарищами передавался Крымскимъ Татарамъ, присоединялъ нѣкоторыхъ изъ сихъ послѣднихъ къ своей шайкѣ и разбойничалъ; главною жертвою неистовствъ Кудеяровыхъ были земли Рязанскія и Тульскія. Другое имя, или прозваніе Кудеярово: Тишининковъ, или Тишининовъ. По роду онъ дворянинъ.

Посланный 1825 года Г. Генералъ - Губернаторомъ, Генералъ - Адъютантомъ Балашевымъ для историко - статистическихъ наблюденій по всѣмъ *пяти* (***), Высочайше

(*) Т. IX И. Г. Р. примѣч. къ Исторіи Цар. Іоанна Грознаго. *М.*

(**) Тамъ же и въ самой Исторіи. *М.*

(***) Рязанской, Тульской, Тамбовской, Орловской и Воронежской; но я успѣлъ только быть въ трехъ: въ Рязанской, части Тульской и части Тамбовской Губерній. *М.*

ввѣреннымъ управленію его Губерніямъ; въ дачахъ села Чулкова, на рѣчкѣ Непьѣ (Пронскаго уѣзда), я хлопоталъ было разгромить такъ называемые *каменные кресцы* — груду камней, или можетъ быть и цѣлую гору каменную, скрывшую въ себѣ, по преданію, величайшія сокровища, положенныя тутъ Кудеяромъ.

Нѣкогда найденный подъ однимъ изъ сихъ камней большой дверный мѣдный ключь, а на другомъ надпись „*кудеяровы тутъ были*“ и проч., подали первую мысль сосѣдственнымъ крестьянамъ деревни Студенца къ отысканію неизвѣстныхъ сокровищъ; разъисканія ихъ продолжались съ 1780 по 1782 годъ и были безуспѣшными. О семъ подвигѣ жителей Студенецкихъ я во многихъ замѣчаніяхъ своихъ говорилъ неоднократно и между прочимъ въ сочиненіи моемъ: *О нѣкоторыхъ достопамятностяхъ Рязанскихъ и Пронскихъ*, помѣщенномъ въ одной изъ книгъ *Трудовъ Общества Любителей Россійской Словесности*, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Наконецъ имя тогоже Кудеяра вы услышите отъ жителей по Коломенской большой

дорогѣ и еще гораздо болѣе по Каширской, въ окрестностяхъ самой Каширы, Венева и Тулы. Сими путями отряды войскъ Грознаго ходили подъ Казань и противъ Крымцевъ; они, вѣроятно, разсказывая здѣсь объ удальствѣ Кудеяровомъ, успѣли болѣе нежели въ другихъ мѣстахъ соединить имя его съ мѣстными преданіями; да и самые подвиги Кудеяра и шайки его, какъ мы видимъ, происходили здѣсь же. Вотъ одна сказка изъ дивныхъ подвиговъ сего разбойника: Любовь, разумѣется преступная, закралась въ его сердце; онъ увезъ силою прекрасную дочь Тіуна *Печорскаго* (*). Отчаянный отецъ собралъ свою *Печору*, настигъ его на берегу Истьи и видѣлъ, какъ злодѣй съ крутизны холма бросилъ свою добычу въ воду. Ужасъ окаменилъ всѣхъ

(*) Забѣглая Печора съ непамятнаго времени поселилась на степяхъ За-Пронскихъ, около нынѣшняго Михайлова, и отдала себя въ покровительство Князей Русскихъ. Оставшійся памятникъ объ ней — село *Печорники*, бывшій городъ. Сказка о подвигѣ Кудеяра съ дочерью Тіуна Печорскаго была разсказана мнѣ еще въ моемъ малолѣтствѣ Рязанскимъ дворяниномъ Антономъ Гавриловичемъ Сѣровскимъ, Прапорщикомъ службы Императрицы Анны Іоанновны. Сѣровскій умеръ около 1801 года. *М.*

обиженныхъ, а преступникъ между тѣмъ скрылся.' Какой предметъ для романа!

Мысль ваша о собраніи *названій* всѣхъ Россійскихъ селеній — прибавить бы надобно: *и всѣхъ названій* урочищь, принадлежащихъ къ тѣмъ же (нынѣ) селеніямъ — мысль для историка-наблюдателя самая благодѣтельная. „Безъ достаточныхъ познаній *мѣстности* своего Государства" замѣтилъ одинъ ученый Германецъ „никакой историкъ недостигнетъ предположенной цѣли совершенства въ познаніяхъ историческихъ!..." Я говорилъ также объ етомъ неоднократно: ето самый важный путь къ открытіямъ историческихъ событій, теперь для насъ непостижимыхъ, опущенныхъ въ листахъ нашихъ недостаточныхъ лѣтописцевъ. Также думалъ я и о составленіи рисунковъ простонародной нашей одежды (*), предпочтительно женской, ибо мужеская по Великороссіи почти вездѣ одна и та же. Рисунки сей одежды должны бы имѣть свои объясненія; ибо названія уборовъ составляютъ для наблюдателя *нарѣчій* также

(*) Г. Воздвиженскій объясняетъ мысль свою — собрать имена Великороссійскихъ селеній и составить рисунки крестьянской одежды. Смотри тамъ же, въ *Историческомъ, Статистическомъ* и *Географическомъ* Журналѣ 1827 года, *М.*

драгоцѣнность: ими только возможно, если не ошибаюсь, указать на остатки племенъ, потерянныхъ между нами!

Извѣстное мнѣ *Долгое*, или по имени нынѣшнихъ его помѣщиковъ *Дивовыхъ*, городище (*) не весьма близко отъ деревни *Баграмовой*. Оно расположено, кажется, при рѣкѣ Цнѣ, или *Снѣ*, имѣющей и еще какое-то названіе, и находится на зимней *проѣзжей* Московской дорогѣ, именно отъ ближайшаго съ сей стороны къ Рязани *Переколскаго* городища верстахъ въ осмнадцати. Оно принадлежитъ, по моему мнѣнію, къ полукружію городищъ, начавшемуся отъ Старой Рязани, со включеніемъ въ то же число и Новой, очерчивающему, такъ сказать, излучистый берегъ Оки и оканчивающемуся на Перевицкѣ.

Съ покойнымъ Доленгою - Ходаковскимъ я много толковалъ о сихъ городищахъ, и наконецъ согласился съ нимъ, что *Долгое*, или *Дивовыхъ* городище, должно войти въ составъ первыхъ основныхъ городищъ *Переяславля-Рязанскаго*, вѣроятно при началѣ своемъ много страдавшаго отъ набѣговъ племенъ

(*) *Историч., Статистич.* и *Географич. Журналъ* на 1827 годъ, Мѣсяцъ Іюнь, стран. 211. *М.*

дикихъ и воинственныхъ, противниковъ всякой осѣдлости — что̀ и доказывается постепеннымъ удаленіемъ сихъ городищь отъ юга къ сѣверу, но удаленіемъ всегда по одной и той же чертѣ избраннаго для нихъ мѣстоположенія (*), по одной и той же выгодѣ прибрежности, смежности съ рѣками и вѣроятно по надеждѣ (на той же точкѣ) на крѣпость защиты лѣсной и болотной. Признаки ихъ еще донынѣ существуютъ.

Чтожъ касается до селенія *Баграмова*, то ето остатокъ — повѣримъ преданію — принадлежности какому-то Татарскому чиновнику, или выходцу. — Етотъ Баграмъ, или Багримъ, вѣроятно недумалъ о Словенскихъ городищахъ. Начало его появленія, можетъ быть, должно отнести только лишь ко временамъ Олега Рязанскаго. —

(*) «Городища нашихъ юныхъ Словенъ» писалъ ко мнѣ Дол. Ходаковскій «подобны норамъ степныхъ звѣрковъ: ихъ истребятъ въ одномъ мѣстѣ, но они, по той же избранной ими чертѣ, для жилищь своихъ устроиваютъ нѣсколько другихъ далѣе, однакожъ съ одною и тою же мыслію, чтобъ удобнѣе спасти себя отъ врага нечаяннаго, ближе къ рѣкамъ, или ближе къ лѣсу, а если можно, то ближе и къ родинѣ: такимъ образомъ они додвинулись и до сѣвера!» *М.*

Политика сего Князя, какъ говорятъ, терпѣла многихъ Татаръ знатныхъ.

Мать Великаго, Царица Наталія Кириловна (*), какъ мнѣ извѣстно, проживала у родственниковъ своихъ Нарышкиныхъ въ селеніи *Алешнѣ*. Въ прежней приходской сего селенія церкви, въ селѣ Желчинѣ (Рязанск. уѣзда), принадлежащемъ нынѣ Гг. А. П. Гагину и Протасовымъ, старики покажутъ вамъ еще и мѣсто, гдѣ стаивала на молитвѣ красавица - барышня Нарышкина.

Обычай лазить сквозь развалины древняго дуба (**) еще недавно существовалъ близь вышеупомянутой мною деревни Студенца, въ Пронскомъ уѣздѣ. Тамъ въ урочищѣ такъ называемомъ *Проемный кустъ* (***), стоялъ вѣковый, твердый дубъ, но не съ развилинами, а съ большою, натуральною скважиною, въ которую легко было можно протащить полугодоваго ребенка, и въ скважину сію ребятъ протаскивали, будто бы для исцѣленія отъ разныхъ недуговъ, болѣе

(*) *Историч., Статист. и Географ. Журналъ* Іюнь 1827, стран. 217 я. *М.*

(**) Въ той же Іюньской книжкѣ того же Журнала на стран. 218 й. *М.*

(***) Смотр. *Руское Національное пѣснопѣніе* Часть I. Москва 1808, въ Универс. Тип. *М.*

же для предохраненія отъ такъ называемой младенческой *грызи*, или *грыжи*, болѣзни, по мнѣнію новѣйшихъ Медиковъ, несуществующей и никогда несуществовавшей. Взрослые же недужные люди обхаживали только извѣстное число круговъ около сего дуба, кланялись ему, читали предъ нимъ молитвы и проч.; но какъ отъ сихъ послѣднихъ, такъ и отъ младенцевъ, всегда оставалось что нибудь въ даръ священному дереву. Я самъ видалъ на его вѣтвяхъ множество развѣшанныхъ лентъ, платковъ, полотенецъ, *поясовъ* и проч.; поясами и лентами опоясывали и самое дерево. Дубъ срубленъ, по приказанію помѣщика, въ 1804 году. *Студенецъ* (ключь) менѣе четверти версты отъ сего дуба имѣетъ въ себѣ воду превосходную. Въ древности вся окрестность студенца была покрыта непроходимымъ чернолѣсьемъ.

Явныхъ признаковъ сраженія *Вожскаго* подъ Канищевымъ, или, какъ вы называете, подъ Скорнищевымъ (*), нѣтъ (**); воинскія

(*) Нѣкоторые думаютъ, въ томъ числѣ и я, по отношенію къ тутошнимъ же сосѣднимъ селеніямъ: Недостоева, Перекола и проч., не подъ *Схоронищевымъ* ли? *М*.

(**) Развѣ не причесть ли къ тому песчаные бугры, находящіеся за Трубежемъ и простирающіеся къ Окѣ? *М*.

насыпи весьма явственно существуютъ около села Ходынина, села Малаго, или Перекольского городища, а болѣе подлѣ самой деревни Переколи, или Перекола, на долинѣ, простирающейся отъ береговъ рѣки Быстрицы къ рѣкѣ Вожѣ и около ручья Перекола, или Переколки. Урочища, называемыя *Завыты* и *Старая деревня*, покрыты воинскими холмами, особенно къ берегамъ упомянутой рѣки Быстрицы, отъ *Иванушкиной засады*, или такъ называемаго Иванушкина болотца (*).

Въ *засѣкѣ*, ближе къ *Вожѣ*, за сказанными *Завытами* въ моихъ и г-на Ѳеоктистова дачахъ существуетъ еще и валъ древній — засада, примыкающая однимъ концемъ къ Вожѣ, а другимъ къ озеру Савостьянову. — Обо всемъ етомъ, повторяю вамъ, было писано мною прежде, и многое изъ сего напечатано въ Журналахъ: Вѣстникѣ Европы и Сынѣ Отечества.

Рѣка Быстрица, вытекающая, по преданію, изъ *Быстраго* озера и впадающая въ Вожу, теперь истокомъ своимъ теряется въ пескахъ. Можетъ быть, она выходила изъ Рязан-

(*) Смотр. 57 стран. Истор., Стат. и Географич. Журнала на 1827 годъ. *М.*

скаго *Быстраго* озера, нынѣ также въ пескахъ совершенно исчезнувшаго? Карасевымъ озеромъ не назывался ли прудокъ Княжескій (*), существовавшій будто бы, какъ я же упоминалъ (**), нѣкогда на мѣстѣ нынѣшняго Успенскаго Собора.

Перерва, Перевицкъ, или и Перервизъ (***) если имѣютъ между собою сходство, въ такомъ случаѣ покажется сбыточнымъ, что и *Перервинскій* монастырь, именуясь Николою *Старымъ*, имѣлъ какое нибудь отношеніе ко Княжеству Рязанскому. Не составлялъ ли онъ когда нибудь подворья, принадлежавшаго къ Архіепіскопству, или къ Митрополіи Рязанской? Подъ Кіевомъ и въ Кіевѣ многіе Великіе Князья Россійскіе, и не Кіевскіе, имѣли свои монастыри, подворья; то же могло быть и въ Москвѣ отъ усердія ихъ (Князей) ко святынѣ, и потому немудрено уже, если Рязань, имѣя въ своихъ владѣніяхъ *Перервизъ* и собственно въ самой себѣ церковь Николы *Стараго*, имѣ-

---

(*) Я упоминалъ объ немъ въ одной изъ статей моихъ, помѣщенныхъ въ Вѣстникѣ Европы. *М.*

(**) О Карасевомъ озерѣ смотри Историч., Стат. и Географич. Журнала 1827 Іюнь, или Іюль мѣсяцъ. *М.*

(***) Смотри тотъ же Журналъ 1827 года. *М.*

ла свои же и Перервизской монастырь и съ тѣмъ же наименованіемъ церкви (Николы стараго) подъ Москвою.

Зная о супружествѣ Софіи, дщери Димитрія *Донскаго*, съ Рязанскимъ Княземъ Ѳеодоромъ, сыномъ Олеговымъ, въ бытность мою въ Рязани я спрашивалъ о мѣстѣ могилы Софіиной. Мнѣ указали (въ Рождественскомъ Соборѣ) на мѣста многихъ гробницъ и — тогда же родилась во мнѣ мысль (думаю, по страсти моей къ историческимъ памятникамъ) поставить на стѣнѣ, противъ мѣста гробницы, доску съ надписью: *Здѣсь положена Софія, дщерь Донскаго, спасителя Россіи.*

Кузминскій уѣздъ (*) находился по округу нынѣшняго села Кузминскаго, расположеннаго на берегу Оки и принадлежащаго разнымъ помѣщикамъ, но большею частію, по наслѣдству отъ Князей Голицыныхъ, Князьямъ Хилковымъ; въ составъ сего же уѣзда входили: монастырь Св. Іоанна Богослова, Волынь и Погостъ Св. Димитрія Селунскаго (нынѣшнее *Митино*), ближайшій къ мѣсту

(*) Смотр. Іюнь и Іюль Исторч., Статистч. и Геогрф. Журн. 1827. *М.*

Вожскаго сраженія и выстроенный; можетъ быть, во здравіе, или на поминъ души Димитрія *Донскаго*, тутъ враговъ побѣдившаго. Извѣстно, что день Св. Димитрія Селунскаго былъ днемъ именинъ В. Кн. Димитрія Іоанновича.

Въ Кузминскѣ, по словамъ жителей, съ непамятныхъ временъ заведены торги, и потому тамошніе крестьяне большею частію люди торговые. Отъ Кузминска по дорогѣ къ Волыни есть едва замѣтные признаки городища.

Я давно соглашался въ томъ, что *засѣки* составляли собою защиты *граничныя* (*); теперь подкрѣпляю это встрѣчаемыми мною не однажды во многихъ мѣстахъ сихъ *засѣкъ* нарочно устроенными крѣпостными валами. Вѣроятно, это были притины караульныхъ. Рязанская *засѣка* по крѣпостнымъ бумагамъ, взятымъ мною изъ Вотчиннаго Департамента на купленную предками моими засѣку, видно, начиналась отъ береговъ рѣки Оки, противъ *Коростова* (**), и простиралась по те-

(*) *О Рязанскихъ засѣкахъ* смотр. Истор., Стат. и Географ. Жур. 1827 мѣсяцъ Іюль, стр. 65. *М.*

(**) Село Рязанск. уѣзда, на берегу Оки, принадлежавшее Г. Ягужинскому. *М.*

ченію *Вожи* къ Михайловскому уѣзду, гдѣ уже соединясь съ Веневскою, теряла имя Вожской засѣки, шла къ Тулѣ и проч. Слѣдовательно, если мѣста Веневскія не принадлежали Рязани; то *сѣверная* Рязанская засѣка имѣла свой югъ къ Михайлову въ нынѣшнемъ Зарайскомъ уѣздѣ. Разстояніе невелико, но все—таки оно больше, нежели какъ выговорите: на сорокъ девять *верстъ* (*). Сообразите представленное мною разстояніе и потомъ сочтите наши дворянскія владѣнія по засѣкѣ: я одинъ имѣю въ ней владѣнія длинникомъ (къ Вожѣ) болѣе нежели на пять верстъ; мои сосѣди, по пространству отъ меня болѣе нежели на двадцати верстахъ; но и это еще не конецъ: округъ засѣки отъ впаденія Вожи въ Оку до Зарайска и до части Михайловскаго уѣзда составитъ неправильную линію верстъ на семдесять, или болѣе.

Пещера, находящаяся въ Пронской горѣ (**) имѣетъ себѣ подобную въ вашемъ *Ижеславцѣ*, или въ моемъ Вышеславцѣ. По срединѣ былъ,

(*) Смотр. 65 й стран. Историч., Статист. и Географ. Журн. Іюль 1827 года. *М.*

(**) О *Пронской пещерѣ* смотр. 67 стрн. Истор., Статист. и Географ. Журн. м. Іюль. 1827 года. *М.*

какъ многіе помнятъ еще, спускъ въ землю, вѣроятно имѣвшій выходъ на Проню; но нынѣ оный уже незамѣтенъ. Подъ *Старою* Рязанью должны быть таковые же ходы, что́ и доказываетъ, при въѣздѣ въ оную, необыкновенный отзывъ гула. Слѣдовательно пещеры были необходимою принадлежностію нѣкоторыхъ нашихъ городовъ и городищь! Вологда, Кіевъ, Новгородъ и самая Москва, какъ извѣстно, имѣютъ подъ землею ходы — вѣрное убѣжище въ бѣдахъ и напастяхъ.

Объ одной изъ Козловскихъ статуй (*) я также писалъ въ моихъ замѣчаніяхъ для *Доленги-Ходаковскаго*, напечатанныхъ въ Вѣстникѣ Европы. Тамъ было говорено мною, что о свозѣ таковой статуи съ рубежа происходило въ Козловскомъ Уѣздномъ судѣ дѣло.

Неизвѣстный надгробный памятникъ въ Темниковскомъ уѣздѣ (**), близь села *Бутакова*, напоминаетъ о подобныхъ камняхъ,

---

(*) *Объ истуканахъ въ южной Россіи* той же книжки стран. 68. Но почему эти истуканы принадлежатъ къ *Историческимъ* и *Археологическимъ достопамятностямъ по Рязанской губерніи?!* (Говорю по заглавію сочиненія.) *М.*

(**) Смотр. Историч., Статист. и Геогр. Жур. 1827 стрнц. 70 я, мѣсяцъ Іюль. *М.*

видѣнныхъ мною въ Лебедянскомъ уѣздѣ близь села *Большихъ Избищь*: одинъ въ пустоши *Козинской* съ изображеніемъ конской подковы при двухъ неизвѣстныхъ литтерахъ; другой близь того же мѣста около большой Добровской дороги въ урочищѣ Медвѣжьемъ съ изображеніемъ человѣческой ступни и конскаго уха. Подобные же камни находятся и въ другихъ нѣкоторыхъ мѣстахъ (*).

Признаваніе цѣлебными нѣкоторыхъ подобныхъ древностей, особенно отъ зубной боли, относится также и къ тому *Радонежскому* пню дерева, на которомъ явился образъ Св. Чудотворца Николая, и къ яблоновой *дубинкѣ*, или трости *Пересвѣта*, хранящейся въ Дмитріевскомъ Скопинскомъ монастырѣ. Сія послѣдняя также страдаетъ отъ грызенія зубовъ болящихъ.

Извините, милостивый государь, что ваши Археолого-Историческія наблюденія заставили меня предложить нѣсколько своихъ, можетъ быть, и несправедливыхъ и невѣрныхъ

(*) Но только не въ Рязанской Губерніи, гдѣ мнѣ подобныхъ камней видѣть не случалось. Спрошу опять: почемужъ и Темниковской камень принадлежитъ къ Рязанскимъ Историческимъ достопамятностямъ? *М.*

замѣчаній, по крайней мѣрѣ написанныхъ съ истиннымъ усердіемъ къ Рязанской Археологіи.

М. Макаровъ.

Воскресенскъ.
1827 г.
Августа 7 дня.

P. S. При новыхъ вашихъ Археологическихъ наблюденіяхъ собственно о сторонѣ Рязанской замѣтьте, что селенія и урочища Черниговской губерніи имѣютъ какое-то видимое сходство съ таковыми же селеніями и урочищами Рязанскими, въ особенности съ *Пронскими*: это *версты,* показывающія еще путь Славянъ и Руси отъ юга къ сѣверу. *М.*

Бѣглый взглядъ на ходъ и успѣхи животнаго магнитизма.

(Окончаніе.)

7. Сомнамбулизмъ магнитическій. Между сомнамбулизмомъ и магнитизмомъ никакого другаго отношенія нѣтъ, кромѣ того только, что, дабы находиться въ состояніи сомнамбулизма, надобно спать, и что поелику помаванія и прикосновенія магнитизера производятъ сонъ, которой можно почесть нѣкоторымъ образомъ за спячку, простую, или за бодрственную (*coma* или *coma vigil*); то и неудивительно, если ими возбуждается сомнамбулизмъ въ людяхъ, имѣющихъ расположеніе къ подобнымъ недугамъ. Но далѣе сего дѣла, которое есть слѣдствіе сна, въ сомнамбулизмѣ (какъ называютъ его) *магнитическомъ* я ничего не вижу, кромѣ заблужденій, нелѣпостей, фантазмагоріи, шарлатанизма и обмана, гдѣ прежде всѣхъ бываютъ одурачены сами магнитизеры, если неучаствуютъ они въ умыслѣ зломѣренномъ. Я никакъ не противорѣчу тому, что въ нѣкоторыхъ припадкахъ нервныхъ и въ продолженіе сомнамбулизма люди могутъ имѣть чувствованія, болѣе живыя и

ясныя, нежели въ состояніи бодрости. Ето именно происходитъ отъ того, что всѣ почти способности остаются тогда въ мертвенномъ оцѣпенѣніи, кромѣ одной или двухъ, тѣмъ съ большею силою дѣйствующихъ, что онѣ не ослабляются развлеченіемъ, свойственнымъ состоянію бодрствующаго человѣка. Извѣстно, какъ смыслъ, умъ и творческая сила болѣе или менѣе зависятъ отъ способности вниманія; потому ни мало и неудивительно, если замѣчаемъ болѣе точности, болѣе ясности въ идеяхъ особы, которой все вниманіе собрано на одномъ предметѣ какъ бы въ фокусѣ. Такимъ образомъ г. Пинель (*) въ нѣкоторыхъ больныхъ своихъ находилъ болѣе остроты, больше краснорѣчія и даже разсудительности въ часы припадка ихъ, нежели во всякое другое время. Такимъ же образомъ и мы работаемъ гораздо успѣшнѣе, когда устремимъ все вниманіе на одинъ предметъ, нежели когда занимаемся вдругъ многими.

Но если, начавши съ етаго, вздумаютъ увѣрять меня, будто во снѣ бодрствующій можетъ видѣть сквозь стѣну и сквозь горы; будто женщина изъ своей гостиной, въ Па-

(*) Извѣстный врачь во Франціи, пользующій ума лишенныхъ.

рижѣ, видитъ отца роднаго путешествующаго въ пятидесяти милях отъ столицы, слышитъ голосъ его и наблюдаетъ, какъ входитъ онъ въ гостинницу; будто молодая дѣвушка, находясь въ одной комнатѣ, читаетъ рукопись, которая въ то же самое время лежитъ спрятанная за замкомъ въ ящикѣ, находящемся въ другой комнатѣ; будто бодро-спящая особа можетъ читать книгу закрытую, положенную на спинѣ ея, или на брюхѣ; будто многіе такимъ же образомъ читаютъ въ будущемъ, и предсказанія ихъ якобы постоянно исполняются; будто бодро-спящій посредствомъ прикосновенія къ стеклянному кружку или къ металлическому, находившемуся при какой бы ни было особѣ, ему вовсе незнакомой, тотчасъ угадываетъ и болѣзнь незнакомца, и вещества, которыми вылѣчить его можно; будто бодро-спящій крестьянинъ, вдругъ сдѣлавшись латинистомъ (отъ того что его магнитизеръ знаетъ латынь), видитъ ясно все, находящееся во внутренности своего тѣла, узнаетъ *дванадесятную кишку* (duodenum) и *железу поджелудочную* (pancreas); будто женщина видитъ собственное свое сердце, пожираемое тремя длинными, мохнатыми червяками, и потомъ выгоняетъ ихъ такимъ путемъ, котораго никог-

да не бывало; будто другая; женщина же, бывъ намагнитизирована ночью, сама себѣ предписываетъ настой изъ травы, которую видитъ въ то же время, и которая находится въ разстояніи одной мили, на нѣкоей горѣ по ту сторону нѣкоего камня; если, наконецъ, потребуютъ, чтобы я принялъ за важныя истины тысячу другихъ нелѣпостей, почтительно внесенныхъ въ сочиненія великихъ магнитизеровъ: я рѣшительно скажу въ отвѣтъ, что всю науку ету должно препроводить къ умнымъ головамъ девятаго и десятаго столѣтій. —

8. Воззрѣніе. Подъ симъ именемъ разумѣютъ способность устремлять взоръ въ самую внутренность тѣла, какъ своего собственнаго, такъ и чужаго, и видѣть, что̀ тамъ происходитъ. Объ етомъ я упоминалъ выше. Надобно только прочитать описанія, сдѣланныя бодро-спящими, чтобы опредѣлить степень достоинства етой драгоцѣнной способности. Г. Делюзъ говоритъ со всею прямотою души невинной, что недолжно останавливаться надъ нѣкоторыми ошибками противъ Анатоміи, какія встрѣчаются въ показаніяхъ сихъ лунатиковъ бодро-спящихъ. Можно бы согласиться съ етимъ, еслибъ они говорили, *какъ*

имъ сдается, или *какъ* они думаютъ; но господа и госпожи бодро-спящія именно увѣряютъ, что они видятъ, видятъ и видятъ. А какъ весьма нерѣдко имъ видится то, чего нѣтъ, небывало и быть неможетъ; то *воззрѣніе* ихъ есть не иное что, какъ ложь безстыдная.

9. Предвѣдѣніе. Здѣсь уже совсѣмъ не до шутокъ. Еслибъ вздумалось кому на пророчества бодро-спящихъ изъ снисхожденія отвѣчать единственно шутками и насмѣшками, тотъ сдѣлалъ бы имъ слишкомъ много чести.

Я указалъ на главные елементы магнитической науки; изъ нихъ достовѣрнымъ я всегда почиталъ одинъ лишь сонъ, и притомъ сонъ, отличный отъ натуральнаго. Думаю, что всѣ противники магнитизма въ етомъ пунктѣ согласны со мною. Незнаю ни одного, кто рѣшительно отрицалъ бы усыпленіе, производимое помаваніями почтенныхъ господъ магнитизеровъ. Но ета моя уступка нимало не служитъ въ пользу магнитизма: во первыхъ, потому что наводимый сонъ не принадлежитъ ему исключительно; во вторыхъ, что будучи сномъ, такъ сказать, насильственнымъ (паѳологическимъ), онъ есть не средство врачеванія, а именно болѣзнь новая, присоединяемая къ существующимъ уже дру-

гимъ въ шѣлѣ недужнаго. Здѣсь начало припадкамъ, которыхъ не отрицаютъ сами даже магнитизеры. Если же отъ сна магнитическаго и были какія-либо слѣдствія, по видимому хорошія; то надобно же, чтобъ они были недостаточны, когда имъ предпочитаются врачебные совѣты бодро-спящаго юноши осмнадцатилѣтняго, или крестьянина, которой видитъ въ самомъ себѣ кишку двенадесятную, — или швеи, которая предсказываетъ излѣченіе грудной болѣзни своей посредствомъ смородины. За пятьдесятъ лѣтъ передъ симъ шутили надъ простодушнымъ докторомъ Тувенелемъ, которой имѣлъ вѣру къ ѵдроскопіи и къ жезлу волшебному; а теперь останавливаются надъ дурачествами, надъ шарлатанскими штуками, надъ мороченьемъ бодро-спящихъ, и занимаются ими! —

Я сказалъ въ одной изъ прежнихъ статей моихъ, что мудрено возъимѣть вѣру къ ученію о магнитизмѣ, хотя бы даже влекла къ нему врожденная склонность, когда всѣ корѵфеи усыпальниковъ несогласны между собою въ главныхъ началахъ онаго, и когда одни рѣшительно отвергаютъ то, что̀ утверждаютъ другіе.

Всѣ магнитизеры допустили магнитическую жидкость; одни мечтали о жидкости *всемірной*, о томъ, что̀ у древнихъ было mens agitat molem, о душѣ міра по Пиѳагору; другіе доказываютъ, что ето есть не иное что̀ какъ *вещество жизненное*. Теперь Баронъ Генель-де-Кювильеръ рѣшительно отвергаетъ всякую жидкость магнитическую!

Почтенные господа магнитизеры требуютъ полнаго довѣрія, воли и желанія сдѣлать добро, какъ необходимыхъ условій для успѣха въ своемъ подвигѣ; напротивъ того Аббатъ Фаріа неимѣетъ никакой нужды ни въ одномъ изъ упомянутыхъ качествъ, и со всѣмъ тѣмъ онъ удивляетъ народъ своимъ чудодѣйствомъ!

Одни провозглашаютъ бодро-спящихъ настоящими пророками. Нѣкто изъ числа Великихъ Магистровъ пресловутаго ордена магнитизеровъ объяснилъ намъ чудесное предвѣдѣніе вотъ какимъ образомъ: *прошедшее, настоящее и будущее есть не иное что какъ безпрерывно продолжающееся настоящее*; но смиренномудрый г. Делюзъ значительно стѣснилъ сію драгоцѣнную способность, примѣнивъ ее къ простымъ догадкамъ, похожимъ на тѣ, какія могъ бы имѣть человѣкъ,

плывушій по рѣкѣ быстрой, и которой, взглянувъ на все окружающее, былъ бы въ состояніи предусмотрѣть, что̀ можетъ съ нимъ случиться.

Большая часть магнитизеровъ изволитъ забавляться *вторымъ зрѣніемъ* бодро-спящихъ. Они заставляютъ паціентовъ своихъ выкидывать разныя штуки: угадывать, что̀ находится въ карманахъ у зрителей; угадывать время на часахъ далеко запрятанныхъ; читать рукопись запертую въ ящикѣ, и дѣлать множество другихъ проказъ, приличныхъ обезьянамъ и ученымъ собачкамъ. На это свидѣтельства такъ многочисленны, что я готовъ почти всему вѣрить. Но вотъ раздается гласъ Іерофанта магнитическаго храма, вѣщающій ко мнѣ: „Бодрствующіе во снѣ занимаются единственно *своимъ* состояніемъ.“ И вся фантазмагорія въ глазахъ моихъ исчезла! Вѣрьте же магнитизму среди сего хаоса! Вторая мысль уничтожаетъ первую, третья вторую, и потомъ сама исчезаетъ. Простяки, читающіе одну какую нибудь книгу о магнитизмѣ, имѣютъ къ ней теплую вѣру; заглянувши во многія, они стали бы сомнѣваться, а читавши всѣ, они вовсе перестали бы вѣрить. - - *Z.*

(*Journ. d. Dèb.*)

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Розамунда.

(Окончаніе.)

Между шѣмъ Агаша, вышедъ изъ пансіона, проводила время въ веселыхъ обществахъ столицы; она вступила въ свѣшъ, когда Розамунда уже выздоровѣла. Съ шумомъ и живостію, слишкомъ шяжелою для ослабѣвшихъ нервъ Розамунды, она посѣшила свою прежнюю подругу и весьма неосторожно смѣялась перемѣнѣ, произведенной въ красошѣ ея сильными шѣлесными и душевными страданіями. Разрывъ всѣмъ извѣстной связи ея съ Максомъ былъ предметомъ общественныхъ разговоровъ; Агаша объ ешомъ шакже слышала, и была столь жестокосерда, что дотронулась до струны, издававшей одни лишь болѣзненные звуки.

„Какъ ты безразсудна!" сказала она Розамундѣ, которая не могла оправдаться въ обвиненіи, что оскорбишельными порывами ревности и вспыльчивости удалила отъ себя

любезнаго человѣка: »Максъ долженъ быть самой прекрасной, самой веселой мущина, и притомъ такъ добродѣтеленъ, что ты себѣ и вообразить не можешь. Принимая въ немъ участіе, я освѣдомлялась обо всемъ; узнала отъ вѣрныхъ людей, въ какихъ отношеніяхъ находился онъ къ семейству музыкальнаго учителя, и отъ всего сердца смѣялась, слыша, что онъ былъ не любовникомъ, а менторомъ молодой дѣвушки, и что имѣлъ романическое намѣреніе предохранять ее отъ всѣхъ золъ своими нравоученіями. Италъянскому же языку училъ онъ ее съ тѣмъ, чтобъ она могла, при своей красивой наружности и прелестномъ голосѣ, явиться передъ публикою на какомъ нибудь хорошемъ театрѣ. Вся родня чрезвычайно жалѣетъ о разлукѣ съ нимъ. Хотя и сдѣлалъ онъ распоряженія касательно ихъ безбѣдной жизни, хотя пріискалъ ей въ учители старика; но все таки не льзя было, особенно молодой красавицѣ, забыть его прекрасныхъ поученій.«

Розамунда, встревоженная разсказомъ, отворотилась и заплакала; но Агата насильно исторгла ее изъ плѣна сей благодѣтельной скорби; съ легкомысліемъ и безхарактерною поспѣшностію она продолжала:

»Ну, къ чему плакать, милая! слезами вѣдь не пособишь. Полно, ради Бога! Какъ знать, не къ лучшему ли это? Скажу тебѣ откровенно: я вознамѣрилась — если что нибудь важное непомѣшаетъ — завоевать для себя самой ту добычу, которой ты лишилась. Мущинъ много на свѣтѣ! Ты можешь себѣ представить, что съ моимъ состояніемъ, и скажу безъ хвастовства, съ моимъ пригожствомъ негрѣшно быть нѣсколько и разборчивою между множествомъ искателей. А такого прекраснаго и любезнаго мущину, каковъ Максъ, можно и подождать. Добродушный чудакъ, употреблявшій время на то, чтобы незначущую дѣвушку наставленіями своими предохранить отъ разврата, долженъ быть превосходнымъ мужемъ, тѣмъ болѣе что не терпитъ ревности, слѣдовательно не будетъ мучить жены своей и предоставитъ ей полную свободу: этого-то я и желаю. Вѣдь онъ уже никогда твоимъ не будетъ? Не правда ли? Знай же, что я объявляю тебѣ открытую войну, и ты не должна огорчаться, если по возвращеніи его я надлежащимъ образомъ раскину сѣти.«

Розамундѣ сдѣлалось такъ дурно, что Агата должна была сократить свое посѣще-

ніе. Оставшись одна и собравшись съ силами, она вознесла горестную душу свою къ Богу, и у Него старалась испросить облегченія.

„Я сама причиною, что его лишилась!" говорила она — и слезы ручьями текли по впалымъ ея щекамъ: „я, увлеченная безразсудною, несправедливою недовѣрчивостію, забыла кротость, приличную женщинѣ, удалила его отъ себя, заставивъ стремиться къ опасностямъ — и можетъ быть, къ самой смерти. О Боже! Ты видишь искреннее мое раскаяніе! Сохрани его и возврати скорѣе въ объятія матери, которой слезы меня обвиняютъ и которая, кажется, требуетъ отъ меня единственнаго сына. Если же никогда" она содрогнулась при сей мысли „если никогда сердце его не будетъ принадлежать мнѣ; если горесть моя и священный обѣтъ исправиться не примирятъ меня съ нимъ: всю жизнь мою употреблю, чтобы содѣлаться его достойною."

Она никакъ не полагала, чтобы намѣреніе Агаты приобрѣсть его могло имѣть успѣхъ счастливый; ибо хотя признаніе вѣтреной подруги оскорбило ся чувствительность и сдѣлало неприятное впечатлѣніе въ Розамундѣ; но тотъ же самой умыселъ ручался

ей, что Максъ счастливо избѣгнетъ сѣтей вѣтреницы.

Чтò можетъ сравниться съ ея горестію, когда онъ въ самомъ дѣлѣ возвратился и когда всѣ покушенія доброй его матери примирить ихъ остались безуспѣшными? Онъ заклиналъ ее своимъ благополучіемъ не произносить въ присутствіи его имени, которое онъ желалъ бы также истребить въ своей памяти, какъ истребилъ оное въ сердцѣ. Потеря была уже очевидна, и Розамунда почувствовала, какого блаженства лишается. Но надежды влюбленныхъ похожи на лампу, въ которой недостаетъ масла и которая, то вспыхивая, то затмѣваясь, гаснетъ не прежде, какъ на послѣдней каплѣ: такъ и Розамунда созидала въ воображеніи своемъ множество воздушныхъ зáмковъ. Но холодный, испытующій разсудокъ, но дѣвическая гордость, напоминавшая ей объ ея достоинствахъ, отвергали всѣ сіи планы, прежде нежели она могла подумать о приведеніи ихъ въ дѣйствіе.

Розамунда льстила себя надеждою, что еслибъ ей удалось только встрѣтиться съ нимъ, то взоръ ея вѣрно смягчилъ бы его, возобновивъ въ душѣ воспоминаніе о прекраснѣйшемъ времени первой любви юношеской;

но разслабленная и душею и тѣломъ, не осмѣливалась выдти изъ дому: ибо знала, что сила, напрягавшая нервы ея при мысли о свиданіи съ Максомъ, подобно невѣрному другу, оставитъ ее, когда это случится въ самомъ дѣлѣ, и вмѣсто того чтобы тронуть его, она въ его присутствіи изнеможетъ, какъ жертва собственной слабости.

Однажды имѣла она горестное и вмѣстѣ сладкое удовольствіе видѣть Макса. Онъ поспѣшно и равнодушно прошелъ мимо ея дома въ то время, какъ она сидѣла за гардиною у окна, на которое, бывало, онъ издали еще устремлялъ свои взоры и на которое теперь не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Не смотря на такое огорченіе, минута сія была драгоцѣнна для Розамунды. Любезный образъ, обновленный свѣжими красками, неизгладимо напечатлѣлся въ ея сердцѣ, а мужественная красота его озарилась въ глазахъ ея знаменитыми подвигами на поприщѣ военномъ и знаками храбрости, имъ пріобрѣтенными.

Въ то время, какъ Розамунда думала, что достигла уже послѣдней степени горести, судьба готовила ей удары сильнѣе прежнихъ. Въ печальное уединеніе ея проникъ

слухъ, что Максъ весьма ревностно замѣчаетъ предпочтеніе, которое оказываетъ ему Агата, и что даже намѣренъ искать руки ея. Вскорѣ послѣ сего свершился и послѣдній ударъ, коего страшилась несчастная: она узнала о его торжественномъ обрученіи и чрезъ нѣсколько дней о его свадьбѣ, послѣ коей онъ уѣхалъ съ своею супругою въ ея помѣстья.

Сердце Розамунды какъ бы окаменѣло отъ горестей; на происшествія свѣта она взирала съ такимъ же равнодушіемъ, какъ на фонарь волшебный; отъ чрезмѣрной скорби лишилась почти способности чувствовать оную, или по крайней мѣрѣ лишилась силъ ее обнаруживать.

Иногда горькія лѣкарства производятъ лучшія дѣйствія; такъ точно спасительнымъ было внезапное потрясеніе, исторгнувшее Розамунду изъ усыпленія чувствъ ея. Злобная Агата, гордясь торжествомъ своимъ надъ Розамундой, оставила ей при отъѣздѣ печатную визитную карточку, которою извѣщала своихъ знакомыхъ о бракосочетаніи съ Максомъ и на коей своеручно изъявила оскорбительное сожалѣніе объ участи прежней своей подруги.

Ядовитая шутка и злобная радость Агапы заставили образумиться Розамунду. Она жалѣла, что другъ юности ея имѣетъ такую супругу; досада ея на него исчезла, ибо она почитала его впавшимъ въ заблужденіе, несчастнымъ, который дорого заплатитъ за свою ошибку, когда увидитъ дурныя качества избранной имъ особы и долженъ будетъ презирать ее.

Покорясь жестокой своей участи, старалась она, для успокоенія матери, устроить на развалинахъ прежнихъ надеждъ своихъ скромную хижину, которая если не могла быть для нея храмомъ счастія, то по крайней мѣрѣ могла бы укрывать ее отъ ударовъ неумолимаго рока.

Вступить въ новый союзъ было для нее не возможно: любовь къ Максу все еще обитала въ ея сердцѣ. Однако для успокоенія матери ей надлежало обезпечить себя на будущее время. Вскорѣ исполнилось скромное желаніе Розамунды: она получила мѣсто придворной дамы у престарѣлой, почти лишенной зрѣнія Принцессы, которая, живучи въ удаленіи отъ свѣта, имѣла нужду въ пріятной собесѣдницѣ. Принцесса была близкая родственница царствовавшаго Дома. Она жила весьма просто въ особомъ дворцѣ; больщые гла-

за, немогтіе переносить ослѣпительнаго блеска огней, не позволяли ей принимать участіе въ большихъ обществахъ: а посему весьма важно было для нея въ тихомъ уединеніи имѣть особу, которая заботилась бы о ней въ столь болѣзненномъ ея положеніи. Многія изъ молодыхъ дѣвицъ вступали въ сію должность; но всегдашнее однообразіе жизни, походившее почти на тюремное заключеніе, и утрата всѣхъ удовольствій юности, были причиною, что однѣ вскорѣ отъ нея отказывались, а другія страшились пожертвовать цвѣтущими лѣтами жизни такой скучной должности.

Напротивъ того для Розамунды уединеніе было благотворною стихіею, а множество занятій, коихъ требовала отъ нея должность, примиряло ее съ жизнію. Подобно отшельницѣ, въ сознаніи вины своей и съ чувствомъ раскаянія исполняющей трудные подвиги самоотверженія, Розамунда съ неутомимымъ терпѣніемъ и точностію исполняла все возложенное на нея тягостною обязанностію, и Принцесса благословляла судьбу, которая, послѣ многихъ неудовольствій, наградила ее неоцѣненною собесѣдницей.

Всякое доброе дѣло влечетъ за собою награду, состоящую во внутреннемъ, душевномъ удовольствіи, и Розамунда, въ замѣнъ за свое пожертвованіе, обрѣла спокойствіе, коего до того времени не имѣла. Она привыкла къ однообразію, походившему на заводимые ежедневно часы, и радовалась, что служитъ какъ бы геніемъ-хранителемъ для несчастной, лишенной зрѣнія. — Поутру первымъ дѣломъ Розамунды было совершить утреннее моленіе вмѣстѣ съ Принцессою и пропѣть какую нибудь пѣснь духовную. За завтракомъ ссужала ее глазами, и старалась приправлять оный дружескою бесѣдою. Принцесса еще въ дѣтствѣ лишилась зрѣнія; воспитаніе ея было весьма недостаточно, и она не получила никакого ученаго образованія.

Сначала Розамунда старалась пріобрѣсти ея довѣренность; потомъ мало помалу распространить ея понятія и дать высшее направленіе ея мыслямъ. Любопытная отъ природы, Принцесса знала до сихъ поръ только о городскихъ происшествіяхъ, часто незаключавшихъ въ себѣ ничего инаго, кромѣ обыкновенныхъ сплетней: теперь подобные разговоры совсѣмъ были изгнаны изъ ихъ небольшаго круга. Розамунда, не покидая новостей вовсе, умѣла въ разсказѣ объ оныхъ быть

бережливою, а получивъ ихъ вдругъ большое количество, сообщала понемногу между важными разговорами, единственно для разнообразія. Когдажъ хотѣла обратить вниманіе Принцессы на предметы любопытные: то уже не заботилась о сихъ мѣлочныхъ ефемерахъ, отъ незнанія коихъ ничего не теряется. Пріятною бесѣдою или избраннымъ чтеніемъ старалась въ душѣ Принцессы, привыкшей до того времени къ поверхностнымъ знаніямъ, возбудить внимательное любопытство ко многому, что̀ было ей еще неизвѣстно, и что̀ въ минуты уединеннаго размышленія могло разгонять мракъ душевный. Когда позволяла погода, передъ обѣдомъ ходили онѣ прогуливаться, чтобы свѣжимъ воздухомъ и движеніемъ укрѣпить здоровье. Въ сихъ прогулкахъ Розамунда умѣла для отдѣленной отъ свѣта Принцессы дѣлать небольшія примѣненія, кои въ такихъ случаяхъ видитъ наблюдательный взоръ и замѣчаетъ доброе сердце, а отъ сего происходило много хорошаго; ибо разсказывая, на примѣръ, о томъ, какъ осень позлащаетъ деревья, какъ бѣдныя дѣти стараются изъ падающихъ украшеній природы извлекать для себя пользу, какъ собираютъ увядшіе древесные листья для подстилки, а падающіе дикіе каштаны для корма скоти-

нѣ, присоединяла къ симъ простымъ замѣчаніямъ разговоръ о положеніи людей низшихъ классовъ, подававшій поводъ Принцессѣ къ совершенно новымъ размышленіямъ и побуждавшій ее къ благодѣяніямъ.

Послѣ обѣда Принцесса полчаса отдыхала; но и въ ето время Розамунда не должна была оставлять ее. Потомъ обыкновенно читали газеты, въ коихъ, кромѣ извѣстій политическихъ, замѣчаемы были успѣхи въ наукахъ и разныя изобрѣтенія. Такое чтеніе давало поводъ ко многимъ поучительнымъ разговорамъ, и мало помалу проясняло понятія Принцессы касательно Исторіи и Географіи.

Къ вечеру Принцесса обыкновенно приглашала нѣсколько особъ, принадлежавшихъ къ ея обществу, провести время за чаемъ въ разговорахъ. Тутъ обыкновенно бывала и мать Розамунды; почтенная женщина ета, видя, какъ радовалась Принцесса своей собесѣдницей, какъ усердно ее хвалила, и обманутая наружнымъ спокойствіемъ дочери, почитала ее излѣчившеюся отъ любви и слѣдовательно счастливою, совершенно довольною тѣмъ состояніемъ, которое другія называли скучною, однообразною жизнію. Изъ

спокойствія любимой матери Розамунда почерпала бальзамъ для исцѣленія тайныхъ болѣзней сердца.

Часто иностранцы, приѣзжавшіе ко двору, представлялись также и Принцессѣ, зная, что для ней приятно было, кагда ее не обходили. Розамунда должна была принимать ихъ, и ловкость, съ какою она разговаривала съ ними, равно какъ искусство помогать затруднявшейся въ разговорѣ Принцессѣ (не забывая притомъ своей подчиненности и скромности), производили во всѣхъ ее знавшихъ самое приятное впечатлѣніе.

Поздно вечеромъ, оставшись одна съ Принцессою, она начинала тотъ вдохновенный разговоръ, который, не имѣя нужды въ словахъ, чтобъ быть понятнымъ, могущественно проникаетъ во глубину души: тутъ садилась она за фортопьяно, играла съ отличнымъ искусствомъ, и теряясь въ гармоніи, изливала чувства свои въ фантазіяхъ, кои изображали то несчастія любви, то мученія обманутой надежды; потомъ вдругъ возносилась въ спокойномъ величіи къ Тому, въ десницѣ Коего судьбы наши и Который располагаетъ ими.

Въ сія только часы приятнаго и вмѣстѣ горестнаго досуга сердце ея дышало свободно, снова призывало минувшія радости и любезныя мечты свои. — Вставъ изъ за инструмента, чтобы окончить послѣднее дѣйствіе обыкновеннаго образа жизни — прочесть для Принцессы вечернюю молитву — обращалась снова къ своимъ обязанностямъ, прекращала бесѣду съ чувствами сердца, и утомленная безпрестанными занятіями, повергалась на ложе, гдѣ сонъ вскорѣ простиралъ надъ усталыми ея очами завѣсу, закрывавшую всѣ неприятности жизни.

Такъ однообразно, но спокойно, протекли два года, въ продолженіе коихъ Розамунда ничего неслыхала о Максѣ и его супругѣ, кромѣ что у нихъ родилась дочь. Мать его посѣщала Принцессу изрѣдка, когда позволяло приличіе. Розамундѣ, по обстоятельствамъ, не льзя было отлучаться: слѣдственно и не могла она, какъ прежде, приближиться къ ней съ дѣтскою довѣренностію. Но при встрѣчѣ съ г-жею Фонъ Фельдгеймъ значительный, хотя и печальный взоръ Розамунды показывалъ, что она не чужда ея сердцу; молча старалась она изобразить ей искреннюю свою благодарность и привязанность. Но произнести имя Макса,

имя для обѣихъ столь любезное, не могли обѣ, взаимно щадя свою чувствительность.

Чтожъ должна была чувствовать Розамунда въ то время, когда однажды госпожа Фонъ Фельдгеймъ на вопросъ Принцессы о здоровьѣ сына ея отвѣчала, что наступающую зиму намѣренъ онъ провести въ столицѣ, потому что слабое здоровье дочери его имѣетъ нужду въ искусныхъ врачахъ, а къ находящимся близь его помѣстья имѣетъ онъ мало довѣренности.

Принцесса хотя и знала о прежнихъ отношеніяхъ къ нему Розамунды, но, судя по теперешнему ея спокойствію, полагала, что она сдѣлалась совершенно къ нему равнодушною, а потому съ учтивостію открылась въ своемъ чаяніи, что Максъ по пріѣздѣ возобновитъ прежнее знакомство. Она вмѣняла себѣ въ удовольствіе узнать его супругу, которая еще не была ей представлена, тѣмъ болѣе что свадьба тогда свершилась въ скорости, и Принцесса узнала объ оной уже послѣ ихъ отъѣзда.

Какое волненіе произвела мысль о будущемъ въ успокоившейся груди Розамунды! Горячія слезы потекли изъ глазъ ея, когда

осталась одна, и она стала молить Небо о подкрѣпленіи силъ ея при столь опасномъ свиданіи. Проведя цѣлую ночь безъ сна, снова собрала она ослабѣвшія свои душевныя силы. Обозрѣвъ положеніе свое и рѣшась встрѣтить любезнаго ея сердцу, но котораго судьба у нея похитила, рѣшась встрѣтить его не съ досадою и горестію, а съ кроткимъ дружескимъ участіемъ, она примирилась съ мыслію о скоромъ его пріѣздѣ. Однако для нея пріятно было, что гордая соперница ея не видала, какъ иногда погружалась она въ горестныя мечтанія и какъ потомъ отирала слезы, исторгаемыя *воспоминаніемъ* и *безнадежностію*.

Наконецъ Розамунда узнала, что Максъ пріѣхалъ; но прошло много времени, частію въ домашнихъ распоряженіяхъ, частію въ представленіи Двору, прежде нежели онъ, по напоминанію матери, испросилъ позволеніе у Принцессы представиться ей съ своею супругою. Назначенъ былъ вечеръ, и съ сего времени каждый звукъ часовъ, подобно електрическому удару, отдавался въ трепетномъ сердцѣ Розамунды; страхъ ея тѣмъ болѣе увеличивался, чѣмъ ближе была минута его пріѣзда.

Между тѣмъ прибытіе Макса вмѣстѣ съ супругою почитала она для себя благопріятнымъ; ибо увѣрена была, что присутствіе етой своенравной, злобной женщины и воспоминаніе о нанесенныхъ ею обидахъ возбудятъ въ ней благородную гордость и подадутъ силы восторжествовать надъ сокрушеніемъ сердечнымъ. Ей служило утѣшеніемъ даже и то, что ее увидятъ не при полномъ освѣщеніи, но въ сумракѣ, при мерцаніи лампы, по причинѣ слабаго состоянія глазъ Принцессы; Розамунда надѣялась, что при такихъ обстоятельствахъ не замѣтятъ ни перемѣны въ лицѣ, ни трепета, по ея мнѣнію, неотвратимыхъ. Мысленно скрываемая симъ благодѣтельнымъ сумракомъ успокоивалась она отъ смятенія, въ которое повергла ее мысль о скоромъ его пріѣздѣ.

Но вотъ карета подъѣхала къ крыльцу, дверцы отворились и супруги входятъ.

Розамунда, подкрѣпленная какъ бы свыше, съ благороднею осанкою пошла къ нимъ на встрѣчу. Она взяла Агату за руку, чтобы подвести къ Принцессѣ, и твердымъ голосомъ назвала ее госпожею Фонъ Фельдгеймъ. Въ смущеніи слѣдовалъ за нею Максъ: онъ какъ бы пробудился отъ глубокаго сна, когда

Принцесса начала говорить, и Розамунда пригласила ихъ садиться.

Теперь замѣтила она въ Максѣ и Агатѣ удивительную перемѣну, отъ коей они не походили сами на себя и которая не показывала, чтобъ они были счастливы. Въ чертахъ послѣдней видны были низкія страсти, вытѣснившія прежнюю юношескую свѣжесть и привлекательную веселость.

Въ глазахъ Агаты, лишенныхъ блеска, изображались злобная дерзость и нравъ неприязненный. Впалыя щеки хотя, при помощи румянъ, имѣли цвѣтущую наружность, но не могли скрыть разстройства въ здоровьѣ, произведенномъ безпорядочною жизнію. Великолѣпною одеждой, блескомъ дорогихъ камней старалась она замѣнить внутреннія достоинства, коихъ ей недоставало. Агата съ гордостію отвѣчала на учтивости, оказываемыя ей Розамундою по долгу приличія.

Совсѣмъ другое дѣйствіе произвели на Макса два года отсутствія. Мрачная меланхолія потерявшаго надежду на счастіе, казалось, напечатлѣла на лицѣ его признаніе: *я несчастливъ!* Но печаль, его снѣдавщая, возбуждала состраданіе Розамунды, какъ бы го-

воря ей, что хотя жестокая опытность лишила его юношеской веселости, но за то она же спасла достоинство его характера.

Пробывъ не болѣе четверти часа у Принцессы, Агата объявила, что спѣшитъ въ театръ, съ досадою взглянула на Макса, и простясь насмѣшливою улыбкою съ Розамундой, уѣхала.

Розамунда благодарила Принцессу, что она спросила о томъ, о чемъ сама не въ силахъ была сдѣлать вопроса: именно спросила объ Еммѣ, о которой Максъ заботился съ любовію истинно отеческою, и о здоровьи которой, пренебреженномъ матерью, прилагалъ онъ самыя нѣжныя попеченія.

Какъ лучь солнечный освѣщаетъ мрачныя дождевыя тучи, такъ свѣтлая улыбка появилась на скорбномъ лицѣ Макса, когда упомянули о его любимицѣ, и хотя пощадилъ онъ жену свою, но по всему видно было, что Агата вовсе не заботилась о бѣдной, больной малюткѣ, что ввѣрила ее ненадежнымъ приставницамъ; отъ нерадѣнія коихъ произошла болѣзнь продолжительная, и что Агата не только не заботится объ ней, какъ бы слѣдовало доброй матери, но еще почитаетъ ее тягостнымъ бременемъ для блестящей своей молодости.

Какъ будто проникнувъ тайныя помышленія Розамунды, Принцесса просила Макса иногда присылать къ ней маленькую Емму. Не будучи въ состояніи любоваться приятнымъ видомъ малютокъ, она любила, когда подлѣ ней были дѣти и радовалась невиннымъ ихъ лепетаньемъ. Принцесса приглашала и его являться сколько можно чаще, и Максъ, наскучивъ шумными веселостями, несогласными съ чувствами сердца, и нашедъ (хотя въ етомъ и не признавался) близь Розамунды тѣ наслажденія, коихъ тщетно искалъ въ другихъ мѣстахъ; съ радостію принялъ приглашеніе, тѣмъ болѣе что Розамунда кроткою улыбкою подтвердила просьбу Принцессы.

На другой день онъ прислалъ маленькую Емму, — бѣлую розу, снѣдаемую червемъ. Никогда Розамунда не видала дитяти столь прелестнаго: оно носило на себѣ черты родителя. Со слезами прижала она къ себѣ младенца, а Емма, обнявъ рученками ея шею и приникнувъ головкою къ груди ея, казалось, искала любви родительской! И для столь милаго творенія не быть матерью! Мысль ета ужасала Розамунду, между тѣмъ какъ Агата, по своему образу мыслей, вовсе ненаходила удовольствія въ исполненіи столь сладостнаго, священнаго долга.

Съ сего времени Максъ началъ являться чаще. Увѣрившись, что самъ виновенъ въ разрывѣ съ Розамундой, онъ всюду былъ преслѣдуемъ ея образомъ, рушителемъ его спокойствія, и чѣмъ болѣе замѣчалъ недостатки Агаты, тѣмъ чувствительнѣе для него было безразсудное ея поведеніе, тѣмъ снисходительнѣе разсуждалъ онъ о характерѣ Розамунды, и тѣмъ охотнѣе прощалъ ей вспыльчивость, принимая въ уваженіе превосходныя качества, которыми украшалась ея особа.

Когда увидѣлъ ее снова не безъ трепета сердечнаго, когда увидѣлъ ее испытанною въ школѣ бѣдствій, коихъ самъ былъ виновникомъ, столь благородною, учтивою, украшенною всѣми женскими добродѣтелями, столь ласковою къ нему, принимающею такое нѣжное участіе въ его дочери — онъ почувствовалъ сильное желаніе обладать ею; твердо рѣшился развестись съ недостойною своей супругою, открылъ намѣреніе свое Принцессѣ и просилъ ея посредства, дабы послѣ жестокихъ испытаній, которыя навлекъ на себя несчастнымъ выборомъ по своей доброй волѣ, найти въ Розамундѣ истинное благо въ жизни.

Откровенной разсказъ о томъ, какъ Агата еще въ первой годъ брака, не щадя его чести, вступила въ связь съ людьми недостойными, чтобъ удовлетворить своей страсти къ интригамъ, и увѣренность, что неспособная къ истинной любви, она охотно согласится на разводъ, и что одна только Розамунда можетъ вознаградить его за претерпѣнныя страданія, одна можетъ быть истинною матерью его дитяти — побудили склониться на его просьбу добродушную Принцессу, которая хотя и съ ужасомъ помышляла о разлукѣ съ такою достойною подругою, но не была столь самолюбива, чтобъ лишить ее счастія.

Взявшись исполнить препорученіе, Принцесса объявила обо всемъ Розамундѣ, и сдѣлала это съ тѣмъ истиннымъ краснорѣчіемъ, какое могло внушить ей желаніе упрочить ея благополучіе. Сколь ни убѣдительны были слова Принцессы, сколь ни много подѣйствовали они на Розамунду, но сильнѣйшимъ ходатаемъ за Макса было собственное сердце дѣвицы. Долго подавляемая любовь возгорѣлась теперь сильнымъ пламенемъ, и освѣтила предъ глазами ея прекрасную перспективу будущаго. Подѣло-

вавъ руку Принцессы, она просила у нея позволенія удалиться въ свою комнату и тамъ посовѣтоваться съ собою, какъ бы въ семъ лабиринтѣ сладостныхъ надеждъ и огорченій отыскать нить, которая могла бы привести ее къ достойной ея цѣли.

Между тѣмъ, чтобъ не оставить Принцессы въ уединеніи, послала за своею матерью, которая, узнавъ о желаніи Макса и одобривъ оное, согласилась на просьбу Принцессы остаться при ней, если дочь ея выйдетъ замужъ. Чрезъ нѣсколько часовъ явилась Розамунда блѣдная, съ заплаканными глазами; спокойнымъ и рѣшительнымъ тономъ она объявила, что въ письмѣ къ Максу, которое поручала матери прочесть Принцессѣ, находится непоколебимое ея намѣреніе и ея мысли о семъ важномъ предметѣ. Послѣ сего она испросила позволеніе у своей благодѣтельницы уйти къ себѣ въ комнату, чтобы тамъ безпрепятственно предаться горести, которой не могла истребить и самая увѣренность въ хорошемъ поступкѣ.

„Мы оба неправы, милый другъ мой;“ сказано было въ письмѣ: „оба и должны раскаяться въ проступкахъ нашихъ. Я любила

тебя всѣмъ сердцемъ; но вспыльчивость, побѣжденная мною во время страданій, тебя отъ меня удалила, и ты былъ столь жестокъ, что за минутную неосторожность заплатилъ мнѣ гнѣвомъ непримиримымъ. Вотъ взаимные проступки наши, которые могло бы загладить время, еслибъ твой собственный, произвольный выборъ не поставилъ между нами третьей особы, — а она, скажу, не смотря на всю мою нелюбовь къ ней, имѣетъ священныя права на мою пощаду.

„Она мать твоего дитяти! Не забудь етаго, Максъ! Употреби все благоразуміе и любезность, коими ты обладаешь, всю власть, которую умѣешь приобрѣтать надъ другими, употреби привлекательную кротость, тебѣ свойственную, чтобы виновную жену обратить на путь правой. До сихъ поръ ты употреблялъ только мрачную важность и строгость: непреоборимой силѣ дружества или убѣжденія она вѣрно покорится. Но если сего не сдѣлается, и тогда не соглашусь я занять мѣсто, изъ котораго должна вытѣснить другую. Я принимаю въ тебѣ сердечное участіе; но горесть, которую съ тобою раздѣляю, почитаю непремѣннымъ слѣдствіемъ общей вины нашей, и мы должны переносить оную съ покорностію.

„Само собою разумѣется, что съ сего времени мы не должны болѣе видѣть другъ друга. Требую отъ тебя, какъ послѣдняго знака любви ко мнѣ, требую, чтобъ ты не отвращалъ меня отъ рѣшительности, предписываемой мнѣ обязанностію и честью, и чтобъ не посѣщалъ Принцессы (которой не желаю лишить удовольствія видѣться съ тобою), не давъ мнѣ времени удалиться.

„Еслижъ хочешь горестное сердце мое оживить цѣлебнымъ бальзамомъ, — присылай ко мнѣ чаще милую дочь свою, въ которой мнѣ позволено любить виновника ея жизни, и пріобрѣти мое уваженіе стараніемъ возвести супругу свою на ту степень нравственнаго достоинства, на которой самъ находишься."

Какъ же обманулись и Принцесса и г-жа Фонъ Рейзендорфъ въ той утѣшительной надеждѣ, что Розамунда приметъ предложеніе Макса и въ счастливой будущности заставитъ забыть о горестяхъ минувшихъ; со всѣмъ тѣмъ онѣ должны были признаться въ основательности причинъ, представленныхъ благородною дѣвушкою, отрекшеюся отъ того, что ей милѣе всего на свѣтѣ, отъ того, съ кѣмъ разлучили ее законы Божескіе и человѣческіе.

Съ неизъяснимою горестію узналъ Максъ о рѣшеніи своей участи; но что можетъ сравниться съ удивленіемъ, поразившимъ Принцессу и Розамунду, когда онѣ на другой день, бесѣдуя по обыкновенію въ тишинѣ при темнозеленомъ свѣтѣ лампы, вдругъ увидѣли, какъ дверь въ ихъ комнату отворилась, и Максъ, завернутый въ плащь, вошелъ въ сильномъ смущеніи. На рукахъ у него была Емма. Положивъ ее на колѣна къ Розамундѣ, онъ воскликнулъ: „Будь ей матерью и пощади несчастнаго, давшаго жизнь сему покинутому дитяти!"

Розамунда въ такомъ была смущеніи отъ внезапнаго появленія Макса, что не спросила о причинѣ: уже чрезъ нѣсколько времени объяснилась загадка.

Агата, давно бывшая въ тайной связи съ нѣкоторымъ актеромъ, убѣжала съ нимъ искать на отдаленномъ театрѣ счастія въ свободной жизни. Взявъ съ собою, кромѣ дорогихъ камней, значительную сумму денегъ, она въ оскорбительномъ письмѣ увѣдомила Макса, что на зло его нравоученіямъ хочетъ наслаждаться жизнію, и не желая быть въ тягость ему своимъ присутствіемъ, уѣзжаетъ съ любезнымъ своимъ другомъ. Максъ потре-

бовалъ развода съ нею судебнымъ порядкомъ, и немедленно получилъ свободу: тогда уничтожились препятства, недозволявшія Розамундѣ съ нимъ соединиться.

Она познала истинную цѣну бытія, и была вознаграждена семейственнымъ счастіемъ за всѣ прежнія огорченія, тѣмъ болѣе что ея попеченіями, ея неутомимымъ стараніемъ возвращено здоровье больной Еммѣ.

(Съ Нѣмецк. П. Ар — въ.)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Описаніе Сербскаго народа.

(Продолженіе.)

5. Жизнь домашняя Сербовъ.

Только на южныхъ предѣлахъ (и то болѣе въ тѣхъ мѣстахъ, откуда Сербы вышли за границу съ Патріархомъ Чарноѣвичемъ и съ Іоанновичемъ) живутъ по деревнямъ Албанцы Магометанскаго исповѣданія; но сюда ближе Турки обыкновенно имѣютъ свое пребы-

ваніе въ крѣпостяхъ, городахъ и мѣстечкахъ, а Сербы одни живутъ въ селеніяхъ. Въ Сербіи многолюднѣйшія селенія состоятъ не болѣе какъ изо ста домовъ; въ нѣкоторыхъ нѣтъ и двадцати; въ большей части изъ нихъ считается отъ сорока до шестидесяти: такимъ образомъ примѣрно можно бы полагать до пятидесяти домовъ на каждую деревню. На мѣстахъ ровныхъ, преимущественно въ Пожаревачкой *наіи* и въ Мачвѣ (*) домы по деревнямъ находятся довольно въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго; но по горамъ они такъ разбросаны, что иное селеніе о сорока домахъ лежитъ на бо́льшемъ пространствѣ нежели Вѣна. Короче сказать, домы жителей разсѣяны по всей землѣ, принадлежащей къ деревнѣ, и случается, что хозяинъ дома ближайшимъ сосѣдомъ своимъ имѣетъ селянина изъ другой нежели изъ своей деревни. По мѣстамъ ровнымъ, особливо же безлѣснымъ, хижины бываютъ большею частію весьма плохи, покрыты негоднымъ сѣномъ или лубьемъ; но по гористымъ мѣстамъ онѣ строятся хорошо и прочно: многія подложены камнемъ и покрыты гонтомъ.

(*) Названіе волости (кнежины) въ Шабачкой *наіи*, близь рѣкъ Савы и Дрины. *Перев.*

Въ рѣдкомъ домѣ есть особой покой теплой; обыкновенно же въ зимнюю пору грѣются передъ огонькомъ; но двухъ покоевъ при одной избѣ нигдѣ не бываетъ. Сербы живутъ по большей части семьями вмѣстѣ: въ иныхъ домахъ бываетъ по четыре и по пяти мущинъ женатыхъ; одинокихъ мало. Сколько въ домѣ находится женатыхъ людей, столько бываетъ вокругъ избы клѣтей: въ избѣ только ѣдятъ всѣ вмѣстѣ, а спятъ въ ней старые люди обоего пола; всѣ прочіе съ женами и дѣтьми уходятъ ночевать въ свои клѣти. Гдѣ не держатъ огня ни лѣтомъ, ни зимою. Нѣкоторые домы богатыхъ людей стоятъ окружены клѣтями и другими зданіями — амбарами, вышками, чуланами, и походятъ на особую деревеньку. Въ каждомъ домѣ есть *старѣйшина*, всѣмъ владѣющій и управляющій: онъ даетъ приказанія взрослымъ и малолѣтнымъ, кто куда идти долженъ и что̀ дѣлать; онъ ходитъ къ Туркамъ, присутствуетъ на сельскихъ и *наіискихъ* сходкахъ и совѣщаніяхъ; съ вѣдома прочихъ домашнихъ продаетъ, что̀ надобно, и покупаетъ; хранитъ мѣшокъ съ деньгами и заботится о взносѣ *прага*, *пореза* и прочихъ налоговъ; начинаетъ и оканчиваетъ общую молитву; при гостяхъ, безъ кото-

рыхъ въ большомъ домѣ почти ни одного дня не̑ бываетъ, онъ бесѣдуетъ съ ними, обѣдаетъ и ужинаетъ (въ большихъ домахъ, гдѣ много челяди, прежде всего подаютъ кушанье на одинъ столъ для *старѣйшины* съ гостями, потомъ на другой для взрослыхъ и дѣтей, работающихъ въ полѣ; наконецъ уже ѣдятъ женщины съ ребятами). Старѣйшина не всегда бываетъ самый старшій возрастомъ въ домѣ: изнемогшій отецъ передаетъ власть свою сыну (или брату, племяннику), болѣе другихъ смышленому, хотя бы онъ былъ всѣхъ моложе. Еслибъ случилось, что старѣйшина плохо управляетъ домомъ; въ такомъ случаѣ семейство избираетъ себѣ другаго въ начальники. Въ домѣ, состоящемъ изъ многихъ семей, всякая женщина прядетъ, тчетъ, шьетъ рубашки для себя, для мужа и дѣтей своихъ; но кушанье готовитъ понедѣльно каждая въ свою очередь. Очередная называется *редара*, или *редуша*. Но *станарица*, которой дѣло смотрѣть за скотиною, назначается на цѣлое лѣто, и ею почти всегда бываетъ жена старѣйшины.

Народъ Сербскій состоитъ весь изъ сельскихъ жителей. Немногіе Сербы, живущіе по городамъ, именно торговцы (почти вообще

лавочники), рамесленники (большою частію скорняки, портные, хлѣбники, ружейные и золотыхъ дѣлъ мастера) называются *горожанами.* Они одѣваются потурецки, живутъ потурецки, въ смутное время или запираются въ крѣпостяхъ вмѣстѣ съ Турками, или убѣгаютъ съ деньгами въ Нѣмецкую землю; отъ того народъ Сербскій не только не считаетъ ихъ между своими, но даже презираетъ. Сербы, какъ сельскіе жители, имѣютъ пропитаніе свое отъ землепашества и скотоводства. Правда, и между ними есть промышленники, которые скупаютъ свиней, прочую скотину и звѣря, воскъ, медъ, разные припасы; но они живутъ домами, подобно другимъ поселянамъ. Изъ сихъ же людей бываютъ кузнецы (которые дѣлаютъ и острятъ сѣкиры, заступы, плуги; но сколачиваютъ котлы и другія нѣкоторыя вещи куютъ по городамъ Турецкіе Цыгане), ружейники, скорняки и портные, бочары, колесники, плотники, веревочники, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и горшечники. Всякій плотникъ есть вмѣстѣ и каменьщикъ, равно какъ скорнякъ онъ же и портной мастеръ. Портной, бочаръ, плотникъ отправляютъ ремесло свое не у себя, а въ домѣ того, для кого работаютъ. Въ крѣпостяхъ, въ городахъ, обыкновенно

сельскіе жители строятъ домы и другія зданія. Упомянутыя деревянныя работы знаетъ каждой Сербинъ; только не каждой имѣетъ у себя потребныя орудія, чтобы сдѣлать, на примѣръ, новое колесо, новую бочку; но рѣдкой ищетъ мастера, чтобы набить обручь, починить колесо или поправить что нибудь на водяной мѣльницѣ. Обыкновенно Сербы сами рубятъ лѣсъ, сами же, особливо бѣдные, строятъ себѣ хижины и прочія зданія; каждой Сербинъ приготовляетъ для себя обувь. Ложки, миски, корыта обыкновенно дѣлаются Каравлашскими (*) цыганами, которые бродятъ по селеніямъ, и продаютъ или вымѣниваютъ на муку свои издѣлія. — Сербскія женщины сѣютъ, приготовляютъ ленъ, прядутъ его и красятъ (индигомъ, червцемъ, мятою, ракитникомъ, и проч.), прядутъ шерсть, ткутъ холсты и сукна, вяжутъ, плетутъ чулки и рукавицы. Кромѣ сихъ женскихъ дѣлъ, онѣ отправляютъ и полевыя работы съ мущинами: жнутъ, копаютъ, сбираютъ сѣно и сливу, снимаютъ кукурузу (пшеничку), виноградъ и проч.

Въ цѣлой Сербіи большею частію ѣдятъ хлѣбъ приготовляемый изъ кукурузы. Справедливо, что вездѣ можетъ родиться

(*) То же, что и Волошскими.

пшеница, ячмень, рожъ; но вообще хлѣбъ етотъ не сѣется въ большомъ количествѣ ни гдѣ, кромѣ Мачвы (жители сего края ежедневно ѣдятъ хлѣбъ пшеничный), а если гдѣ онъ и сѣется, то болѣе для продажи, нежели для собственнаго употребленія. Изъ огородныхъ овощей наиболѣе сѣютъ бобы, капусту, лукъ и чеснокъ; второе мѣсто занимаютъ рѣдька, рѣпа и свекла; всего менѣе употребительны горохъ и чечевица; морковь, шпинатъ мало кому извѣстны даже по имени; хрѣнъ растетъ самъ собою въ полѣ, и его употребляютъ вмѣсто лѣкарства. Кромѣ хлѣба изъ кукурузы, обычною пищею для Сербовъ служатъ: въ постъ бобы и лукъ; а въ скоромные дни зимою кислая капуста и солонина, лѣтомъ — молоко, творогъ, яица. Вино пьютъ всегда почти на пиршествахъ, и то у людей богатыхъ; за обѣдомъ же по большой части употребляютъ водку изъ сливы, къ счастію очень слабую и потому ни мало не вредную для здоровья. Лучшими блюдами считаются изъ скоромныхъ, лѣтомъ печеной барашекъ, зимою поросенокъ; къ тому присоединяется медовая водка, хлѣбенное, пирогъ; по пятницамъ рыба (т. е. когда позволено ѣсть ее, ибо въ посты обыкновенно всѣ воздерживаются отъ рыбнаго) и бобы съ

масломъ. Въ цѣлой Сербіи, за исключеніемъ ровной и болотистой Мачвы, можетъ родиться вино столько же хорошо, какъ и въ Венгріи; теперь однакожь рѣдко кто разводитъ лозы, чтобы продавать вино, а единственно добываютъ его для домашняго обихода. Запущенные виноградники, старыхъ временъ и новыхъ, служатъ доказательствомъ, что прежде ревностнѣе ходили за лозами; надобно думать, что военныя безпокойства прекратили сіи занятія. Сербія производитъ довольное количество прекрасныхъ яблокъ, грушъ, вишень, персиковъ; но всего болѣе разводятъ сливу, изъ которой дѣлается тамъ крѣпкой напитокъ. Орѣхи растутъ сами собою, равно какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каштаны и рябина. Правда, что отъ вина, отъ водки, равно какъ и отъ другихъ произведеній земли, иные получаютъ малую прибыль; но она ничто передъ тѣмъ, что доставляютъ рогатой скотъ и свиньи. Въ каждую весну жители Босніи и Герцеговины гоняютъ быковъ и коровъ къ морю; козъ и овецъ покупаютъ Турки; свиней безпрестанно отправляютъ въ Нѣмецкую землю, и сіи животныя составляютъ главное богатство народа, во первыхъ потому что при множествѣ лѣсовъ ихъ удобно ловить и со-

держать, а во вторыхъ, что во всякое время можно продать ихъ.

Одежда женская почти въ каждой *наій* отлична, и потому объ ней на сей разъ ничего сказать не можемъ; но мужская одежда въ Сербіи почти вездѣ одинакова. Обыкновенно Сербы носятъ чулки пестрые (въ Мачвѣ онучи) почти до колѣна, и по нимъ кожаную обувь (*); сверхъ чулковъ посредственно широкое исподнее платье изъ холстины; сверхъ исподняго платья до колѣнъ рубашку съ вышитыми воротничкомъ и рукавами; по рубашкѣ шерстяной поясъ, большею частію краснаго цвѣта; за поясомъ ножъ, мѣшокъ съ табакомъ, трубку, а нѣкоторые и свирѣлку; потомъ короткой зипунъ (*зубунъ*) бѣлой суконной; сверхъ всего *гуњ* (родъ плаща) изъ сукна чернаго, длиною ниже колѣна; на головѣ красную скуфейку, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черную изъ толстаго сукна шапку, а въ другихъ изъ черной овчины. Праздничная одежда большею частію состоитъ изъ синяго суконнаго исподняго платья и такого же верхняго, изъ новой шапки, нарядной сорочки и обуви. За поясомъ два

(*) Опанке — родъ башмаковъ.

пистолета, или по крайней мѣрѣ одинъ, и при немъ не менѣе двухъ пантронташей, съ огнивомъ, со стклянкою для масла и рогъ или тыква съ порохомъ; на лѣвомъ плечѣ ружье: все ето принадлежитъ болѣе къ одеждѣ, нежели къ вооруженію для обороны.

Игры юношескія состоятъ даже и теперь изъ бросанья камнями, изъ плясокъ, изъ борьбы и стрѣлянья въ цѣль. Національная музыка Сербская имѣетъ принадлежностями своими волынку, на которой играютъ, и гудокъ (гусле), подъ которой поютъ молодецкія пѣсни: въ каждомъ селеніи есть свой мастеръ играть на волынкѣ, а гудокъ найти можно почти во всякомъ домѣ, особливо по мѣстамъ гористымъ къ сторонѣ Босніи и Герцеговины. Кромѣ того, Сербы охотники пѣть даже за работою: пастухи поютъ на горахъ и въ дубравахъ, пахари въ полѣ, женщины дома, путешественники дорогою.

Въ Сербіи, особливо въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Савы и Дуная, равно какъ въ Босніи и Герцеговинѣ, корчемъ нѣтъ нигдѣ, кромѣ большихъ дорогъ черезъ мѣста безлюдныя. Путникъ обыкновенно останавливается ночевать въ селѣ, гдѣ застанутъ его сумерьки; подошедъ къ самому большому дому, онъ спрашиваетъ, можно ли отдохнуть; хо-

зяинъ или кто-либо другой въ избѣ отвѣчаетъ: »можно, братъ! добро пожаловать!« Или же говоритъ не льзя, ежели нѣтъ сѣна и тому подобнаго, и тотчасъ показываетъ, гдѣ можно переночевать въ другомъ мѣстѣ. Если проѣзжихъ много, они расходятся по разнымъ хижинамъ. Всякой хозяинъ охотно даетъ ночлегъ страннику, угощаетъ его, какъ знакомаго и пріятеля; если нѣтъ дома водки, или чего-либо другаго, онъ идетъ къ своему сосѣду, или даже въ другое село, чтобы взять нужное и потчивать гостя. Въ нѣкоторыхъ домахъ богатыхъ почти всякой день бываютъ гости: сегодня, на примѣръ, священникъ, завтра монахъ, послѣ завтра Турокъ, потомъ какой нибудь неимущій и т. д. Съ ночлега на другой день не отпустятъ путешественника безъ обѣда, а къ ужину онъ опять поспѣетъ въ какое нибудь селеніе. Случится ли страннику завернуть въ избу, чтобы напиться воды, или раскурить трубку, — женщины тотчасъ спрашиваютъ его, не голоденъ ли; приглашаютъ отдохнуть и покушать.

(Окончаніе въ слѣдующ. книжкѣ.)

СМѢСЬ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ Iй въ Петровскомъ Дворцѣ предъ торжественнымъ вшествіемъ Своимъ для Высочайшаго Коронованія.

(Письмо второе (*)).

Пишу къ тебѣ, любезный другъ, въ вечеръ самаго достопамятнаго дня въ моей жизни.

Ожидая всякій Божій день прибытія Государя; я неоднократно, вмѣстѣ съ толпами народными, бѣгалъ за Петербургскую заставу, и вмѣстѣ съ симъ нашимъ, усерднымъ къ своимъ Царямъ, народомъ все еще не былъ счастливъ. *Красное солнышно не всходило — Государь не бывалъ!*

За то сего дня, ровно въ три часа утра, старый мой дядька разбудилъ меня. «Вставай, вставай, сударь!» говорилъ онъ, потрепывая меня тихонько по плечу: «есть вѣрныя вѣсти, что Императоръ въ Петровскомъ Дворцѣ (**)!» Не прошло четверти часа, какъ я ужь былъ готовъ и на своемъ гнѣдомъ клеперѣ скоро галопировалъ за заставою.

(*) Смотр. 15 № сего Журнала на 1827 годъ. *М.*

(**) Государь Императоръ прибылъ въ Петровской Дворецъ съ 4 го на 5е число Сентября. *М.*

Несчетное множество народа тѣснилось ко Дворцу, необыкновенное движеніе наполняло всю дорогу; въ иныхъ мѣстахъ толпы народныя мѣшали самымъ екипажамъ придворныхъ, въ другихъ доставалось и пѣшеходцамъ отъ нашей братьи конныхъ.

Около 5 часовъ утра, когда я достигъ пункта моего назначенія и очень сильно почувствовалъ всю невыгоду моей кавалерійской прогулки, мнѣ нельзя было втѣсниться ближе ко Дворцу, ближе къ вожделѣнному Отцу народа; мнѣ нельзя было свободно, наряду со всѣми, участвовать въ общихъ восторгахъ вѣрноподданническихъ: и потому я, повѣривъ моего коня служителю въ гостинницѣ, втолпился въ народъ пѣшкомъ, лишился одного платка, потерялъ нѣсколько пуговицъ съ сертука и наконецъ, достигнувъ цѣли, остановился *на ряду* со многими противъ того окошка, въ которое, по догадкамъ моего ближайшаго сосѣда, купца, долженъ былъ явиться Александръ.

Волнуясь въ народномъ морѣ и разговаривая, хотя и слишкомъ лаконически, съ разными лицами ожидающими, я прогулялъ минуту перваго явленія, *всѣми ожидаемаго*. Вдругъ раздалось громкое *ура! ура!* и меня потрясло отъ головы до ногъ! Я незналъ, на землѣ ли я; мои глаза сами собою приковались къ общей радости, и я въ первый разъ увидѣлъ Императора подъ Москвою, Столицею, знаменитою въ мірѣ своимъ усердіемъ къ Монархамъ!

Александръ былъ въ полномъ мундирѣ и веселъ, какъ свѣтлый день Майскій. Никто не окру-

жалъ Его! Другіе однакожъ замѣтили Цесаревича и Генераловъ поодаль. Онъ кланялся на всѣ стороны и *ура* непрерывалось.

Нѣкоторые изъ стоящихъ подлѣ меня видѣли также мелькомъ Императрицу и Великихъ Князей. Я стоялъ до тѣхъ поръ, пока Онъ неоставилъ окошка, пока старый нашъ Фельдмаршалъ Салтыковъ невыѣхалъ изъ Дворца, и пока слухъ — вѣроятно для спокойствія Императора же распущенный въ народѣ: »что Государь небудетъ болѣе у окна» — не заставилъ меня идти прочь вмѣстѣ съ другими.

Нашелъ своего коня, прискакалъ домой, пишу къ тебѣ, и ничего другаго, кромѣ восторговъ, не имѣю въ душѣ моей! — Несчастный ты человѣкъ! ты невидалъ Александра Императора въ первый разъ подъ Москвою! *Vale.*

М. Макаровъ.

Вечеръ 6 го Сент.
1801.

Торжественное вшествіе Императора Александра Павловича въ Москву.

(*Письмо третіе.*)

Сего дня былъ въѣздъ Императора въ Москву. Неожидай отъ меня ничего собственно *моего*, особеннаго: описываю тебѣ все буквально по церемоніалу. Впрочемъ, все таки долженъ сказать нѣчто и о моихъ средствахъ видѣть *рѣдко видаемое*, какъ желалось душѣ: я былъ у Петров-

скаго Дворца, былъ у Тверской заставы при самомъ въѣздѣ Государя, былъ въ Кремлѣ, у Дворца Слободскаго въ самое время прибытія вторый Императора и былъ въ домѣ Фельдмаршальши Салтыковой на Тверской, въ приходѣ церкви Димитрія Селунскаго. Теперь суди о моемъ проворствѣ, суди о моемъ пламенномъ желаніи сообщить всѣмъ отсутствующимъ приятелямъ новости о Государѣ несравненномъ, о такомъ Государѣ, которому подобнаго точно нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ. Онъ обѣщаетъ царствовать по сердцу и закону Великія Екатерины!

Будучи еще у Петровскаго Дворца, мы услышали *девять* пушечныхъ выстрѣловъ и съ тѣмъ же вмѣстѣ торжественный благовѣстъ церковный. Пушки, какъ мнѣ извѣстно, постановлены были противъ Чудова монастыря, и вотъ соединившійся съ ними необыкновенный гулъ большаго Соборнаго и прочихъ колоколовъ здѣсь у насъ вдали производилъ что-то невыразимое! Сначала не могли мы понять ни себя, ни всего насъ окружающаго — въ одно и тоже время, кажется, всѣ были нѣмы и всѣ что-то необычайное очень сильно чувствовали. Такова-то ета мудреная музыка, возвѣстительница радушной готовности подданныхъ встрѣтить Царя Отца!

Въ сію же самую минуту всѣ войска строились по мѣстамъ назначеннымъ, а чиновники, опредѣленные къ церемоніальному кортежу, одинъ за другимъ и въ *густыхъ* толпахъ, сказать по твоему военному, собирались въ Петровскій Дворецъ.

Въ толпѣ народной меня замѣтили знакомцы: Полицiймейстеръ Ивашкинъ и Подполковникъ Либ-

гардъ. Незнаю, вспомнятъ ли они ето; но я никогда не забуду ихъ благаго совѣта: пробраться къ Тверской заставѣ и тамъ на удобномъ мѣстѣ смотрѣть на *первое* шествіе церемоніи. Такъ я и сдѣлалъ. Мой мундиръ и моя природная застѣнчивость, прикрытая какою-то, на сей разъ, смѣлою вѣжливостію, дали мнѣ дорогу вездѣ.

Шествіе началось одной половиною Конной Гвардіи съ ея штандартомъ; за симъ послѣдовали кареты всѣхъ пяти классовъ особъ цугами, расположенныя старшинствомъ въѣзда по чинамъ своихъ владѣльцевъ, но порознь. Предъ каждымъ изъ сихъ екипажей ѣхали ихъ шталмейстеры; лакеи шли пѣшкомъ. Весьма богатые цуги Графа А. Г. Орлова-Чесменскаго, Фельдмаршала Графа И. П. Салтыкова, Княгини и Князя Дашковыхъ, Гг. Савеловыхъ, Всеволожскаго, Сабурова и другихъ многихъ.

Знатное Россійское Дворянство ѣхало верьхами по два въ рядъ, въ Губернскихъ мундирахъ, предпочтительно въ Московскихъ — кажется, для того чтобъ менѣе было въ семъ случаѣ пестроты. За Дворянствомъ послѣдовали Гг. Сенаторы въ своихъ каретахъ.

Пятая перемѣна: Штабъ-Квартирмейстеръ верхомъ; за нимъ шестьдесятъ придворныхъ лакеевъ, шесть каммеръ-лакеевъ и шесть скороходовъ, всѣ по два въ рядъ и въ самыхъ богатыхъ ливреяхъ. Товарищи мои, зрители, остановили свой внимательный взоръ на скороходахъ и называли *ихъ всѣхъ* красавцами. За симъ послѣдовали при-

дворныя кареты цугами; въ нихъ сидѣло по два чиновника, къ Свитѣ Императора принадлежащіе, но въ церемоніи мѣстъ неимѣвшіе.

Открытая дворцовая коляска цугомъ; въ ней два Церемоніймейстера (Ланской и Мезонневъ) съ ихъ знаками. Оберъ-Церемоніймейстеръ (Графъ Головкинъ), Каммергеры верхами. Вышніе придворные чины въ каретахъ. Члены Государственнаго Совѣта. Два Гофмаршала (Демидовъ и Строгановъ) въ открытой колясҝѣ съ ихъ жезлами. — Оберъ-Гофмаршалъ (Нарышкинъ) съ жезломъ, и наконецъ другое отдѣленіе Кавалергардовъ.

«Вотъ и Государь! Ура!» вскричали вдругъ тысячи голосовъ. «Вотъ и Государь!» говорилъ я самъ себѣ безпрестанно и — неумѣю тебѣ выразить, что со мною сдѣлалось: вся моя душа ощутила нѣчто небесное, и отъ необыкновеннаго восторга волосы поднялись на головѣ моей!

Весьма тихо на прекрасной лошади, безъ шляпы, съ ангельскимъ лицемъ ѣхалъ нашъ Императоръ; подлѣ Него сподвижникъ Суворова, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ; за Ними Оберъ-Шталмейстеры и безчисленная свита. Государь кланялся на всѣ стороны; волны народа покланялись ему; все ето было сопровождаемо торжественною тишиною. Мы, зрители всѣ вмѣстѣ, кажется, съ каждымъ излишнимъ движеніемъ своимъ боялись потерять и одну драгоцѣнную минуту.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Два письма изъ Абова (*).

9 го Сентября (н. ст).

Л. Д.

Ты, можешъ быть, уже слышалъ объ ужасномъ пожарѣ, который, превративши Абовъ въ кучу развалинъ, причинилъ не только жителямъ сего города, но и всей Финляндіи чувствительную потерю. Ужасы пожара сего неизъяснимы; но я въ короткихъ словахъ постараюсь описать тебѣ гибельныя слѣдствія онаго. Во вторникъ, 4 го Сентября (н. с.), въ семь часовъ вечера загорѣлось въ домѣ мѣщанина Г. на Аннингайской улицѣ: хозяинъ, не желая объявить о томъ при самомъ началѣ, заперъ ворота и старался собственными усиліями остановить пожаръ; но тщетно: черезъ два часа весь домъ объялся пламенемъ. Вѣтеръ дулъ сильный, и не болѣе какъ въ часъ сгорѣло 13 домовъ. Пламя быстро распространилось; мостъ, соединяющій обѣ части города, обрушился; головни бросало далеко за рѣку; всѣ мѣры, предпринятыя для погашенія пожара, были безполезны . . . Великолѣпное зданіе Университета, отборная въ немъ библіотека изъ 50,000 томовъ, оба Музея, Физическій Кабинетъ, Лабораторія и нѣсколько другихъ драгоцѣнностей, старинный огромный Соборъ съ высокой колокольнею (**), Ратуша, Гофгерихтъ, все что составляло украшеніе и богатство горо-

---

(*) Нѣкоторыя частныя подробности выпущены. *Прим. Перев.*

(**) Она была восьмью саженями выше Ивана великаго. См. Rysk Låsebok af Ehrström och Ottelin стр. 55. *Пр. пер.*

да, и сотъ до девяти домовъ либо сдѣлались добычею пламени, либо обрушились. Огромная колокольня упала и задавила нѣсколько человѣкъ.

Уцѣлѣли: на правой сторонѣ рѣки только *новый городъ* (*) и нѣсколько домовъ на крѣпостной улицѣ, начиная съ Дома собранія; на лѣвой домы Архіепископа, Профессора Л., Секретаря М. и Обсерваторія. Въ Университетскомъ зданіи зала торжественныхъ собраній и зала Совѣта остались также невредимыми. Тогда какъ все вокругъ пылало, огонь, казалось, не дерзалъ коснуться сихъ двухъ мѣстъ: въ нихъ стояли бюсты блаженныя памяти Императора Александра, незабвеннаго возобновителя сего Университета.

Такъ неожиданно превратился въ пепелъ нашъ родной городъ, и сколько тысячь несчастныхъ скитаются теперь безъ пріюта среди развалинъ! Я ничего не лишился; но не завидуй моему счастію: горестные клики тѣхъ, которые ищутъ и не находятъ дѣтей своихъ, родственниковъ, должны растерзать сердце всякаго и оглушить чувство самодовольствія. Въ нѣкоторыхъ частяхъ города находятъ обгорѣлыя тѣла, въ особенности дѣтей. Но зачѣмъ раздирать твое сердце подробностями столь горестными! Упованіе на благость Всевышняго и надежда на помощь ближнихъ пусть утѣшатъ и тебя, какъ утѣшаютъ насъ! Остаюсь и пр.

(*) Такъ называется западная часть города, содержащая въ себѣ около двухъ сотъ домовъ, и самая бѣдная. *П. К.*

15 Сентября (н. ст.).

Спѣшу увѣдомить тебя, что мы находимъ отовсюду человѣколюбивое вспомоществованіе. Въ тотъ самый день, какъ я послалъ къ тебѣ письмо, услышалъ я, что въ Гельсингфорсѣ въ нѣсколько часовъ собрано 2000 рублей въ пользу самыхъ бѣдныхъ изъ жителей. — Неусыпными попеченіями Его Превосходительства, Господина Генералъ-Губернатора Закревскаго, и его мудрыми распоряженіями оказано жителямъ на первой случай все возможное вспоможеніе.

--Утѣшивъ тебя нѣсколько въ бѣдствіяхъ нашихъ, остаюсь и пр.

P. S. Представь себѣ, сколь ужасенъ былъ пожаръ въ городѣ, когда даже деревня въ значительномъ разстояніи отъ него сгорѣла и за сорокъ верстъ найдены бумаги, занесенныя туда сильнымъ вѣтромъ!

Съ Шведскаго перевелъ

Г. Г.

Москва.
2 го Сентября.

Политическія и другія происшествія.

Португаллія.

Обнародованы полученныя изъ Америки Императорскія повелѣнія отъ 20 Января (н. с.). Одно гласитъ, что для необходимаго сбереженія суммъ Португаллія должна имѣть Посла только при Дворѣ Бразильскомъ, а Чрезвычайныхъ Повѣренныхъ въ дѣлахъ и Полномочныхъ Министровъ при Дворахъ Лондонскомъ, Мадритскомъ, Парижскомъ; Повѣренныхъ въ дѣлахъ при Дворахъ: Вѣнскомъ, Бразильскомъ, Берлинскомъ, С. Петербургскомъ, Римскомъ, Туринскомъ, Неаполитанскомъ и въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ; Консуловъ, въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ. Во второмъ повелѣніи, Государственныхъ Совѣтниковъ назначается 10 человѣкъ, кои уже наименованы Правительницею; въ третьемъ, по представленію Правительницы, назначенъ ея Кабинетскимъ Секретаремъ Донъ Бернардо Іозе де Абрантесъ-е-Кастро. — Сіи повелѣнія, обнародованныя 11 числа Августа, и извѣстія о скоромъ прибытіи въ Лиссабонъ Императора произвели въ Лиссабонѣ сильное впечатлѣніе.

Испанія.

Г. Зорилла, нынѣшній начальникъ полиціи, племянникъ Инквизитора, возобновилъ множество процессовъ, которые прекращены были г-мъ Рекахо. Многіе взяты подъ стражу.

— Есть извѣстіе о перемѣнѣ въ Испанскомъ Министерствѣ. Генералъ-Инспекторъ Карваяль наименованъ Военнымъ Министромъ на мѣсто г-на Замбрано; Г. Ерро назначенъ Министромъ Финансовъ, на мѣсто Баллестероса. Гг. Салазаръ,

Морской Министръ, и Каломарде, остались при своихъ мѣстахъ. Герцогъ Инфантадо, какъ говорятъ, назначенъ въ Министры Иностранныхъ дѣлъ.

Франція.

Сентября 3 го (н. с.) утромъ въ 6 часу, Король отправился въ Сентъ-Омеръ, гдѣ Е. В. будетъ обозрѣвать войско. Тамъ собрано 14,000 человѣкъ пѣхоты, и 3,000 конницы, атиллеріи и пр. Главное начальство поручено Генералу Кюрьялю. Принцъ Оранскій приказалъ заготовить въ Сентъ-Омерѣ квартиру для себя и своей свиты. Короля повсюду встрѣчаютъ привѣтствіями, на которыя Монархъ отвѣтствуетъ въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ. Герцогъ Виллингтонъ, какъ слышно, посѣтитъ Е. В. Короля Французскаго въ лагерѣ.

— По извѣстіямъ изъ Алжира, большіе корабли Дея заперты въ гавани. Только нѣкоторымъ небольшимъ фелукамъ удалось въ темнотѣ ночной пробраться въ море. Есть слухи, что суда сихъ Варварійцевъ тревожатъ Французскія. Недавно овладѣли они однимъ фрегатомъ.

— Осажи, Американскіе дикари изъ Луизіаны, все еще гостятъ въ Парижѣ. Они допущены были предъ лице Короля въ Сенъ-Клу, и теперь обозрѣваютъ разныя заведенія. Жирафъ, или камелопардъ, утратилъ всю прелесть новости, когда появились упомянутые выше небывалые гости.

— Сказываютъ, что курьеръ, присланный изъ Ріо Жанейро въ Вѣну, привезъ къ Инфанту Дону Мигуелю отъ Императора Дона Педро депешу о назначеніи его Правителемъ Португалліи.

Англія.

Нынѣшнее Министерство состоитъ изъ пятьнадцати особъ; они суть: Лордъ Годричъ, пер-

вый Лордъ Казначейства; г. Геррисъ, Канцлеръ Казначейства; Лордъ Дудлей и Вардъ, Министръ Иностранныхъ дѣлъ; г. Гускиссонъ, Государственный Секретарь Военныхъ силъ и Колоній; Маркизъ Ландсдоунъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ; Маркизъ Енглези, Генералъ - Фельдцейгмейстеръ; Лордъ Линдгурстъ, Лордъ Канцлеръ; Герцогъ Портландъ, Президентъ Тайнаго Совѣта; Графъ Карлиль, Великій Хранитель печати; г. Грантъ, Президентъ Департамента Торговли и Казначей Морскихъ силъ; г. Вейннъ, Президентъ Департамента Остъ-Индскихъ дѣлъ; Лордъ Пальмерстонъ, Военный Министръ; Лордъ Бекслей, Канцлеръ Герцогства Ланкастерскаго; г. Тирней, начальникъ Монетнаго двора; г. Стюрджъ-Бурнъ, Оберъ-Форштмейстеръ.

— Четыре Россійскіе линейные корабля и четыре фрегата, назначенные подъ начальствомъ Вице-Адмирала Гайдена въ Средиземное море, 18 Августа были осмотрѣны Адмираломъ Сенявинымъ, который 20го ч. полагалъ отправиться обратно въ Кронштатъ. Адмиральскій флагъ г-на Гайдена выставленъ на кораблѣ Азовѣ о 74 пушкахъ.

Турція.

Султанъ ревностно занимается преобразованіемъ войска. Безпрерывно работаютъ надъ построеніемъ казармъ и надъ укрѣпленіями при Воспорѣ.

— Возникшія между Греками несогласія, какъ говорятъ, прекратились, или по крайней мѣрѣ должны скоро прекратиться.

— Давно уже ничего не слышно о военныхъ дѣйствіяхъ Решида-Паши и Ибрагима. Послѣдній ожидаетъ подкрѣпленія изъ Александріи. Пишутъ изъ сего города, что Египетскій Намѣстникъ прилагаетъ великое попеченіе о скорѣйшемъ от-

правленія флота. На корабли нагружаютъ осадныя пушки. Флотъ сей состоитъ изъ 2 линейныхъ кораблей, 4 фрегатовъ, 18ти корветтъ и 17ти небольшихъ военныхъ судовъ. Число высадныхъ войскъ простирается яко бы до 4000 ч.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Славный Сидней Смитъ недавно прислалъ Королевскому Обществу древностей, во Франціи, снимокъ съ драгоцѣннаго памятника, состоящаго изъ золотой пластинки длиною въ 6 дюйм. 4 лин., шириною въ 2 д., тонкой и гибкой, съ надписью Греческою временъ третьяго изъ Птолемеевъ. Сія вещь найдена въ развалинахъ древняго Канопа, между Розеттою и Александріею, въ Египтѣ. Вотъ переводъ надписи: «Царь Птолемей (сынъ) «Птолемеевъ, и Арсиное, братья обоготворен«ные, и царица Вереника, сестра и супруга его «(посвящаютъ) сей храмъ Озірісу.» Пластинка найдена работниками, чистившими древній каналъ, посредствомъ котораго было сообщеніе между Александріею и рѣкою Ніломъ. Она лежала на основномъ камнѣ въ двухъ черепицахъ стеклообразныхъ; изъ нихъ одна зеленая, другая синяя. Оба цвѣта почитались какъ бы священными у древнихъ Египтянъ; потому-то ихъ всегда находятъ въ украшеніяхъ мумій.

— Архімедъ взвѣшивалъ землю. По его исчисленію земля наша, вмѣстѣ съ водою, вѣситъ

65,923,634,626,652,872,385,072,000 фунтовъ. Неизвѣстно, во снѣ или на яву древній Архімедъ дѣлалъ свои выкладки; но то справедливо, что о семъ результатѣ недавно повторено въ трехъ періодическихъ изданіяхъ.

— Въ *Образцахъ стихотвореній Польскихъ* (Specimes of the Polish poets; with notes and observations on the literature of Poland. London. 1827), изданныхъ извѣстнымъ Боврингомъ, находятся отрывки изъ сочиненій: *Кохановскаго*, *Шимоновича*, *Зиморовича*, *Сарбіевскаго*, *Гавиньскаго*, *Красицкаго*, *Венгерскаго*, *Нѣмцевича*, *Бродзиньскаго*, *Ляха-Ширмы*.

— Важная новость для гастрономовъ! Донынѣ кушали они индѣйки съ труфелями, пулярды съ трюфелями, и не имѣли понятія объ организаціи того мясистаго растѣнія, которое столь пріятно льститъ ихъ вкусу. Благодаря неутомимымъ разысканіямъ ученаго ботаниста, именемъ Тюрпеня, теперь познàютъ они природу сего божественнаго прозябенія, и рожденіе трюфеля уже не будетъ для нихъ тайною.

До сихъ поръ не вѣдали, куда, къ какимъ видамъ произведеній естества отнести должно сію лакомую пищу. Она растѣніе, говорили одни, ибо она растетъ и прозябаетъ. Она вовсе не растѣніе, возражали другіе, потому что не имѣетъ ни стебля, ни корня, ни цвѣтовъ, ни листьевъ. Какъ! восклицали съ другой стороны: трюфель не имѣетъ корня? Скажите лучше, что онъ весь корень и что въ немъ нѣтъ ничего кромѣ корня. — Вотъ еще новость! все растѣніе корень! Стало быть трюфель есть выродокъ

изъ растѣній! — Да ето головка; ето луковица, ето круглой корень! — Но луковица пускаетъ листья, и она имѣетъ волокна! — Ну чтожъ! точно такъ; ето круглой корень безъ волоконъ, безъ листьевъ, безъ стебля!

Вѣкъ просвѣщенія озарилъ яркими лучами и сію мрачную, любопытную часть Естественной Исторіи и поваренна го искусства, равно какъ множество другихъ предметовъ, и мы уже небудемъ оставаться въ невѣдѣніи, какъ образуется и составляется лакомое блюдо, разлагаемое въ нашемъ желудкѣ. Ето будетъ еще одинъ шагъ впередъ на поприщѣ знаній и ученія.

Вотъ въ чемъ дѣло: выше реченный г. Тюрпень сочинилъ трактатъ объ организаціи трюфеля, и трактатъ сей былъ имъ представленъ Академіи наукъ въ Парижѣ. Академія поручила разсмотрѣть сочиненіе двумъ ученымъ, г-мъ Кассинію и Мирбелю, которые прочли свой отчетъ въ послѣднемъ засѣданіи. Въ заключеніи сказано ими, что «Академія должна воздать подобающую хвалу точнымъ наблюденіямъ сего ботаниста, должна ободрить его къ постоянному продолженію разысканій на многотрудномъ поприщѣ разложенія органовъ первоначальныхъ.»

Но трюфель, кромѣ организаціи своей, представляетъ еще и другую особенность. Не одни ученики почтеннаго Бершу ищутъ его съ неутомимою ревностію; трюфель есть также лакомой кусъ и для того неопрятнаго животнаго, въ образѣ коего Улиссъ узналъ многихъ своихъ спутни-

ковъ у Цірцеи. Свиньи (ибо надобно же наконецъ назвать ихъ настоящимъ именемъ), дорывшись до трюфелей, объявляютъ, по словамъ Бальмонта де Бомара, о находкѣ своей громкими воплями радости; мигомъ является пастухъ, прекращаетъ восторгъ ихъ полновѣсными ударами своей дубинки, беретъ въ свое распоряженіе лакомую находку и послѣ передаетъ ее профессорамъ поваренннаго искусства. Какое же есть отношеніе между языкомъ, небомъ и носомъ свиньи, и тѣми же органами гастронома? Какія начала содержитъ въ себѣ трюфель, въ равной степени соотвѣтствующія чувственнымъ вожделѣніямъ животныхъ столь различныхъ? Вотъ вопросы, которыми надлежало бы заняться той же самой Академіи

~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~

ПОПРАВКИ.

В. Е. *1827 года въ No 16 должно читать: на стрн. 249 въ строкѣ 21:* кушанью; *на стран. 266 въ строкѣ 1:* была; *на стран. 305 въ строк. 3 снизу:* Какъ въ главномъ; на стран. 306 *въ строк. 18:* смятеній.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.
№ 18.
СЕНТЯБРЬ. 1827.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Изъ Гиллисовой Исторіи древней Греціи (*).

Греческіе Барды. — Поезія Героическая. — Перемѣна нравовъ. — Стихи ямбическіе, или Сатира. — Елегія. — Тиртей, Каллинъ, Мимнермъ. — Жизнь Архилоха. — Терпандеръ. — Лирическая Поезія. — Девять лирическихъ стихотворцевъ. — Сафо, Алцей, Анакреонъ, Миртисъ, Коринна, Пиндаръ. — Дѣйствія священныхъ игръ. — Крѣпость. Мужество. — Презрѣніе предразсудковъ. — Вкусъ. — Нравственныя правила. — Умственныя силы. — Геній.

(*) Сія Исторія переведена мною съ подлинника, и будетъ издана въ 8 ми Частяхъ на Русскомъ языкѣ. Она передъ другими твореніями подобнаго рода отличается многими достоинствами;

Поезія описала чудесныя дѣйствія Греческой музыки; и однимъ неподражаемымъ превосходствомъ древнихъ стихотворцевъ таковое описаніе дѣлается достойнымъ вѣроятія. При всемъ томъ раннее совершенство Изящныхъ Искусствъ, утверждаемое важнѣйшими писателями древности, кажется крайне несовмѣстнымъ съ принятыми понятіями объ успѣхахъ гражданскаго общежитія. — Въ древнемъ и новѣйшемъ мірѣ великая система дѣятельныхъ познаній, способствующихъ полезнымъ предположеніямъ человѣческой жизни, по видимому, медленно была составляема, и мало помалу распространялась опытами послѣдственными, усиліями повторяемыми. Между людьми дикими различіе занятій почти не имѣетъ мѣста; каждый изъ нихъ въ осо-

---

особливо тѣмъ, что знаменитый Сочинитель вноситъ строгую критику и тонкую разборчивость во все, имъ заимствованное изъ классическихъ писателей, повѣствуемое древними историками и имъ самимъ. Прежде нежели осмѣлюсь представить любителямъ изящнаго весь многолѣтній трудъ мой, считаю долгомъ показать имъ опытъ, какъ Исторіографъ Англійскій изъясняется о состояніи словесныхъ наукъ, и слѣдственно объ успѣхахъ ума человѣческаго въ Греціи, во времена героическія. — Изданныя мною Гольдсмитовы творенія, Исторія Греціи, Рима и Англіи, продаются у всѣхъ гг. книгопродавцевъ въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ.

А. Огинскій.

бенности своею дѣятельностію удовлетворяетъ собственнымъ нуждамъ. Когда общежитіе находится въ среднемъ состояніи; люди все еще бываютъ осуждаемы вращаться въ обширномъ кругѣ дѣлъ своихъ; и поелику ихъ вниманіе развлекается многообразными занятіями, то ни въ какомъ искусствѣ не могутъ они достигать успѣховъ, или даже помышлять объ отличіи въ ономъ. Но вопреки сему наблюденію, Греческая музыка и стихотворство представляются самыми совершенными въ совокупномъ ихъ состояніи; безсмертные отцы Поэзіи, какъ утверждаетъ преданіе, равно превосходны были во всѣхъ родахъ стихотворныхъ произведеній (*); и неподражаемыя ихъ творенія быстро и безъ всякой постепенности приближались къ совершенству,

(*) Аристотель, въ 4 й главѣ Стихотворной своей науки говоритъ, что Гомеръ написалъ ямбическими стихами поему, названную Margites, и что сія Поема имѣла отношеніе къ Комедіи, подобное тому, въ каковомъ находится Иліада къ Трагедіи и Панегирику. Не смотря однакожъ на ясное свидѣтельство великаго Критика, два достойные уваженія толкователи утверждаютъ, что Гекзаметръ былъ единственнымъ родомъ стиховъ, извѣстныхъ во времена Гомеровы: *Аббатъ Арно* въ прекрасномъ своемъ Разсужденіи о Греческихъ слогоудареніяхъ и *Береттъ* въ Запискахъ на Plut. de Musica.

такъ что самыя древнія изъ нихъ, по единодушному признанію, имѣютъ право на достойное предпочтеніе (*).

Исторія сихъ удивительныхъ творцевъ, къ несчастію, столь же неизвѣстна, сколь ихъ заслуги были знамениты. Греки имѣли много устныхъ преданій, но мало передаваемыхъ потомству свѣдѣній о древностяхъ страны своей; а потому великіе изобрѣтатели искусствъ и великодушные благотворители общества лишены заслуженной ими славы и принадлежавшихъ имъ почестей. Хотя ихъ имена, подобно твердымъ скаламъ, отражающимъ удары волнъ океана, презираютъ истребительную алчность времени; но Линъ, Орфей, Музей и Мелампъ ничего почти и не оставили по себѣ, кромѣ именъ своихъ; и опредѣлить время, въ которое они процвѣтали, было столь же трудно за двѣ тысячи лѣтъ предъ симъ (**), сколь не-

(*) «Graecorum antiquissima quaeque scripta vel optima.» И самыя древнія сочиненія Грековъ всѣ почитаются превосходными.» *Horat.*

(**) Геродотъ, читавшій Исторію свою на Олимпійскихъ играхъ за 444 года предъ Р. Х., изъясняется слѣдующимъ образомъ: «Гомеръ и Ге-«зіодъ жили не болѣе какъ за четыреста лѣтъ «передъ симъ; они сочинили Ѳеогонію для

возможно въ вѣкѣ настоящемъ. Если самое лѣтосчисленіе, относящееся къ древнимъ

«Грековъ; дали богамъ ихъ имена и епитеты; «различили ихъ образы, опредѣлили свойственныя богамъ искусства и принадлежавшія имъ «почести. Другіе стихотворцы, по мнѣнію «моему, существовали послѣ, хотя нѣкоторые «почитаютъ ихъ предшествовавшими Гомеру и «Гезіоду.» И такъ, по словамъ Геродота, Гомеръ жилъ пятьюдесятью годами позже, нежели какъ то изображено на Пароскихъ мраморахъ. Но сей предметъ доказывается очевиднѣе, нежели посредствомъ Пароскихъ памятниковъ, и даже Геродотовымъ свидѣтельствомъ. Тонкія подробности и безпредѣльное разнообразіе, отличающія Иліаду и Одиссею, являютъ, что неподражаемый творецъ ихъ жилъ около временъ, имъ описываемыхъ. Въ юности своей Гомеръ обращался съ видѣвшими героевъ войны Троянской; а въ цвѣтущія лѣта свои самъ онъ видѣлъ внуковъ Енеевыхъ, Улиссовыхъ, Ахилловыхъ и Агамемноновыхъ.

Νυν δε δη Αινειαο γενος Τρωεσσι ανασσει
Και παιδες παιδων τοι κεν μετοπισθε γενωνται.

«Нынѣ Троянами владѣетъ Енеево племя, и дѣти дѣтей родившіеся послѣ.» *Iliad.* XX, *ver.* 337.

Просвѣщенный читатель можетъ видѣть замѣчаніе, сдѣланное на сіи Гомеровы слова Кларкомъ. Слова Діонисія Галикарнасскаго приводятся тамъ въ доказательство, что Гомеръ не говоритъ ничего несовмѣстнаго съ путешествіемъ Енея въ Италію. Надлежитъ замѣтить, что сила критики слабѣетъ въ переведенныхъ Попомъ Гомеровыхъ пѣсняхъ.

Бардамъ, крайне не вѣрно (*); то не возможно надѣяться, чтобы мы были въ состояніи представить подробное свѣдѣніе объ ихъ жизни и твореніяхъ. Почему, не говоря обстоятельно о частной жизни писателей, что было бы не прилично ни цѣли Исторіи сей, ни маловѣрію настоящаго вѣка, изъяснимъ общее свойство и намѣреніе ихъ упражненій, также обстоятельства, способствовавшія доставленію писателямъ высокаго званія и достоинствъ, которыя долговременно они въ обществѣ сохраняли. Въ вѣкахъ героическихъ стихотворцы Греческіе имѣли весьма единообразный характеръ; и если утвердимся на положительныхъ увѣреніяхъ древности, то одинъ и тотъ же писатель отличался равнымъ успѣхомъ въ разныхъ отросляхъ его божественнаго искусства (**). По сей причинѣ можно представлять первобытныхъ стихотворцевъ на одной картинѣ, изображать ихъ

(*) Предшествующее замѣчаніе доказываетъ, что Геродоту и его современникамъ неизвѣстна была Исторія ихъ древнихъ Бардовъ, между тѣмъ какъ о двухъ почтенныхъ родителяхъ Греческой религіи и политики упоминаетъ самъ Гомеръ: о Линѣ, описывая щитъ Ахилловъ, Il. XVIII; о Мелампѣ, во 11 й книгѣ Одиссеи, ст. 15.

(**) Нѣтъ другихъ двухъ родовъ Поэзіи, болѣе различныхъ между собою, какъ приписываемые Гомеру Аристотелемъ. *Poëtic c. IV.*

однѣми и тѣми же чертами, доколѣ ихъ произведенія не раздѣлились на разныя части: тогда мы будемъ различать героическій, ямбическій, лирическій, елегическій и другіе роды піитическихъ сочиненій; упомянемъ о писателяхъ, усовершившихъ какой-либо родъ стихотворенія, и будемъ разсматривать отрывки ихъ твореній, достойные вниманія по внутреннему своему качеству и по тому что они составляютъ истинные и достовѣрные списки нравовъ древняго вѣка, въ которомъ сочинители жили.

Въ древней Греціи любимцы счастія нерѣдко были любимцами Музъ. Хотя не осталось твореній ни одного изъ Царей Греческихъ; но, по словамъ Гомера, Ахиллъ на лирѣ своей воспѣвалъ славу героевъ; Амфіонъ, катораго могущественной музыкѣ приписывали столь чудесныя (*) дѣйствія, царствовалъ въ Ѳивахъ; стихотворецъ Мелампъ возведенъ въ санъ Царя Аргосскаго; а Хиронъ, мудрый Центавръ (**), хотя происходилъ отъ зна-

---

(*) Movet Amphion lapides canendo. «Амфіонъ пѣснями своими приводитъ въ чувство камни.» *Hor.*

(**) Весьма многіе герои войны Троянской были его учениками. *Xenoph.* de Venat. sub initio.

менитыхъ предковъ и признанъ отличнымъ изъ Царей Өессалійскихъ, но удовольствіямъ власти предпочелъ упражненіе въ стихотворствѣ, и сопровождаемый любимыми его Музами, удалился въ уединенную пещеру близь подошвы горы Пеліона, и славою дарованій сіе жилище свое вскорѣ сдѣлалъ знаменитою школою древности (*).

Музыкальное искусство не только возбуждало соревнованіе въ Царяхъ, но и обыкновеннымъ людямъ давало право получать самыя высокія званія въ обществѣ. Превосходными въ немъ успѣхами, Анөесъ Віотійскій, Оленъ Ликійскій и Олимпъ Фригійскій (**) достигли важныхъ преимуществъ.

Въ продолженіе жизни наслаждаясь счастливыми плодами изящныхъ трудовъ своихъ, они признаны достойными сугубаго безсмертія; всегда жили въ памяти людей, и, въ чемъ древніе убѣждены были, удостоены блистательныхъ почестей въ селеніяхъ (***) небесныхъ.

(*) *Xenoph.* ibid.

(**) Берештъ собралъ весьма любопытныя подробности о сихъ Бардахъ въ Запискахъ его на *Plut. de Music.*

(***) Museum ante omnes.» Музея предъ всѣми.» *Virg. Aen. VI.* Трудно найти причину, по чему Вир-

Ужѐ замѣчено нами, что составъ Греческаго языка много способствовалъ усовершенію Поезіи; и сіе благопріятное обстоятельство сильно подкрѣплялось политическимъ состояніемъ Грековъ въ первыя времена ихъ общежитія. Тогда религія составляла великое и единственное основаніе правленія, и внушаемое оною суевѣріе особливо поддерживалось Ѳеогоніями (*), между тѣмъ какъ обряды религіи всего болѣе украшались гимнами Бардовъ. Таковые два рода Поезіи, безъ сомнѣнія самые древніе и болѣе всѣхъ уважаемые, образовали главную опору политическаго зданія; и поелику существенныя части сего зданія состояли въ похвалѣ богамъ, то самымъ блистательнымъ украшеніемъ политическаго зданія онаго была слава

гилій, въ Елизіумѣ своемъ, далъ Музею первое предъ всѣми мѣсто. Сей почтенный Бардъ, одними признаваемый сыномъ, а другими ученикомъ Орфея, отъ всѣхъ называется урожденцемъ Аттики. Можетъ быть, Виргилій, увлеченный удивленіемъ къ краснорѣчію Грековъ (orabunt causas melius), имѣлъ намѣреніе сказать угодное жившимъ въ странѣ Музея.

(*) Ѳеогонія есть поема, изъясняющая, какъ названіе оной показываетъ, не только рожденіе боговъ, но и самую ихъ Исторію. Весьма многіе изъ упоминаемыхъ нами здѣсь стихотворцевъ писали Ѳеогоніи. *Diodor* I, *Plut. de music.*

героевъ. Гимны подкрѣпляли могущество религіи, пѣсни одушевляли мужество; гимны и пѣсни въ совокупности сильно поражали необыкновенную чувствительность и романтическое воображеніе Грековъ, сіи отличныя черты ихъ во времена героическія.

Ни Рунсры Сѣвера, ни Трубадуры Прованса, ни Барды Германіи, ни самые Друиды Галліи и Британніи, не имѣли столь великой силы, каковою пользовались въ Греціи Аиды, или Рапсодисты. Первою потребностію ихъ чина было знаніе разныхъ нѣжныхъ повѣстей (*); и они были обязаны искусствомъ своимъ увеселять ежедневно боговъ и человѣковъ (**). Набожность жреца и вдохновеніе прорицателя имѣли тѣсную связь съ восторгомъ Піита: и естественно, что стихотворцы, прославлявшіе подвиги племенъ прежнихъ, возвышали надежды родовъ будущихъ (***).

(*) *Πολλὰ θελκτήρια.* » Многое прелестное.» *Homer.*

(**) *Θεοῖσι καὶ ἀνθρώποισι ἀείδειν.* «Пѣть богамъ и человѣкамъ.» *Homer.*

(***) Въ древнія времена воспитаніе юношества было ввѣряемо только мужамъ первостепеннымъ въ обществѣ: сею обязанностію занимался въ Греціи Гомеръ, какъ видно изъ его жизнеописанія, ложно почитаемаго произведеніемъ Геродота, но безъ сомнѣнія составленнаго прежде.

Впрочемъ можно думать, что древнie Барды не рѣдко были отвлекаемы отъ ихъ ученыхъ занятiй. Врожденное мужамъ даровитымъ любопытство часто заставляло стихотворцевъ посѣщать отдаленныя страны. Удивленie къ ихъ способностямъ они поддерживали только новизною; почему, слѣдуя склонности и наблюдая выгоду свою, они отправлялись въ чуждыя земли, наблюдали въ нихъ гражданскiя и относившiяся къ религiи установленiя; обращались со жрецами и стихотворцами, и приобрѣтали отъ нихъ свѣдѣнiя, дававшiя имъ способы, по возвращенiи въ отечество, изумлять, веселить и научать согражданъ.

Изо всѣхъ народовъ Греки, а изо всѣхъ сословiй Греческаго народа Барды пользовались самыми великими выгодами во время ихъ путешествiя. Распространившiяся повсюду отечественный языкъ ихъ и поселенiя, равно и священный санъ, которымъ облечены были, доставляли симъ избраннымъ мужамъ безопасное убѣжище среди самыхъ грубыхъ варваровъ. Въ какую страну Барды ни приходили, посредствомъ изящныхъ забавъ, приносимыхъ ихъ искусствомъ, они заслуживали

Въ Галлiи воспитанie возлагалось на Друидовъ. *Vid. Caesar. de Bello Gallico, l. VI.*

лестный прием на празднествах, совершавшихся въ честь религіи, и на всѣхъ общенародныхъ увеселеніяхъ.

Среди ужасныхъ бѣдствій, постигавшихъ человѣковъ, одни Барды удалены были отъ всякой общей опасности. — Они спокойно могли взирать на мятежную битву; безъ душевнаго трепета могли быть свидѣтелями ужасовъ города, покоряемаго приступомъ; въ тишинѣ и веселіи взирали на яростную борьбу и волненіе свирѣпыхъ страстей. Однимъ Бардамъ и проходившимъ священное званіе герольдовъ позволялось разсматривать и наблюдать, не подвергаясь личной опасности, естественныя выраженія страха, ярости, или отчаянія во взорахъ и тѣлодвиженіяхъ побѣжденнаго народа, также наглое торжество успѣха, ярость мщенія, алчность корысти и жажду крови, на дикихъ лицахъ и въ изступленныхъ поступкахъ побѣдителей. Съ полною свободою, замѣтивъ разительныя подробности сихъ мятежныхъ и бѣдственныхъ зрѣлищь, стихотворецъ удалялся въ свою пещеру, и тамъ, въ тишинѣ и безопасности, проводилъ черты жаркой и выразительной картины, изображавшей нравы и бѣдствія людей, могшей приводить въ

изумленіе современниковъ его и возбуждать симпатическій страхъ и состраданіе въ самыхъ отдаленныхъ потомкахъ.

Если Греческіе Барды были счастливы; наблюдая событія своего вѣка, которыя удобно могли украшать стихотворнымъ подражаніемъ; то болѣе благополучными признать ихъ должно по тому, что они жили во времена, исполненныя чудеснымъ разнообразіемъ подобныхъ событій. Среди неукротимаго мятежа возникавшихъ государствъ, среди основанія и разрушенія городовъ, среди непрерывныхъ войнъ и переговоровъ республикъ сосѣдственныхъ, Барды ежедневно встрѣчали предметы, достойные величія героической Музы. Водвореніе поселеній, начало новыхъ вѣроисповѣданій, также основанныя на мечтахъ повѣсти, поддерживаемыя людьми престарѣлыми, доставляли имъ вещества для чудесныхъ пѣсней. Древніе Барды, охотно замѣчая сіи вещества и избирая изъ нихъ лучшія, украшали ихъ цвѣтами воображенія, непрестанно повторяли ихъ современникамъ, и по ихъ одобренію, или неудовольствію, замѣчали обстоятельства, которыя надлежало прибавлять, уничтожать, или перемѣнять, дабы сочиненія ихъ могли производить болѣе удач-

ное дѣйствіе и получать бо̀льшую силу и красоту. Поелику письмена рѣдко употреблялись для сообщенія познаній; то стихотворцы, жившіе послѣ, научались повторять стихи своихъ предшественниковъ, и печатлѣя въ своей памяти, присвояли себѣ оные. При частомъ повтореніи и рачительномъ наблюденіи, свойственномъ людямъ, которыхъ слава и счастіе зависятъ отъ успѣховъ ихъ искусства, они таковые стихи перемѣняли и усовершали (*); и творенія ихъ, мало помалу бывъ улучшаемы, приобрѣтали надлежащую мѣру совершенства, къ которому уже не возможно было ничего прибавить съ приличіемъ, и отъ котораго также невозможно было ничего отнять, не нарушивъ приличія. Симъ, можетъ быть, способомъ Иліада и Одиссея получили послѣдній блескъ свой; гармоническая и одушевленная Поезія производила удивленіе, какъ языкъ боговъ; и стихотворцы, бывъ первоначально служителями неба, наставниками юношества и воз-

---

(*) *Εγεννησαν την ποιητικην εκ των αυτοσχεδιασματων.*

Aristot. Poet. c. IV.

«Genuerunt Poesim ex iis, quae subito dicebantur. Составили Поезію изъ того, что̀ внезапно говорено было.» *Перев.*

дателями заслугъ, наконецъ признаны великими основателями религіи, главными благотворителями людей и, какъ покажемъ ниже, мудрыми законодателями народовъ.

Какъ необыкновенные нравы и событія героическихъ вѣковъ давали естественныя и величественныя черты епической Музѣ: такъ состояніе общества Грековъ, въ вѣкахъ непосредственно слѣдовавшихъ за временами героическими, весьма много благопріятствовало введенію поезіи другаго рода. Съ уничтоженіемъ царской власти дѣятельность и крамолы демократіи получили полную свободу; а соперничество и вражда сосѣдственныхъ народовъ, раздражая сердца гражданъ ихъ, приготовляли воображеніе людей находить злобное удовольствіе въ сочиненіяхъ, основанныхъ на укоризнахъ и поношеніи. Безчисленныя причины отчужденія, ненависти и омерзѣнія, терзавшихъ нѣдра каждой и самой маловажной республики, служили неисчерпаемымъ источникомъ Сатиры. Стремленіе къ пріобрѣтенію гражданскихъ званій, власти надъ войскомъ и другихъ достоинствъ, съ которыми соединялись довѣріе, корысть и почести, и которыя всѣ назначались свободными голосами народа, раждало непримири-

мую вражду между гордыми членами одной и той же республики, и подвергало характеры людей взаимнымъ наблюденіямъ и посмѣянію. Чувства Грековъ еще не были испорчены преклонностію къ рабству, еще не обуздывались страхомъ деспотизма, а потому Греки смѣло изъясняли свободныя мысли свои, прямо обнаруживали справедливое презрѣніе, и превознося величественною Одою и высокопарными похвалами героевъ и сыновъ отечества, коимъ удивлялись, малодушныхъ и вѣроломныхъ уязвляли Сатирою, исполненною яда.

Подражатели съ успѣхомъ могутъ заниматься Одою и Сатирою въ самыя неблагопріятныя времена; но сіи два рода сочиненій изобрѣтаются и приводятся въ совершенство только при народномъ правленіи. Съ другой стороны, исполненная жалобъ Елегія, которая описываетъ муки безнадежной любви, или изображаетъ горесть несчастнаго родителя, скорбь усерднаго сына, неутѣшной вдовы, или вѣрнаго друга, сѣтующихъ объ утратѣ предметовъ, драгоцѣнныхъ сердцамъ ихъ, по видимому, можетъ добровольно возрастать на всякой землѣ, и почти не зависитъ отъ перемѣнъ, производимыхъ непостояннымъ состояніемъ общества.

Однакожъ особенная цѣль, съ которою Греки всего болѣе соображали сей родъ Поэзіи, кажется, была назначаема ихъ особенными обстоятельствами въ то время, когда Елегія начиналась. Естественно, что въ продолженіе насилій и неустройвъ, произведенныхъ политическими переворотами, въ продолженіе частыхъ перехожденій и непрерывавшихся вражескихъ дѣйствій, которыя слѣдовали за бѣдствіями Троянской войны, и оныя умножили, мужи, помышлявшіе о приведеніи дѣлъ согражданъ въ лучшее состояніе, составили, сообразно врожденнымъ или пріобрѣтеннымъ склонностямъ сихъ согражданъ, двѣ противуположныя между собою теоріи, могшія способствовать выгодамъ человѣческой жизни. Людей, имѣвшихъ крѣпкія души, надлежало приготовлять къ перенесенію ожидавшей ихъ нищеты, укрѣпляя влiянную въ нихъ природою смѣлость и неустрашимость. Презрѣніе трудовъ, опасностей и смерти было важнымъ правиломъ ихъ жизни, всегдашнимъ предметомъ ихъ пѣсней: и между тѣмъ какъ они описывали неизбѣжное безславіе, наносимое робостію и малодушіемъ, должны были, съ самою живою чувствительностію, возвышать славу мужества, торжество успѣховъ и радости побѣды. Симъ по-

добные предметы веселили воинственную музу Тиртея и Каллина, но не представляли никакихъ прелестей женоподобной изнѣженности Миннерма, или своевольному распутству Архилоха. Людей, имѣвшихъ сходный съ ними характеръ, бѣдствія временъ не побуждали къ мужеству, но служили для нихъ побужденіемъ къ удовольствію. Ихъ жизнь и имущество, зависѣвшія отъ произвола другихъ, унижая предъ ними цѣну всѣхъ прочихъ предметовъ, умножали достоинство настоящаго веселія. Приятно провождая скоротекущій часъ, они находили въ томъ облегченіе отъ горестей, имъ представляемыхъ временемъ будущимъ. Стихотворцы въ жизни своей наблюдали удовольствіе, приносимое яствами, замѣчали утѣхи любви, прелесть Изящныхъ Искусствъ и обращенія, и въ своихъ произведеніяхъ оныя восхваляли.

Въ истинѣ сихъ наблюденій довольно убѣждаютъ насъ драгоцѣнные остатки стихотворныхъ произведеній, но болѣе достовѣрныя обстоятельства, повѣствуемыя о свойствахъ Піитовъ древнихъ. Послѣ Гомера Архилохъ (*) признаѐтся однимъ изъ перво-

(*) Олvмп. XV, 3. до Р. Х. 718.

бытныхъ писателей Греціи, котораго жизнь подробно изображенная, разливаетъ ясный свѣтъ на Исторію его страны. По свидѣтельству Геродота, Архилохъ жилъ во времена Лидійскаго Царя Гигеса, вступившаго на престолъ за семь сотъ осмнадцать лѣтъ до Р. Х. Архилохъ былъ уроженецъ Пароса, одного изъ Цикладскихъ островов, уже процвѣтавшаго богатствомъ и народонаселеніемъ. Надлежитъ думать, что отецъ его Тезиклъ былъ знатный гражданинъ; ибо соотечественники отправляли его начальникомъ пословъ къ прорицалищу Аполлонову. Жители Пароса хотѣли получить отъ сего божества благопріятный отвѣтъ касательно ими помышляемаго съ давнихъ временъ предпріятія, водворить поселеніе на плодородномъ островѣ Ѳазосѣ, лежавшемъ противу береговъ Ѳракійскихъ. Прорицалище одобрило намѣреніе островитянъ, и въ награду Тезикла, къ несчастію, обезславившаго важный санъ свой несоотвѣтственнымъ ему бракомъ съ прекрасною рабою Енипо, за его усердный къ богамъ подвигъ и принесенные имъ въ священное хранилище дары, объявило, что слава Архилоха, который былъ честнымъ плодомъ честнаго союза, будетъ гремѣть въ мірѣ до самыхъ позднихъ временъ.

Таковое предреченіе безъ сомнѣнія способствовало усовершенію дарованій Архилоха, тѣмъ болѣе что онъ происходилъ отъ рода, питавшаго наслѣдственную любовь къ стихотворству. Его прадѣдъ Теллисъ сопровождалъ жрицу Цереры, посѣщавшую островъ Ѳазосъ, для установленія тамъ Елевзинскихъ таинствъ, каковую обязанность, подобную священному порученію, возложенному на Тезикла, отправлявшагося въ градъ Аполлоновъ, надлежало ввѣрить не кому иному, какъ только любимцу Музъ. Слѣдуя примѣру предковъ и бывъ ободренъ внушеніями божества, юный стихотворецъ образовалъ природныя свои дарованія усильными трудами, и произведенія незрѣлыхъ лѣтъ своихъ достоинствомъ чувствъ, силою выраженій, изящностію воображенія старался сдѣлать превосходнѣйшими произведеній современниковъ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ.)

Фортепіано.

Если фортепіано не можетъ имѣть выгоднаго дѣйствія среди многихъ инструментовъ и въ огромной залѣ; за то уже всѣ преимущества на его сторонѣ, когда инструментъ сей находится въ гостиной — издаетъ ли онъ очаровательные сонаты Моцарта, Крамера, Онслова, или только поддерживаетъ мелодію голоса. Ежели скрипка есть первенствующій инструментъ въ концертахъ; за то уже фортепіано — истинное сокровище для пѣвца, для гармониста. Въ городѣ, особливо въ деревнѣ, сколько вечеровъ похищено у скуки, сколько вечеровъ украшено прелестями музыки! Всегда ли есть возможность составить квартетъ? Но гдѣ фортепіано, тамъ и сборное мѣсто: два или три голоса, партитура изъ сочиненій Глюка или Чимарозы, Моцарта или Россини — вотъ и концертъ самой пріятной.

Органы и піано оказали важныя услуги музыкѣ; изобрѣтеніе сихъ инструментовъ послужило къ драгоцѣннымъ открытіямъ. Именно органамъ обязаны мы наукою гармоніи; именно на етомъ клавирѣ, дающемъ возможность *одному* исполнителю распоряжать всѣми сокровищами музыки, человѣкъ началъ

испытывать силы свои, и рѣшился овладѣть гармоніею. Два флейтраверсиста, два скрипача никакъ не могли бы условиться, чтобы совокупными силами сдѣлать открытія въ области гармоніи, составить продолжительную цѣпь аккордовъ и мало помалу сочинить правильную систему. Тому воспротивилось бы свойство ихъ инструментовъ: аккорды вышли бы неполные, и послѣдовательный рядъ ихъ былъ бы вовсе неудовлетворителенъ. Органистъ, расположившись передъ своимъ клавиромъ, скоро ощутилъ скуку отъ монотоніи октавъ и одинакихъ звуковъ; онъ вызвалъ терціи — и слухъ его оживился отрадою; еще нота баса — и вышелъ аккордъ полный. Видя благопріятный успѣхъ, онъ устремился далѣе къ своей цѣли. Такимъ-то образомъ найдена была наука объ аккордахъ, невѣдомая древнимъ.

Иные утверждаютъ, будто бы Грекамъ извѣстна была гармонія; мнѣніе свое они основываютъ на свидѣтельствѣ писателей, что музыканты приводили въ движеніе вдругъ многія струны и слѣдственно составляли аккорды. Но сіи аккорды были не иное что, какъ однозвучія (unissons) и октавы. Не возможно, прибавляютъ, чтобы древніе, достигшіе столь высокой степени совершен-

ства въ Поэзіи, Ваятельномъ искусствѣ; Зодчествѣ и Живописи, оставались при первыхъ опытахъ своихъ музыкантовъ; доводы, говорятъ защитники, должны быть ложны или недостаточны, и Греки дѣйствительно были превосходными музыкантами, равно какъ и поетами превосходными, ибо музыка ихъ производила столь же чудесное дѣйствіе какъ и стихотворенія. *Concedo consequentiam*: вѣрю чудесамъ, которыя производимы были Греческою музыкой. Ето недоказываетъ впрочемъ, яко бы она была хороша въ самомъ дѣлѣ; притомъ извѣстно, что впечатлѣнія по большей части производимы были ихъ Поэзіею.

Надобно ли взвѣшивать средства, когда ими достигаютъ цѣли нравиться? И слабы ли такія средства, когда они дѣйствуютъ на душу еще новую, сильно потрясаемую совокупностію звуковъ? Вкусъ дѣлается взыскательнѣе по мѣрѣ усовершенствованія искусства; и потому ясно, что музыка въ разныя епохи производила одинакія впечатлѣнія. Не то же ли въ Поэзіи? Ронзаръ, Депортъ, Бенсерадъ, Шапленъ въ свое время пользовались бо́льшими выгодами знаменитости, получали бо́льшія награды, нежели Расинъ или Ж. Б. Руссо, послѣ ихъ жившіе. Гомеръ, Виргилій и каждой изъ длиннаго ряда писателей,

даже до многочисленной толпы *сонетниковъ* — каждой изъ нихъ превозносилъ композитеровъ и музыкантовъ своего времени: героемъ стиховъ ихъ или прозы всегда былъ Орфей, Аполлонъ, какой нибудь чудесникъ, заставлявшій плясать гóры своей игрою. Греки, при всей скудости въ Музыкѣ, могли восхищаться своимъ Антігенидомъ, своимъ Тімоѳеемъ: лучшихъ не было, небыло другихъ предметовъ для сравненія, и потому думали, что находятся у предѣловъ совершенства. Иное дѣло въ Живописи и Ваятельномъ искусствѣ, когда башмачникъ даже не усомнился находить ошибки въ обуви лицъ, изображенныхъ на картинѣ. Не льзя и противъ того спорить, что Аспазія и Фрина забросали бы весьма неучтивыми привѣтствіями артиста, которой вздумалъ бы представить ихъ какими нибудь мартышками.

Возвратимся къ фортепіану. Разнообразная и блестящая игра на семъ инструментѣ, также вольности, въ которыя смѣло вдается рука правая при гармоническихъ аккордахъ лѣвой — все ето мало помалу вошло въ оркестръ и разширило кругъ его могущества. Гендель, Скарлатти, Дуранте остолбенѣли бы отъ изумленія, еслибъ услышали новую игру,

присвоенную себѣ оркестромъ, заимствованную имъ отъ фортепіана.

Инструментъ сей, обогативъ Музыку, нанесъ чувствительной вредъ многимъ частямъ сего искусства. Фортепіаномъ занимаются теперь почти исключительно; для него покидаютъ скрипку, віолончель, и квартетъ, родъ музыки самый занимательный, прославленный твореніями Гайдена, Моцарта, Плейеля, Бетговена и другихъ композиторовъ знаменитыхъ, мало помалу исчезаетъ въ гостиныхъ. Уже немногіе остаются вѣрными квартету, немногіе восхищаются красотами музыки, удивительной ясностію своею, музыки, которой сила непричастна обаяніямъ шарлатанства. Трудно повѣрить, чтобы любитель квартетовъ изящныхъ неприобрѣталъ глубокаго чувства гармоніи, не постигалъ бы того искусства, съ которымъ композиторъ ведетъ игру инструментовъ, состязающихся въ концертантахъ. Фортепіано представляетъ въ смѣси, въ слитныхъ массахъ колерà свои: въ квартетѣ соединены многіе рисунки, окружности коихъ остаются всегда видными, отдѣльными; здѣсь части нѣсколько заслоняются другъ другомъ, но никогда не смѣшиваются между собою.

Виноватъ. Мнѣ надлежало бы говорить въ пользу фортепіана, а не унижать его достоинства. Постараюсь загладить вину свою: начну съ исторіи сего, справедливо уважаемаго инструмента.

Изобрѣтеніе фортепіана долго приписывали Зильберману, органному мастеру, Саксонцу. Первое піано, сдѣланное имъ около 1750 года, еще и теперь хранится въ Страсбургѣ. Писатели больше достовѣрные далѣе относятъ происхожденіе клавицина съ молоточками, согласно присвоивая изобрѣтеніе сего инструмента Флорентинцу Христофори, сдѣлавшему его 1718 года. *Clavicitherium* со струнами изъ кишокъ, *Virginal* со стальными, *клавикордъ* съ зеленомѣдными, наконецъ *клавицинъ* были инструменты съ клавишами, которыми приводились въ движеніе молоточки съ бородкою изъ пера или изъ кожи. *Шпинетами* (épinette) назывался маленькой клавицинъ съ одною струною для каждой палочки; клавицинъ собственно имѣлъ ихъ по двѣ, а иногда и лишніе клавиши для третьяго ряда струнъ; они дѣйствовали на октавы, и потому назывались *октавинами*.

Нѣсколько времени фортепіано соперничествовало съ клавициномъ; послѣдній усовер-

шенствован был Рукером, еще нѣкоторыми Нѣмецкими и Французскими художниками, сколько дозволяла система сего инструмента. Говорили, будто клавицин выгоднѣе, чѣмъ фортепіано, когда нужно поддерживать поющій голосъ; но превосходное фортепіано работы Ерарда разрушило сей предразсудокъ: побѣда осталась на сторонѣ новаго инструмента, и клавицинъ отправленъ на чердакъ, а оттуда сдѣлалъ еще одно (послѣднее) путешествіе - - на очагъ своихъ хозяевъ. Будемъ справедливы: нѣсколько клавициновъ спаслось отъ всеобщей гибели, и симъ своимъ избавленіемъ они обязаны искусной рукѣ живописца, украсившаго ихъ коробки. Около 1780 года фортепіано стало появляться въ провинціяхъ Франціи: автору статьи сей извѣстенъ инструментъ работы Іоганна Киліана Меркена, сдѣланный 1772 года. Но какое разстояніе отъ сихъ первыхъ, безобразныхъ опытовъ, до фортепіанъ изящныхъ, великолѣпныхъ, которыя выходятъ изъ мастерскихъ Пецольда, Папа, Ерарда, Пфейфера и т. д., особливо же тѣхъ фортепіанъ, которыя имѣютъ наружный видъ клавицина!

(Окончаніе въ слѣдующ. книжкѣ.)

О старинныхъ названіяхъ въ Россіи денегъ металлическихъ въ смыслѣ ходячей монеты.

(Продолженіе.)

Образцемъ и началомъ нынѣшней монетной системы въ Европѣ была Римская. Побѣдоносные выходцы изъ лѣсовъ и степей сѣверныхъ заимствовали письмена, языкъ книжный, вѣру и многіе обычаи у прежнихъ властелиновъ міра. Еще Тацитовы Германцы знали цѣну деньгамъ: jam et pecuniam accipere docuimus, говоритъ о нихъ знаменитый Историкъ. Вестготы, Бургунды и другія племена менѣе значительныя, нашедъ въ Галліи всѣ принадлежности монетнаго дѣла, могли чеканить, и дѣйствительно имѣли свою монету. Франки пересилили всѣхъ; они утвердили власть свою въ новомъ отечествѣ, и достовѣрная исторія монетъ ихъ начинается съ Короля Клодовея, или Кловиса. Золотыя назывались, какъ и у Римлямъ, *солидами* (solidus aureus, послѣ у Французовъ sol d'or), серебряныя — *денаріями* (denarius, послѣ denier). Обыкновенные солиды при Каролингахъ были однакоже серебряныя: назывались они въ Германіи *шиллингами*, а денаріи —

пфеннигами. По закону Карла Великаго въ одномъ фунтѣ надлежало быть 20 солидамъ или 240 денаріямъ, которыхъ 20 причиталось на одну унцію. Счетъ на фунты долго употребляемъ былъ въ Германіи, хотя тамъ существовалъ еще и другой вѣсъ, изобрѣтенный Нѣмцами, именно *марка* (у Славянъ: гривна), состоявшая изъ 8 унцій или 16 лотовъ. Римской фунтъ (pondo) и Германская марка служили какъ мѣриломъ тяжести для разныхъ вещей, такъ и счетнымъ числомъ для денегъ. Въ Швеціи, Даніи, Любекѣ, Бременѣ и теперь еще марками опредѣляютъ вѣсъ товара и марками же расплачиваются.

И такъ солиду соотвѣтствуетъ *шиллингъ.* По мнѣнію Тилеманна Фризе (*), принятому учеными, ето есть настоящее Нѣмецкое слово; происходитъ оно будто бы отъ Schellen *звенѣть*, и значитъ слѣдовательно монету *звонкую*, *цѣльную* (solidus), въ противуположность такъ называемымъ *брактеатамъ* — монетамъ вогнутымъ, очень тонкимъ, съ грубымъ изображеніемъ на одной только сторонѣ, — едва ли не первымъ опытамъ денежнаго дѣла въ сѣверной Европѣ. Другіе въ имени *шил-*

(*) Joh. Fr. Joachims Unterricht von dem Münzwesen. Hale. 1754. 8. S. 168.

лингъ открываютъ значеніе кожи звѣриной и видятъ въ немъ памятникъ древняго употребленія шкуръ вмѣсто денегъ. *Денарію* (которой у Римлянъ заключалъ въ себѣ *десять* ассовъ, потомъ былъ монетою Франковъ, Византійцевъ, нѣкоторыхъ Славянъ и даже Аравитянъ) въ средніе вѣки соотвѣтствовалъ Нѣмецкій *пфеннигъ*: такъ стали называть именно ту *вогнутую* монету, о которой упомянуто выше. Pfennige sollen ihren Namen von Pfannen haben — говорятъ Нѣмцы. Если происхожденіе пфеннига покрыто завѣсою мало прозрачною; по крайней мѣрѣ видимъ близкое сродство его съ денаріемъ Римлянъ и Франковъ и съ пѣняземъ Славянскихъ народовъ. Какъ послѣдній съ небольшою отмѣною въ произношеніи извѣстенъ всѣмъ Славянамъ; такъ пфеннигъ (на Шведск. penning, на Англ. penny, pence) имѣетъ существенную значительность свою на великомъ пространствѣ сѣверной Европы.

Гроши.

Малороссіяне говорятъ: есть гроши, нема грошей, и подъ словомъ симъ разумѣютъ совсѣмъ не двукопѣешники, какъ могъ бы подумать иной Великороссіянинъ, а вообще деньги. Въ граматѣ Князя Михаила Ивановича Мстиславскаго о пожалованіи монастырю Нико-

лаевскому людей и земли, сказано, что съ людей тѣхъ слѣдуетъ монастырю »кадь меду, пять пудовъ, а десять грошы *грошми«* (*)— то есть деньгами, или монетою. Подобныя свидѣтельства, которыхъ можно бы собрать множество, доказываютъ, что и въ письменныхъ документахъ слово *гроши* было въ употребленіи вмѣсто денегъ между Малороссіянами и равно въ западныхъ губерніяхъ. То же и въ Польшѣ; но тутъ дѣло объясняется само собою: Полякъ покажетъ вамъ ходячій мѣдный *грошъ*, равный цѣною нашей серебряной деньгѣ. Было время, когда въ Литвѣ и во всѣхъ ея провинціяхъ купля производилась посредствомъ грошей съ вытиснутымъ изображеніемъ на нихъ Польскаго орла и скачущаго всадника, собственно Литовскаго; но начала гроша искать должно не въ Литвѣ и не въ Польшѣ. Приведемъ нѣкоторыя любопытныя черты изъ исторіи сей монеты; судьба ея имѣетъ сходство съ превратностями человѣка: грошъ былъ въ разныя времена золотымъ, серебрянымъ и мѣднымъ!

Grossus въ испорченной Латыни среднихъ вѣковъ значило: *толстый*; оттуда Француз-

(*) Бѣлорусскій Арх. Ч. I, стран. 8. Грамата относится къ 1507 году.

ское gros. Преемники Карла Великаго, по своему добродушію и еще болѣе по оплошности, допустили Епископамъ, Аббатамъ, городамъ, Герцогамъ и Графамъ присвоить себѣ право чеканить монету: деньги не чистаго металла, весьма худаго качества и малой величины размножились и произвели очень непріятныя затрудненія въ оборотахъ. Императоръ Фридрихъ II нашелся въ необходимости обязать присягою чиновъ Имперіи, чтобъ они не искажали монеты. Въ уставѣ его 1232 года упоминается о золотыхъ грошахъ. Лудовикъ IX, Король Французскій, около 1240 года началъ бить денаріи большаго размѣра изъ серебра чистаго, и они стали называться denarii grossi, gros denier d'argent, или gros denier blancs, gros Tournois — отъ города Тура, мѣста ихъ происхожденія. Сіи *турнозы* извѣстны были даже внѣ Франціи за хорошія свои качества, и служили, такъ сказать, образцовою монетою.

Въ концѣ XIII вѣка одинъ изъ сильныхъ членовъ Имперіи, именно Венцеславъ II, Король Богемскій, призналъ нужнымъ ввести у себя хорошую монету вмѣсто прежней негодной. Онъ имѣлъ всѣ средства къ исполненію сего спасительнаго предпріятія: при

немъ открыты богатѣйшіе рудники въ *горѣ Кутной* (*), и серебра получено изъ нихъ невѣроятное количество. Купечествующая Флоренція около 1250 года уже выпускала свои золотые *флорины* (**) — такъ названные или отъ имени города или отъ изображенія *цвѣтка* лиліи на монетѣ — и штемпели ея славились въ мѣстахъ торговыхъ: оттуда Государь Богемскій выписалъ искусныхъ художниковъ. Въ 1300 году, въ первой разъ вышли изъ подъ чекана такъ называемые grossi denarii Pragenses, или *Богемскіе гроши* (***),

(*) Такъ почешски; въ средніе вѣки: Kutna, Guthna, montes Cutni; нынѣ *Куттенбергъ.*

(**) Сіи флорины были биты изъ чистаго золота; 8 такихъ монетъ было въ унціи, а 64 въ маркѣ, и онѣ имѣли сходство съ нынѣшними червонцами или дукатами. Онѣ служили образцомъ для Нѣмецкихъ золотыхъ флориновъ и гульденовъ, послѣ уже превратившихся въ серебряныя: симъ случаемъ объясняется и названіе *злотаго* Польскаго, всѣмъ извѣстной серебряной монеты. Червонцы названы *дукатами* отъ того, что они биты были въ Княжествахъ (ducatus, отъ dux). Венеціяне, при Дожѣ Іоаннѣ Дандулѣ, подражая другимъ, въ 1280 году выпустили червонцы съ такой надписью: Sit tibi, Christe datus, quem tu regis, iste ducatus.

(***) Два s (ss) въ языкѣ Чешскомъ выговариваются какъ Ш. Grossi у нихъ — гроши. Нѣмцы и разные Славяне приняли Чешское произношеніе сего имени.

выбитые въ Куттенбергѣ — въ цѣлой Германіи и на сѣверѣ отлично уважаемые за чистоту металла и прочность массы, за хорошій рисунокъ штемпеля и за красивую отдѣлку. Всѣ чрезвычайно радовались появленію новой монеты и, какъ увидимъ, имѣли справедливыя къ тому причины. Современные стихослагатели воспѣли оное на скрипучей своей лирѣ (*), и въ Германіи, именно сперва въ Мейссенѣ, тогда же начали слѣдовать данному примѣру. Венцеславъ II, государствуя въ Богеміи, властвовалъ также и въ Польшѣ; онъ благотворилъ Ляхамъ, содержалъ въ землѣ ихъ фабрики, строилъ города и посылалъ къ нимъ свои Богемскіе гроши. Съ того времени въ Польшѣ начали вести счетъ денежный посредствомъ етой монеты. Сначала былъ грошъ двѣнадцатою частію червонца, заступивъ мѣсто шиллинга, и дѣлился на двѣнадцать денаровъ; теперь онъ равняется тремъ шелегамъ, умственной монетѣ. Литовскіе гроши исторически видны съ начала 15 вѣка, при Владиславѣ Ягеллонѣ. Казиміръ Великій, овладѣвъ Галицкимъ Княжествомъ, нашелъ уже тамъ и *гроши Русскіе*

(*) На примѣръ:
Corda facit laeta quam pluribus ista moneta;
Grossum denarium multi reputant quasi divum и проч.

(grossi Ruthenicales): по 24 такихъ грошей велѣлъ онъ взимать отъ земли, пожалованной имъ городу Львову (*). Цѣнность сихъ монетъ измѣнялась въ разныя времена, смотря по величинѣ массы и по качеству металла, то есть по большей или меньшей примѣси мѣди къ серебру чистому.

Серебряные гроши въ Богеміи, въ Польшѣ и въ Литвѣ были неодинаковой величины и достоинства. Еще при Венцеславѣ II были выбиты и широкіе гроши и малые. Гдѣ упомянуты просто гроши, тамъ разумѣются малыя монеты сего названія. Акты Чешскіе и Польскіе представляютъ множество свидѣтельствъ: мы сошлемся только на грамату Сигизмунда II Могилевскимъ гражданамъ (**). Въ семъ важномъ документѣ говорится о грошахъ просто и о грошахъ *широкихъ*, которые въ Литвѣ считались за рубли. Намъ извѣстно, что широкіе гроши имѣли благосклонный приемъ даже во дворцахъ Государей нашихъ (***). Въ жалованной граматѣ Смоленскимъ жителямъ 1514 года, Великій Князь

(*) Allgem. Welthist. T. 48. Енгеля Gesch. von Halitch. und Wladimir, стран. 601.
(**) Бѣлорусскій Архивъ, стран. 20 — 27.
(***) Вѣстн. Евр. 1827 No 16 стран. 275.

Василій Іоанновичь повелѣваетъ новымъ подданнымъ своимъ вносить за нѣкоторыя повинности просто *грошами*, безъ сомнѣнія Литовскими (*). Сія монета еще за сто лѣтъ до того была ходячею въ Новѣгородѣ (**), прежде нежели тамъ начали торговать своими собственными деньгами. Впрочемъ невидно, чтобы Новгородцы послѣ чуждались грошей Литовскихъ: подъ 1420 годомъ сказано только, что они „артуги попродаша Нѣмцемъ,“ а извѣстно, какими узами обольстительная политика соединяла ихъ *вольную землю* съ Казиміромъ. Незабудемъ и того, что Литва, нѣкогда пространная и могущественная, вела весьма дѣятельную торговлю съ Новымъ-городомъ и съ другими областями Русскаго сѣвера, что Самогиція торговала съ Англіею; что Литва Днѣстромъ посылала хлѣбъ свой въ Константинополь, къ островамъ Архипелага, и что Днѣпръ служилъ путемъ для отправленія товаровъ. Въ Каневѣ была славная таможня Витольдова. При столь обширной дѣятельности Литвы монета ея необходимо долженствовала быть извѣстною даже и внѣ предѣловъ государства.

(*) Собран. Госуд. Грам. и догов. I. 411 — 413.
(**) См. Новгород. Лѣтопис. подъ 1410 годомъ и подъ 1420 мъ.

Таковы обстоятельства, содѣйствовавшія тому, что слово грошъ донынѣ остается въ условномъ названіи двухкопѣешника на сѣверѣ, а гроши въ значеніи *денегъ* на югѣ и, что вообще то и другое сохранилось въ свѣжей памяти родственныхъ межъ собою обитателей Великой Россіи, Малой Россіи и страны Заднѣпрской.

(Будетъ продолженіе.)

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Гортмундъ.

(Англо-Саксонская поема.)

Вѣтръ свирѣпствовалъ въ священной дебри Тора. Вдали слышны были стоны тѣней на поляхъ Дананійскихъ. Грозный гласъ Уббы раздавался, подобно реву звѣрей хищныхъ, а пронзительные вопли прелестной Лакобары потрясали небесный сводъ, покрытый мрачными облаками.

Гортмундъ покоился на пурпуровомъ ложѣ. — Непобѣдимая рука его еще обагрена была кровію имъ убитыхъ. Шлемъ и знамя отцевъ дымились въ крови. Гласъ Уббы и вопли Лакобары приводили его въ трепетъ.

Онъ дрожалъ, какъ дрожитъ лоза, когда свирѣпая буря съ вершины скалъ низвергаетъ дымные потоки. Онъ былъ блѣденъ, какъ плющь, извивающійся по тернію. Черные власы его стояли подобно копьямъ вокругъ могилы витязей, когда сребровидная луна озаряетъ тихое озеро.

Почто терзаешь меня, Убба? Рука моя не водила мечемъ, насытившимся твоею кровію. Видѣлъ ли кто, что я пронзилъ грудь Лакобары? Прерви, прерви свои вопли; они для меня ужасны. Ты погибъ отъ собственнаго меча своего, а прекрасная дѣва холмовъ пала жертвою ярости горныхъ жителей. Оставь, оставь меня; клянусь Гелою, что я не зналъ Лакобары и не искалъ любви ея. Нѣтъ, не я виновникъ ея погибели: она пала подъ ударами горныхъ жителей. Тѣнь Уббы! оставь, оставь меня!

Елсмундбертъ, носившій серебряный щитъ Гортмунда, оставилъ мягкое ложе. Быстрый, какъ вѣсть о приближеніи врага, ударилъ онъ въ пиршественную чашу и властитель легконогихъ воиновъ пробудился отъ ужаснаго сновидѣнія. О Ексмундбертъ! исчезъ ли онъ? Ударь въ серебряный щитъ. Воззови къ сынамъ битвы, дремлющимъ на мшистыхъ берегахъ Фрома. — Но, нѣтъ! ето

одна мечта: она исчезла, какъ въ лѣшнемъ сумракѣ исчезаетъ легкая тѣнь Одина. Возвратись подъ наметъ свой; мнѣ нужно успокоеніе.

Гортмундъ покрылся пурпуровою своей одеждой и сонъ сомкнулъ очи его.

Ужасенъ, какъ трескъ разрушившейся скалы въ пещерахъ Сеоггесвальдшира, снова раздался гласъ Уббы. Пронзительно, какъ крикъ смертоноснаго врана надъ умирающимъ воиномъ, когда пурпуровые лучи зари утренней текутъ съ Востока, а душа страждущаго отлетаетъ вмѣстѣ съ мракомъ ночи, пронзительно раздались слова Лакобары: „Встань, Гортмундъ, кровожадный волкъ вечера! Когда свѣтило дня будетъ сіять во всей красѣ своей и трудолюбивые поселяне предадутся увеселеніямъ въ тѣни дубравы; когда мерцающія звѣзды заблистаютъ на лазури вечерѣющаго неба и все объято будетъ сномъ сладостнымъ: ты одинъ не будешь ощущать спокойствія; удѣломъ твоимъ будутъ горесть и отчаяніе. Ехидна изліетъ для тебя ядъ свой на едва распускающіяся растѣнія, и листья ихъ упадая, заразятъ ручьи и потоки. — Встань, Гортмундъ, встань! Саксоны обращаютъ въ пепелъ станъ твой. Мерціане уже

вооружились и воины твои падутъ жертвою меча ихъ, или преданы будутъ пламени въ изображеніи Тевиска. Кровь твоя обагритъ бога побѣдъ и стоны твои заглушены будутъ кликами радости. Встань, Гортмундъ! никогда болѣе не сомкнешь ты въ мирѣ очей своихъ!"

Властитель легконогихъ воиновъ пробудился. — Онъ дрожалъ, какъ дрожитъ дубъ, чрезъ которой быстрая молнія проложила себѣ дорогу. Глаза его сверкали, какъ сверкаютъ пламенѣющіе факелы на ладьяхъ Саксонскихъ въ ночь мрачную и бурную.

Ексмундбертъ поспѣшилъ къ властителю и ударилъ въ щитъ серебряный. Свено съ Чернаго озера и Лекольвинъ черновласый вооруженные явились въ ставкѣ Гортмунда.

Воины! ударьте въ щиты вѣстовые: Марціане взялись за оружіе; Саксоны сожигаютъ станъ нашъ. Да раздадутся клики воинственные! Готовьтесь къ битвѣ и летите на встрѣчу врагамъ чрезъ густыя дебри Реггачестера. Распустите знамя Реафана и помните, что тотъ есть поклонникъ ложныхъ боговъ, кто не обагритъ меча своего во вражеской крови.

Звукъ серебрянаго щита раздался до лѣсовъ Фела и великій островъ потрясся отъ кликовъ воинскихъ.

Дельвартъ, славный могуществомъ руки своей, и Аксбредъ, искусный ловецъ, повели рать къ густой дебри. Спокойны какъ озеро, вокругъ котораго вѣтры дремлютъ на вершинахъ величественныхъ дубовъ, жители Реггачестера покоились въ нѣдрахъ непоколебимыхъ стѣнъ своихъ. Вожди возвратились.

„Враговъ ни гдѣ нѣтъ; окрестъ все спокойно, какъ обитель смерти. Они почувствовали силу руки твоей и не дерзнутъ уже болѣе противиться. Какъ падаетъ класъ подъ косою жнеца; такъ они падутъ предъ нами и исчезнутъ съ лица земли. Покроется славою знамя Реафана и низложитъ боговъ Саксонскихъ. Возрадуйтесь, воины сѣвера, принесите жертву мощному богу войны и приведите плѣнниковъ для кроваваго пиршества!“

Воины повергнули на землю копье, щитъ и сѣкиру, сложили съ раменъ своихъ тяжелую броню и предались увеселеніямъ при звукѣ жертвенныхъ орудій. Клики радости ихъ были нестройны, какъ лай псовъ, преслѣдующихъ бѣлаго медвѣдя въ горахъ Сѣвера. Завѣ-

са полуночи уже осѣнила утомленную землю, а пиршество еще длилось.

Заря отрясала влажный вѣнокъ свой надъ златыми кудрями пирующихъ и багряные лучи дневнаго свѣтила отражались на сумрачномъ небосклонѣ, подобно крови, текущей по щиту мѣдяному.

„Доблестные сыны Сѣвера! видите ли черную тучу на вершинѣ горы? Въ полдень будетъ буря; сильный дождь угрожаетъ намъ. Такъ, Датчане, будетъ буря, но буря военная; будетъ дождь, но дождь кровавый. Черная туча сія — рать Сеговальда. Сеговальдъ ведетъ цвѣтъ воиновъ Мерціи; ему сопутствуетъ доблестный сынъ битвъ — великій Сигебертъ, вождь воиновъ Вессекса.“

Пиршество прекратилось и плѣнники, привязанные къ священному древу, затрепетали въ мученіяхъ смерти.

Мгновенно отъ рубежей лѣса все пришло въ движеніе, и серебряный щитъ вызвалъ изъ за тучь солнце. Исполнители обряда, оставивъ жертвенныя орудія, вооружились. Смятеніе распространилось повсюду и восклицанія воиновъ раздались до горъ отдаленныхъ. Гортмундъ въ ярости своей походилъ на дикаго медвѣдя. Но ярость тщетная!

Мощная рать его разбита и клики побѣдителя преслѣдуютъ его отступленіе.

Справа приближился Сеговальдъ вождь Мерціанъ, а Сигебертъ повелъ Саксоновъ вокругъ лѣса.

Разъяренные Датчане бросались въ ряды воиновъ Мерціи, но воины Мерціи стояли неподвижны, какъ дубы, насажденные въ долинѣ Амбросбурга. — Велика мощь сыновъ Сѣвера, но рать ихъ приведена въ разстройство и уже не соблюдаетъ боеваго порядка.

Сигебертъ съ Саксонами окружилъ лѣсъ; Датчане, со всѣхъ сторонъ тѣснимые, бѣгутъ, какъ въ осеннее время листья дубравы предъ свирѣпою бурей.

Гортмундъ презираетъ бѣгство: онъ знаменитый потомокъ сына битвъ, неустрашимаго Лаколлана, — того, чей мечь неоднократно поражалъ рать грознаго Мерика. Онъ владѣетъ щитомъ Лофгара, Лофгара, который никогда не спасался постыднымъ бѣгствомъ, хотя вражескія копья носились надъ нимъ, какъ насѣкомыя, въ лѣтнее время, надъ утомленнымъ путникомъ, хотя съ вершины горъ низвергаемы были на него отломки утесовъ. И Гортмундъ ли обратится въ бѣгу

ство, Гортмундъ, не знающій другаго закона, кромѣ меча своего?

Сеговальдъ желалъ сразиться съ Гортмундомъ, который одинъ противуборствовалъ цѣлому войску.

„Обратись ко мнѣ, сынъ Лофгара, я Сеговальдъ! Извѣстна ли тебѣ слава моя въ битвахъ? Когда рать Генгирта отдыхала на мхахъ въ ночное время, я напалъ на нее и знамя побѣдное развѣялось надъ главой моею. Гортмундъ! обрати противъ меня оружіе свое; я достоинъ твоего мужества.“

Сынъ Лофгара устремился на сына Альдервольда. Они сразились, какъ сыны разрушенія на поляхъ Марокана. Гортмундъ палъ — такъ падаетъ горный медвѣдь подъ ударомъ звѣролова.

Между тѣмъ какъ мракъ смерти леталъ надъ очами его, онъ слышалъ гласъ Уббы; онъ слышалъ гласъ Лакобары: „Ты палъ, сынъ преступленія, ты палъ! Щитъ твой поверженъ во прахѣ; обезславлено знамя твое. Легконогіе воины твои обратились въ бѣгство, какъ робкія серны. Вспомни, Гортмундъ, вспомни объ Уббѣ и Лакобарѣ, жертвахъ твоего жестокосердія. Вспомни о неправосудіи своемъ, и погибни!“ *П.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ратникъ, возвратившійся изъ Крымскаго плѣна при Лже-Димитріѣ (*).

«Я Руской, и талану
Въ Татарахъ неискалъ;
Молясь крестомъ законнымъ,
Диковиной имъ былъ.
Когдажъ грустливой пѣсней
О милой, о родной,
О дѣтушкахъ малюткахъ
Я горе услаждалъ;
Невѣрные смѣялись,
Ругались мнѣ въ глаза.
Злодѣямъ что̀ за дѣло
До горести чужой!
Несчастные всѣ чужды
Для вражескихъ сердецъ!»
Такъ думалъ я, страдая
Въ злодѣйскомъ полону.

(*) Взято изъ стихотворныхъ преданій, извѣстныхъ у насъ подъ названіемъ *рацей*, пѣсень, принадлежащихъ нашимъ бѣднымъ слѣпцамъ. Ратникъ, какъ видно, достался въ полонъ Крымцамъ въ набѣгъ ихъ на Тульскія и Рязанскія земли, т. е. 1592, и можетъ быть возвратился на родину 1605. Слѣдовательно онъ былъ плѣнникомъ тринадцать лѣтъ. *М.*

Гирей (*) немилосердый
Умѣлъ людей терзать:
Отъ утра и до ночи
Слезами насъ поилъ. —
Но вотъ я воротился
На родину къ себѣ;
И что̀ меня встрѣчаетъ:
Свои — чужіе мнѣ.
Нѣтъ матушки - касатки,
Нѣтъ дѣтушекъ моихъ!
Жена меня забыла,
Другому отдалась!
Литва, Поляки, Нѣмцы
Начальники мои:
Въ дружинѣ у не Русскихъ
На Русской я землѣ (**)!
Мой крестъ безъ уваженья,
Молитвы ни во что!
И вѣрный я — невѣренъ
Наемникамъ Царя.
Скажу родное слово —
Ему привѣту нѣтъ;
Глядятъ, не понимаютъ,

(*) Ханъ *Казы-Гирей*. За избавленіе отъ него построенъ нашъ Донской монастырь — отъ того и война ета памятнѣе въ нашихъ преданіяхъ. *М.*

(**) Лжедимитріевы наемники поселили къ себѣ вѣчную ненависть въ сердцахъ Рускихъ. Рускому быть подъ начальствомъ иноземца — народъ, кажется, почиталъ обидою крови. *М.*

Ругаются всѣ мной!
Чужой языкъ владѣетъ
Въ моемъ краю родномъ,
И Рускому нѣтъ мѣста
Въ совѣтѣ и въ добрѣ!
Пойду опять къ Татарамъ:
Тамъ лучше умирать
На копьяхъ, на булатѣ
Ихъ искорныхъ ножей.
Я родину забуду,
Забуду горе я.
Въ сырой землѣ подъ камнемъ,
Какъ мученикъ Хрістовъ,
Дождусь, чего желаю —
Дождуся правды дней.

Р.

Лирику Томову.

Я слышалъ ваши всѣ творенья
И самъ вашъ *первый томъ* читалъ,
И благодаренъ вамъ я узналъ,
Что вы *оселокъ* — для терпѣнья.

Р.

Москва.
1827
Января 1 дня.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Описаніе Сербскаго народа.

(Окончаніе.)

6. *Законъ.*

Сербы, какъ извѣстно, исповѣдуютъ законъ Греческій, принятый ими въ IX вѣкѣ. Христіанская вѣра едва терпима въ государствѣ Турецкомъ: отъ того въ Сербіи неможно монастыря или церкви ни вновь построить, ни поновить безъ дозволенія отъ Турецкаго правительства; дозволеніе же не только получается съ великимъ трудомъ, но и всегда стоитъ много денегъ. Ибо, чтобы вновь построить монастырь, или поновить опустѣвшій, нужно выхлопотать дозволеніе и отъ Султана, и отъ Визиря, и отъ Кадіи, и отъ Муселима. По симъ причинамъ въ новѣйшія времена едва ли созданъ другой монастырь кромѣ Криваіи (*), устроенный въ концѣ

(*) Монастырь *Криваія* находится въ селѣ Поцеринѣ, при рѣкѣ того же имени, въ Шабачской *наіи*.

минувшаго столѣтія, въ бытность Паши Аджи-Мустаи; запустѣвшихъ же послѣ пожаровъ, которые свирѣпствовали обыкновенно въ военное время, находится въ каждой *кнежинѣ* по крайней мѣрѣ по одному, если уже не болѣе. На построеніе церкви деревянной, похожей на избу, конечно легче выхлопотать дозволеніе; но и тутъ надобны деньги. Даже для перекрытія монастыря или церкви необходимо нужно испрашивать дозволеніе и платиться. Отъ того ниже въ одномъ изъ десяти селъ въ цѣлой Сербіи нѣтъ церкви, и міряне почти вообще ходятъ въ монастыри исповѣдываться и причащаться, обыкновенно въ постъ четыредесятницы; крещеніе же и вѣнчаніе священники совершаютъ въ домахъ жителей. Въ каждой *наіи* есть одинъ монастырь по крайней мѣрѣ; въ нѣкоторыхъ по три и по четыре. Монастыри Сербскіе вообще стоятъ въ лѣсахъ и дебряхъ; въ нихъ церкви большею частію объ одномъ куполѣ, не только искусно построены изъ камня, но многія ограждены стѣною, на подобіе замковъ. Они донынѣ были истинными, вѣрными блюстителями Хрістіанскаго закона и Сербскаго имени. Не только міряне ходятъ туда исповѣдываться, причащаться и слушать літургію; но въ годовые праздники (на при-

мѣръ Благовѣщенія, недѣли Ваій; Воскресенія Христова, Троицы, Петра и Павла, Преображенія Господня, Успенія, Рождества и Введенія Богородицы, Богоявленія) народъ собирается тамъ, какъ бы на ярмарку. При нѣкоторыхъ монастыряхъ бываетъ людей по нѣскольку тысячь. Торговцы продаютъ разные товары; корчмари предлагаютъ вино и водку; мясники жарятъ ягнятъ, барановъ, козъ, свиней и продаютъ мясо; слѣпцы ударяютъ въ струны, подпѣвая богатырскія пѣсни, старыя и новыя; тутъ молодцы замѣчаютъ дѣвушекъ (которыя приходятъ обыкновенно въ Вербное Воскресенье, а невѣсты въ Свѣтлой Праздникъ); здѣсь имѣютъ свиданіе кумовья, пріятели, знакомые, и бесѣдуютъ между собою о всячинѣ; здѣсь иногда и старѣйшины народные (кнези, кмети) совѣщаются между собою о какомъ нибудь дѣлѣ. Бываютъ сборища и при церквахъ, но не всегда; при монастыряхъ же обыкновенно. Каждый приходитъ въ лучшемъ своемъ нарядѣ. Живущіе не въ дальнемъ разстояніи отправляются поутру; но многіе, особливо изъ дальнихъ селеній, приходятъ наканунѣ праздника. Справедливо, что монастыри посѣщаются большею частію близь живущими, однакожъ приходятъ изъ мѣстъ

на нѣсколько дней пути отстоящихъ: къ Тройцыну дню, на примѣръ, богатые люди отправляются къ Студеницѣ изо всей Сербіи, изъ Босніи и Герцеговины.

Нынѣ знаменитѣйшіе монастыри въ Сербіи суть: *Студеница* (лавра Студеническая), въ Новопазарской *наіи*, задужбина (*) Краля Стефана I, Неменя; *Дечани*, въ Метохіи (южная часть Сербіи), близь Призрена, задужбина Краля Стефана Дечанскаго; *Раваница* въ Ресавѣ, близь города Тюпрія, задужбина Князя Лазаря. Изъ сего разряда монастырей много опустѣли, на примѣръ: *Жича*, при Карановцѣ, задужбина Стефана Первовѣнчаннаго; *Манасія* въ Ресавѣ, задужбина Высокаго Стефана (сына Лазарева); *Арилье*, въ Ужицкой *наіи*; *Сопотяни*, выше Новаго Пазара, задужбина великаго Краля Уроша и т. д. Монастыри второстепенные: *Троноша*, въ Ядрѣ, близь Лозинцы; *Коленичь* въ Ягодинской *наіи*; *Вратѣвшница*, въ наіи Крагуевачеcкой. Другихъ монастырей въ Сербіи находится, быть можетъ, свыше пятидесяти, а опустѣвшихъ еще и того болѣе.

(*) *Задужбиною* называется всякое полезное заведеніе, учреждаемое какимъ-либо лицемъ по чувству набожности.

Самые монастыри, или оставшіяся отъ нихъ стѣны, служатъ теперь единственными памятниками силы и господства старинной Сербіи. Студеница и Дечани могутъ равняться съ первыми монастырями въ Европѣ; а развалины Жича и Манасіи, какъ сами Турки признаются, суть такіе памятники, которые достаточно свидѣтельствуютъ, что были нѣкогда свои Цари и свои Крали у Сербовъ.

Всѣ монастыри старинные владѣли селами и землями, которыя даваны имъ были какъ отъ самыхъ основателей, такъ и послѣ отъ другихъ людей набожныхъ. Турки лишили ихъ всего, а только при нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ оставили по одному селенію. Монастырскіе крестьяне отчасти работаютъ для монаховъ и даютъ имъ десятину; не смотря на то, обители, имѣя даже по нѣскольку селъ въ своемъ приходѣ, большею частію содержатся подаяніемъ. Нѣкоторые монахи рѣдко бываютъ и въ монастырѣ, но безпрерывно странствуютъ по всей Турецкой землѣ, гдѣ только въ употребленіи языкъ Сербскій, и сбираютъ — деньгами, скотомъ, житомъ, напиткомъ, холстомъ и проч.; многіе изъ мірянъ къ праздникамъ и сами приносятъ милостыню. Если въ какомъ-либо монастырѣ

перекрывается зданіе; въ такомъ случаѣ окольные жители охотно помогаютъ, кто чѣмъ можетъ; на примѣръ: одни рубятъ лѣсъ, другіе привозятъ его, иные жертвуютъ деньгами, скотиною и проч. За то уже по смерти Архімандріта или Игумена, кнези и кмети сами избираютъ монастырю новаго настоятеля.

Монахи въ Сербіи нынѣ совсѣмъ безъ науки, равно какъ и прочіе люди: тотъ считается самымъ ученѣйшимъ, кто хорошо читаетъ; но и такихъ мало, а исправныхъ писцовъ еще и того меньше. Они одѣваются чисто, какъ и Греческіе монахи; имѣютъ слугъ и учениковъ; хорошо ѣздятъ верхомъ на конѣ, и носятъ при себѣ оружіе (на примѣръ, отправляясь въ путь для собиранія даровъ щедрости, или же за какимъ либо другимъ дѣломъ), и весьма разборчивы въ пищѣ. Міряне иногда въ шуткахъ разсказываютъ объ нихъ всякую всячину; но можно засвидѣтельствовать по справедливости, что почти всѣ они сутъ люди честные, и что ведутъ жизнь, приличную своему званію.

Монахи въ Сербіи уважаются болѣе, нежели священники: во первыхъ пото-

му что они зажиточнѣе приходскихъ и лучше одѣты; а во вторыхъ, что болѣе разумѣютъ уставъ церковный, ибо чаще бываютъ въ церкви, читаютъ и служатъ. Иногда священникъ имѣетъ по нѣскольку селеній въ своемъ приходѣ. Если гдѣ случится именинникъ (*), онъ отправляется туда самъ, а въ праздники, на примѣръ около Богоявленія и въ чистую (?) недѣлю, носитъ по селеніямъ воду святую; но во всѣхъ другихъ случаяхъ (на примѣръ, болѣзни, рожденія младенца), кому понадобится священникъ, тотъ долженъ явиться къ нему въ домъ съ приглашеніемъ, или даже искать его по всему приходу, и бываетъ иногда, что надобно слѣдить за нимъ три дня, пока найдется. Ежели въ приходѣ у священника есть церковь, онъ служитъ въ ней по праздникамъ, и къ нему сбирается прочее духовенство изъ окрестныхъ селеній; нѣкоторые же священники такихъ приходовъ, которые не имѣютъ своей церкви служатъ обѣдню въ какомъ нибудь монастырѣ, единожды въ великой постъ, для того только чтобы причаститься Святымъ Тай-

---

(*) Въ Сербіи день ангела, по тамошнему *крсно име* (красно имя), празднуется въ каждомъ домѣ веселою пирушкою и съ особеннымъ усердіемъ.

намъ. Исповѣдывать мірянъ есть исключительная принадлежность монаховъ; отъ того каждаго Іеромонаха обыкновенно называютъ *духовникомъ.* У всякаго священника долженъ быть Требникъ, и если сверхъ того еще имѣетъ онъ Часословъ и Псалтырь (по которымъ нѣкогда учился грамматѣ) для употребленія при молитвѣ; то библіотека его уже и достаточна. Особенно спрашивается отъ него, чтобы зналъ, когда какой праздникъ; если же не вспомнитъ наизусть, то долженъ справиться съ книгою. За каждую требу получаетъ онъ обыновенную, извѣстную плату, и сверхъ того отъ каждаго женатаго прихожанина ежегодно по нѣскольку мѣръ жита; но все это составляетъ такую малость, что ни одинъ священникъ не могъ бы прожить своимъ доходомъ. Почему онъ исправляетъ домашнія работы, какъ и другіе люди: пашетъ, копаетъ, рубитъ, коситъ и проч. Священники носятъ на головѣ не красную шапку, а черную изъ овчины или же суконную; прочая одежда его отъ мірской ни мало не отличается. Особенно замѣтнымъ признакомъ его есть борода; но и ее брѣютъ нѣкоторые священники, по крайней мѣрѣ доколѣ еще неустарѣли.

Сербы еще отъ начала XIII вѣка имѣли своихъ Митрополітовъ, которыхъ, съ согласія Двора и Патріарха Цареградскаго, у себя избирали. Царь Стефанъ Душанъ, въ началѣ XIV вѣка, наименовалъ Сербскаго Митрополита Патріархомъ, за что Греки, и безъ того притѣсняемые Душаномъ, разсердившись наложили анаѳему на Сербію; уже 1376 года, при Князѣ Лазарѣ, при Греческомъ Царѣ Іоаннѣ Палеологѣ и Патріархѣ его Ѳеофанѣ, было снято проклятіе и Греки признали Сербскаго Патріарха. Сей Первосвятитель имѣлъ столицу свою въ Пекіи (*), а власть его простиралась отъ Македоніи и Булгаріи до Адріатическаго моря. Въ 1690 году Сербскій Патріархъ Арсеній III Чарноѣвичь, по приглашенію отъ Императора Леопольда II, двигнулъ народъ Сербскій и вывелъ 37,000 семействъ въ Венгрію; преемникъ его, Арсеній IV Іоанновичь, въ 1737 году, по приглашенію отъ Императора Карла VI, опять возбудилъ народъ противу Турковъ; когда же, по заключеніи мира въ 1740 году, Сербія осталась подъ Турецкимъ господствомъ, онъ съ тремя Митрополітами (Нишскимъ, Ново-пазарскимъ и Ужицкимъ) переселился въ Сир-

(*) Иначе Ипекъ, городъ въ Албаніи.

мію. Потомъ въ 1765 году Царьградскій Патріархъ Самуилъ, доказавши Туркамъ, что Сербы имъ невѣрны, и напомнивши о двухъ Патріархахъ, одинъ за другимъ возмущавшихъ народъ и ушедшихъ въ Нѣмецкую землю, купилъ себѣ Патріархію Сербскую и сталъ посылать изъ Царяграда къ Сербамъ своихъ Архіереевъ. Пока былъ Сербскій Патріархъ и ставилъ своихъ Митрополітовъ, своихъ Епіскоповъ; до тѣхъ поръ сіи Владыки, во первыхъ какъ природные Сербы, во вторыхъ какъ увѣренные, что останутся всегда на своихъ престолахъ, могли сколько нибудь стараться о наученіи подвластныхъ священниковъ и монаховъ (тому служатъ свидѣтельствомъ разныя книги, написанныя подъ Турецкимъ господствомъ); но послѣ Греческіе Владыки и Митрополіты до того довели чинъ духовный, что теперь трудно найти священника, которой бы умѣлъ *хорошо читать по книгѣ.* Никогда не спрашиваютъ они, знаетъ ли что нибудь ищущій священства, а смотрятъ того единственно, можетъ ли платить деньги. Ничего другаго и ждать не льзя отъ сихъ Архіпастырей: во первыхъ, потому что они происхожденіемъ своимъ и языкомъ чужіе намъ и принадлежатъ къ народу, которой никогда не былъ (и никогда, ка-

жется, быть не можетъ) истинно дружественнымъ къ Сербскому племени; во вторыхъ, что они сами берутъ на откупъ Епархіи свои погодно, и должны всего болѣе стараться копить деньги, приобрѣсти капиталъ и прибыль, дабы и впредь можно было платиться, или же, буде другіе перебьютъ наддачею, чтобы можно было жить въ покойномъ ожиданіи новаго благопріятнаго случая; въ третьихъ, потому что они сами большею частію люди простые, неблагонравные, иногда разорившіеся торговцы, иногда монахи, отъ имени какого нибудь монастыря напросившіе денегъ (*).

Равнымъ образомъ иногда и Сербинъ, если даетъ больше, особливо же когда еще знаетъ и языкъ Греческій, можетъ сдѣлаться Владыкою; но ему обыкновенно дороже обойдется, нежели Греку. Въ Сербіи теперь Владыкъ четыре: Бѣлградскій, Ужицкій, Нишскій и Новопазарскій (послѣдній родомъ Сербинъ, бывшій Игуменъ Дечанскій) и всѣ титулуются Митрополітами. Они пребываютъ въ городахъ и живутъ большими господами.

(*) Сочинитель разсказываетъ здѣсь одинъ примѣръ, невключенный въ нашемъ переводѣ.

Владыка выѣзжаетъ обыкновенно верхомъ на конѣ, и, какъ Паша, съ одной стороны имѣетъ при себѣ саблю, а съ другой булаву, въ знаменіе власти карать непокорнаго; а чтобы по званію своему и достоинству могъ быть въ безопасности, для того вездѣ сопутствуетъ ему Турецкій чиновникъ. Владыкамъ народъ платитъ *дымницу* (подымное), то есть отъ каждаго дома по нѣкоторой суммѣ, помнится по 12 паръ (*); но главный доходъ его получается отъ духовенства: каждой священникъ, когда ставится, долженъ заплатить Владыкѣ нѣсколько сотъ піастровъ (грошей), и сверхъ того каждой годъ давать нѣкоторую часть отъ своихъ доходовъ, на примѣръ отъ вѣнчанья, отъ имянинъ. Къ тому еще, Владыки налагаютъ и пѣни на священниковъ, понуждая ко вносу запрещеніемъ отправлять всякую службу и угрозами лишить священства; иногда заключаютъ ихъ и наказываютъ. По смерти священника, его конь, равно какъ епітрахіль и крестъ, достаются Владыкѣ.

(*) Ни дымница, ни хлѣбъ, даваемый священникамъ народомъ, неполагается въ числѣ узаконенныхъ даней; однакожь если какой нибудь бѣднякъ упрямится платить, служители Владыки берутъ у него котелъ или сѣкиру.

7. Училища.

Въ Сербіи, также въ Босніи и Герцеговинѣ, въ сотнѣ селеній не найдется одного училища, и для заведеній сихъ нѣтъ ни гдѣ назначеннаго, постояннаго мѣста. Вознамѣрившіеся быть духовными пастырями учатся грамотѣ въ монастыряхъ у монаховъ, а въ селахъ у священниковъ. Въ каждомъ монастырѣ есть ученики; младшіе изъ нихъ лѣтомъ стерегутъ козъ, овецъ, козлятъ, ягнятъ, свиней; садятъ и полютъ чеснокъ; ходятъ за плугомъ, сбираютъ сѣно, сливу и т. д.; а старшіе путешествуютъ съ монахами для сбора подаяній. Зимою, наносивши дровъ, потомъ старшіе вычистивъ и напоивъ лошадей монашескихъ, а младшіе прибравши въ комнатахъ, сходятся въ учебной избѣ: тамъ кто нибудь изъ монаховъ или діаконовъ наставляетъ ихъ въ чтеніи; или же каждой изъ нихъ учится у своего духовника. Многіе лѣтомъ забываютъ, чему научились зимою; отъ того иные, учась года по четыре и по пяти лѣтъ, все еще плохо читаютъ. За неимѣніемъ настоящаго букваря Сербскаго и за трудностію достать Русскій, или даже и такъ называемый Сербскій, то есть изъ числа печатаемыхъ въ Венеціи и въ Офенѣ,

ученіе обыкновенно начинается съ рукописей, такимъ образомъ: наставникъ пишетъ сперва буквы, потомъ склады для каждаго урока особо. Выучивши азбуку (то есть, большею частію затвердивши имена буквъ, а не начертанія), принимаются за Часословъ, потомъ за Псалтырь: тутъ и вся грамотность. Пѣть обучаются въ церкви во время службы; изъ Ариѳметики узнаютъ только лишь цыфры, и то мимоходомъ; писать же почти совсѣмъ не учатся, а развѣ только имѣющіе особливый даръ постигаютъ сами собою тайну сего искусства. Прочихъ наукъ, на примѣръ Грамматики, Географіи, Исторіи, Богословія, даже названія никому не извѣстны.

Священники имѣютъ учениковъ по одному и по два, которые равнымъ образомъ стерегутъ скотину, отправляютъ всѣ домашнія работы и носятъ святую воду по мірянамъ въ приходѣ, а между тѣмъ учатся и грамотѣ. Но какъ ученики священника не могутъ навыкнуть церковному правилу, особливо въ приходѣ безъ церкви; то они идутъ послѣ въ монастырь, и тамъ уже оканчиваютъ свое ученіе.

Если же въ *наіи* существуетъ или вновь открывается школа; жители окольныхъ се-

леній приводятъ къ наставнику дѣтей своихъ, и платятъ ему, на мѣсяцъ по 20 паръ, или уже на большую мѣру по піастру (*грошъ*). Дѣти сидятъ въ школѣ по цѣлому дню, съ утра до сумерекъ, и отлучаются только для обѣда. Каждой читаетъ свое и такъ громко, что ничего изъ словъ ихъ разобрать неможно. Учатся немного и писать, по мѣрѣ того, сколько умѣетъ самъ наставникъ; прочія науки находятся въ такомъ же состояніи, какъ и въ обителяхъ монашескихъ. Всякой учитель открываетъ школу и закрываетъ по своей волѣ; уходитъ въ другое мѣсто, или принимается за какое-нибудь другое дѣло.

Кромѣ священниковъ и монаховъ, едва ли одинъ изъ тысячи смыслитъ читать какъ нибудь; писцы же, какъ сказано выше, рѣдки и между упомянутыми духовными лицами. Народъ вообще держится того мнѣнія, что грамотность нужна единственно священникамъ и монахамъ. Отъ того не только кнези, кмети, торговцы сельскіе, но даже многіе горожане считаютъ горохомъ, зернами кукурузы и счетъ свой замѣчаютъ ножемъ на биркѣ.

(Съ Сербскаго.)

СМѢСЬ.

Торжественное вшествіе ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА въ Москву.

(Окончаніе.)

Императрица Матерь изволила ѣхать въ богатой каретѣ подъ короною. Восемь лошадей были заложены въ карету; каждую изъ нихъ держалъ конюшенный служитель. Подлѣ кареты былъ Шталмейстеръ; на ремняхъ сидѣли четыре пажа, по сторонамъ шли восемь гайдуковъ, а тотчасъ за каретою слѣдовали шесть каммеръ-пажей верхами.

Вторая торжественная карета Императрицы Елисаветы Алексѣевны. При ней сохраненъ описанный же церемоніялъ безъ малѣйшаго отличія отъ первой. «Вотъ наша Благодѣтельница!» сказалъ нѣкто изъ стоявшихъ подлѣ меня. »Благодѣтельница, Благодѣтельница! добрая Государыня!» повторяли другіе и Благодѣтельница была весела, какъ радость небесная. Ета радость сіяла на лицѣ Ея! Признаюсь тебѣ въ моемъ неучтивствѣ: чтобъ видѣть всю Царскую Фамилію, я ни кому

не успѣваю кланяться, и одно мгновеніе, употребляемое теперь на поклонъ, для меня чрезвычайно дорого!

Въ послѣдующихъ екипажахъ ѣхали: Великая Княгиня, Великіе Князья и Великія Княжны. Ихъ кареты заложены были цугами; у каретъ Ихъ Двора Шталмейстеры, на ремняхъ по два пажа, за каретами по два камеръ-пажа верьхами и по четыре гайдука у каждой.

Благословенная фамилія нашихъ Государей! думалъ я: вездѣ вижу и духъ и черты Великой Екатерины!... Ихъ поклоны, Ихъ снисходительная привѣтливость къ Своему народу и въ самой юности Ихъ принадлежитъ только Русскимъ Государямъ. Дѣти нашихъ Царей поселяютъ также въ мою душу что-то необыкновенное. Смотрю на нихъ, и восторгъ мой все непрерывенъ: хочу говорить много, много радостнаго, и могу только твердить: «Какія небесныя лица!»

За Царскими каретами послѣдовала команда кавалергардовъ. — Желалъ бы теперь докончить тебѣ полное описаніе всего торжественнаго въѣзда въ Москву Александра; но отъ необыкновенно радостныхъ восторговъ мои силы мнѣ измѣнили: ни за что не могу приняться! Теперь глухая полночь; но торжественный звонъ колокольный, громъ пушекъ и радостное могучее ура все еще отдаются въ моихъ ушахъ. Дай вздох-

нуть, и съ первою же почтою ты получишь отъ меня окончаніе начатаго мною и много другаго: ты увидишь картины дѣлъ добродѣтельныхъ, усердія, благодарности — картины, самыя трудныя для кисти обыкновенной. Твой всегда

М. Макаровъ.

Москва.
1801
Сентября 8 дня.

Прибытіе Государя Императора въ Слободской Дворецъ.

Чего недосказалъ съ твоимъ посланнымъ, все допишу тебѣ съ нашимъ знакомцемъ *К-л-мъ*, который при отъѣздѣ своемъ весьма кстати случился у меня. Слушай, или читай:

За командою Кавалергардовъ слѣдовали придворные екипажи; въ нихъ сидѣли: Оберъ-Гофмейстерина, Гофмейстерины, Штатс-Дамы, Каммеръ-Фрейлины и Фрейлины.

За симъ слѣдовали: другая половина Конной Гвардіи, двѣнадцать почталіоновъ съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ верхами, дорожные екипажи Его Императорскаго Величества и всей Императорской Фамиліи. Заключеніе сей торжественной церемоніи: шесть почталіоновъ верхами. Рядъ екипажей частныхъ тянулся весьма долго. Импе-

раторская дорожная коляска, темнозеленая, внутри обитая такимъ же сафьяномъ, работы чистой, прочная Петербургская. При ней былъ Императорскій камердинеръ и еще чиновникъ.

У самой Тверской заставы Государь былъ встрѣченъ нашимъ Военнымъ Губернаторомъ (Фельдмаршаломъ Графомъ Салтыковымъ) со всею свитою чиновниковъ. Государь весьма милостиво благодарилъ нашего почтеннаго старца.

Въ Земляномъ городѣ при Тріумфальныхъ воротахъ встрѣтило Государя Городовое Правленіе; при Тверскихъ (въ Бѣломъ городѣ) Губернскій Предводитель и Дворянство; при Воскресенскихъ Московскій Губернаторъ (Аршеневскій) съ чинами присудственныхъ мѣстъ. У сихъ же воротъ Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества изволили останавливаться для поклоненія образу Иверскія Богоматери. Пробравшись сюда окольными улицами, мы успѣли только видѣть Государя выходящаго изъ часовни; но за то Императрицы и вся Императорская Фамилія, въ моихъ глазахъ, покланялись Святой иконѣ. Колѣнопреклоненіе Ихъ, Ихъ умилительное благоговѣніе, разсказываютъ бывшіе ближе къ Нимъ, составляло одну изъ сценъ самыхъ трогательнѣйшихъ. Тѣ же близкіе люди говорятъ, что Государь Самъ изволилъ прочесть предъ Св. ликомъ Богоматери поданную Ему краткую молитву.

При Никольскихъ воротахъ встрѣчалъ Императора нашъ добрый, благородный Коммендантъ Генералъ Гессе со всѣми состоящими въ его командѣ Штабъ и Оберъ-Офицерами; а у самаго Успенскаго Собора, по совершеніи о многолѣтнемъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА здравіи благодарственнаго молебствія, встрѣтили Государя со крестами и святою водою и предшествовали Ему въ Соборъ Сѵнодъ и Духовенство. Пѣвчіе въ сіе время пѣли тропарь изъ службы въ недѣлю *вайй*. Многія знатныя особы ожидали Императора также у главнаго храма.

По вступленіи Александра въ Успенскій Соборъ и во все время, покуда Онъ изволилъ прикладываться ко Святымъ мощамъ въ другихъ двухъ Соборахъ, Архангельскомъ и Благовѣщенскомъ, восемдесять пять пушекъ сдѣлали залпы.

Совершивъ поклоненіе святынѣ, Государь продолжалъ шествіе въ Слободскій Дворецъ описаннымъ выше порядкомъ.

При выходѣ изъ Китая у Никольскихъ воротъ встрѣтили Государя: Академіи Ректоръ Владиміръ со студентами, у Мясницкихъ старшины цеховыхъ стоявшіе съ ихъ значками, у Красныхъ купечество съ хлѣбомъ и солью. Нѣкоторыхъ изъ нихъ Государь весьма благосклонно привѣтствовалъ. Замѣчу тебѣ именно Московскихъ купцовъ: Андрея Кригера, Науша, Аѳанасья Сазонова, Илью Алексѣева и Шелагина.

По улицамъ, гдѣ происходило Высочайшее шествіе, домы были убраны богатыми матеріями и коврами, а при церквахъ духовенство встрѣчало Императора со святыми иконами и со крестами.

Макаровъ.

9го Сентября.

Открытіе.

(*Письмо къ Лужницкому Старцу.*)

Милостивый государь!

Извините, если я, человѣкъ, видѣвшій васъ два, или три раза мелькомъ и потому едва ли вамъ знакомый, теперь нарушаю ваше спокойствіе, и несмотря на хорошее время осени, мѣшаю на нѣсколько минутъ весьма полезнымъ для насъ философическимъ прогулкамъ вашимъ, которыя (такъ давно гласитъ правдивая молва, на зло легіону враговъ и завистниковъ) намѣрены вы сообщать публикѣ. Извините въ томъ меня, милостивый государь! Увѣренный въ благоснисходительности вашей, я предлагаю вамъ задачу и самъ же берусь рѣшить ее. Примите всѣ мѣры осторожности, бодрствуйте и мужайтесь: вамъ откроется важная тайна!

Дѣло состоитъ вотъ въ чемъ: догадались ли вы, что̀ такое значитъ *Бомбайская Каланга* (*), такъ часто помѣщаемая въ *Дамскомъ Журналѣ*? — Нѣтъ? Вы неизволили догадаться? Позвольте же мнѣ объяснить вамъ первымъ то, что̀ при другихъ обстоятельствахъ осталось бы тайною для отдаленнаго потомства. Съ появленія *Бомбайской Каланги* я съ напряженнымъ любопытствомъ разсматривалъ эту необыкновенную литтературную бесѣду, сличалъ ее со многими иностранными сочиненіями, мечталъ о Калькуттѣ, объ ученыхъ оріенталистахъ и нечаянно напалъ на продуктъ отечественный: что же? Книжка въ книжку, строчка въ строчку! Всѣ *Бомбайскія* проказы, загадочно переданныя намъ черезъ *Дамскій Журналъ* въ видѣ ученой бесѣды я нашелъ — гдѣ бы, вы думали? — Въ Московскомъ Телеглафѣ (**), или, что̀ будетъ гораздо приличнѣе (объ ученыхъ произведеніяхъ должно говорить съ ученическою почтительностію) *ἐν τῷ Τηλεγραφῷ τῆς Μοϭκοβιας*. Жаль, что я недалекъ въ Самскритской грамматѣ; а какъ на сей разъ пригодился бы мнѣ древній языкъ мудрыхъ Браминовъ! IIIй Годъ вышереченной *Бомбайской Каланги* есть не что иное, какъ исходящій 1827 й. Сравните книги, страницы, строчки, слова̀, отдѣленія, и тайна вся наружи —

(*) Смотри *Д. Жур.* сего года Часть XVIII, No 7, *стран.* 32; No 11, *стрн.* 253; No 13 й, *стрн.* 33. *и проч.*

(**) Смотри *Моск. Телегр. сего годи* No 3 *й стрнц.* 229 *и проч.*; No 4 *и* 5 *й стрн.* 272, 288, 295 *и проч.*; No 8 *й стрн.* 252, 292 *и проч. и проч.* *Р.*

Бомбайская Каланча какъ на блюдечкѣ! — Какова же замысловатость въ почтенномъ авторѣ бесѣды о *Каланчѣ Бомбайской*!

Въ теченіе почти цѣлаго года етотъ собиратель красотъ Телеграфическихъ заставлялъ меня биться надъ выпискою всего Самскритскаго, искать небывалаго Самкритскаго Журнала, любопытствовать, освѣдомляться, спорить съ книгопродавцами, которые съ улыбкою посматривали на меня самаго, какъ на Каланчу Бомбайскую. Скажите, м. г., каковъ родъ критики? какова шуточка? Признайтесь, что въ ваше время такихъ проказъ небывало: васъ непосылывали въ Бомбай искать того, что̀ перегоняется и подслащивается въ Москвѣ бѣлокаменной.

Сообщивъ вамъ посильное мое открытіе въ нашихъ литтературныхъ замашкахъ, покорнѣйше васъ прошу, м. г., меня любить да жаловать, а съ тѣмъ вмѣстѣ позволить мнѣ и съ другими разными открытіями, вѣстями и недоумѣніями адресовать себя въ благой совѣтъ и любовь вашу. Какъ любомудраго словесника, истинно васъ люблю и почитаю. Имѣю честь быть *и проч.*

Савелій Розыскаловъ,
отств. Капитанъ-Поручикъ.

С. Всесвятское.
1827
Сентября 10 дня.

Политическія и другія происшествія.

Португаллія.

На Англійскомъ пакетботѣ, прибывшемъ 2 го Сентября (н. ст.), привезено въ Лиссабонъ важное извѣстіе о наименованіи Дона Мигуеля Правителемъ Португалліи. Сиръ В. А'куртъ, получивъ сіи депеши въ 7 часу вечера, немедленно отправился къ Правительницѣ и пробылъ у нея два часа.

— Въ Газетѣ отъ 10 числа напечатаны повелѣнія о назначеніи Дона Іозе Фрейре де Андраде Министромъ Духовныхъ дѣлъ и Юстиціи; объ увольненіи, по прошенію, отъ должностей бывшаго Военнаго Министра, управлявшаго Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ, Графа де Понте, и объ опредѣленіи на его мѣсто Государственнаго Совѣтника Дона Кандидо Іозе Ксавіера.

— Г. Рекахо прибылъ въ Опорто, откуда намѣревается отплыть въ Англію. Онъ обязанъ своимъ спасеніемъ полицейскому коммиссару Овіедскому, г-ну Ернесту, который увѣдомилъ его о существующемъ замыслѣ на его жизнь.

Испанія.

Инфанта, Правительница Португальская, сообщила Двору Мадритскому извѣстіе объ утвержденіи Дона Мигуеля Правителемъ государства. Въ слѣдствіе того Е. В—во немедленно повелѣлъ полкамъ наблюдательной арміи возвратиться

въ ихъ квартиры, кромѣ назначенныхъ въ Каталонію. Въ сей области возникли ужасныя безпокойства. Мятежники окружили Кардону и Герону. Въ Пюйсердѣ купцы заперли свои лавки. Сообщеніе между Барцелоною и Фигуерасомъ пресѣчено. Недовольные, такъ называемые агравіадосы, учреждаютъ свои юнты. Одинъ изъ ихъ предводителей, именемъ Карахоль, всѣмъ сельскимъ старостамъ и земскимъ начальникамъ приказалъ, подъ опасеніемъ казни, звонить въ набатъ, коль скоро появятся Королевскія войска, и отражать ихъ всею силою. Другой, по имени Коррера, въ ночи 9го Сентября вторгнулся въ деревню Авинонетъ, вблизи Фигуераса, взялъ денегъ и увелъ съ собою двухъ жителей аманатами. Агравіадосы требуютъ, какъ слышно, преимущественно трехъ вещей: сдачи крѣпостей, войны съ Португалліею и возстановленія Инквизиціи. Зараза неповиновенія оказывается уже и въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ. Такимъ образомъ въ Туделѣ сдѣлано было покушеніе возмутить умы, къ счастію, вскорѣ подавленное правительствомъ и Королевскими волонтерами. Зачинщиковъ, бывшихъ офицеровъ арміи, сражавшейся за вѣру, взяли подъ стражу.

— Генералъ Монетъ обнародовалъ 13го Сентября (н. с.) въ Барцелонѣ объявленіе, которымъ онъ снова увѣщаваетъ Каталонцевъ и даетъ имъ знать о рѣшительныхъ мѣрахъ, принятыхъ для усмиренія мятежниковъ. Въ объявленіи сказано: 1) Всѣ участвующіе въ мятежѣ получатъ прощеніе, когда они возвратятся домой къ

25 числу Сентября и сдадутъ оружіе правительству; 2) предводители шаекъ не включены въ сіе прощеніе, но имѣютъ быть наказаны по всей строгости закона.

— 23 Числа утромъ Король отправился изъ Ескуріала въ Каталонію. Въ Мадритѣ господствуетъ величайшее спокойствіе.

—Въ повелѣніи, данномъ Кастильскому Совѣту, сказано, что Е. В-о желаетъ лично изслѣдовать причину возмущенія.

Франція.

20го Сентября Е. В-о прибылъ въ вожделѣнномъ здравіи въ Сенъ-Клу. Большой смотръ войска въ лагерѣ при Сентъ-Омерѣ происходилъ 10го числа, а 13го Король присутствовалъ въ продолженіе 6 часовъ при маневрахъ, и во всякомъ корпусѣ приказалъ раздать извѣстное число знаковъ отличія. Въ Камбре Епископъ тамошній поднесъ Королю молитвенникъ, принадлежавшій Маріи Стюартъ.

— Маркизъ Виллареаль отправился 10го Сентября изъ Парижа въ Вѣну. Онъ проводитъ Инфанта Дона Мигуеля въ Лиссабонъ.

— 29 Сентября праздновали день рожденія Дюка Бордосскаго. По старинному обычаю *Дѣти* Франціи (сыны или племянники Королевскіе) получаютъ орденъ Святаго Духа при самомъ ихъ рожденіи; но *Внукамъ* Франціи (въ такихъ отношеніяхъ находится Его Высочество) дается упомянутый орденъ не прежде, какъ при первомъ ихъ

причащеніи Св. Тайнамъ, а Принцамъ крови не прежде пятнадцати лѣтъ отъ рожденія.

Италія.

Князь Гагаринъ, бывшій до кончины Д. Тайнаго Совѣтника Италинскаго Россійскимъ Повѣреннымъ въ дѣлахъ при Папскомъ Дворѣ, 7 го Сентября (н. с.) подалъ Папѣ свою вѣрительную грамату въ качествѣ Чрезвычайнаго Посланника и Полномочнаго Министра.

Англія.

Императоръ Бразильскій Донъ Педро увѣдомилъ Его В-во Короля о назначеніи Дона Мигуеля Правителемъ Португалліи; онъ просилъ настоятельно, какъ пишутъ, удержать тамъ конституцію, которая одна только можетъ предохранить Государство, чтобы оно недосталось въ добычу его неприятелямъ. Его В-во, какъ сказываютъ, читалъ письмо сіе съ особеннымъ благоволеніемъ. Слухъ идетъ о снаряженіи двухъ полковъ для отправленія въ Португаллію, на подкрѣпленіе вспомогательной арміи. Гибралтарскій гарнизонъ также получитъ усиленіе войскомъ.

— Россійскую ескадру, подъ начальствомъ Контръ-Адмирала Графа Гейдена, видѣли въ проливѣ Гибралтарскомъ. — Другая Россійская ескадра, говорили въ Лондонѣ, вышла изъ Черноморскихъ гаваней и теперь крейсируетъ вблизи Босфора.

— Графъ Каподистрія 25го Сентября отправился черезъ Остенду и Парижъ въ Грецію къ мѣсту своего предназначенія.

— Адмиралъ Кокренъ и Генералъ Чорчъ пишутъ въ Лондонъ, что Греки съ тѣхъ поръ, какъ они свѣдали о посредничествѣ Державъ въ ихъ пользу, очевидно одушевились любовію къ порядку и благоустройству.

Турція.

Изъ Константинополя доходятъ вѣсти о чрезвычайныхъ военныхъ вооруженіяхъ, дѣлаемыхъ по повелѣнію Султана, и о томъ, что Великій Визирь собираетъ армію при Адріанополѣ, которою начальствовать будетъ самъ Султанъ. Крѣпости при Босфорѣ и Дарданеллы поспѣшно приводятся въ оборонительное состояніе и на годъ запасаются съѣстными припасами.

— Нота, поданная 16го Августа Министрами трехъ союзныхъ Дворовъ Великому Визирю, какъ сказываютъ, содержитъ слѣдующія три главныя статьи: 1) предложеніе посредничества; 2) представленіе о прекращеніи всѣхъ непріятельскихъ дѣйствій противъ Грековъ; 3) назначеніе 15ти-дневнаго срока, въ теченіе коего Порта должна сообщить отвѣтъ на предложенія, сдѣланныя ей тремя Дворами, по прошествіи коего, ежели Порта будетъ наблюдать молчаніе, или дастъ отвѣтъ отрицательный, всѣ переговоры съ нею прервутся и приступлено будетъ къ ис-

полненію мѣръ, предписываемыхъ Лондонскимъ договоромъ отъ 6 го Іюля.

— По достовѣрнымъ извѣстіямъ, 20 Августа Турецко-Египетскій флотъ, изъ 89 кораблей состоящій, вышелъ изъ Александрійской гавани 31 Іюля. Соединясь съ кораблями, находящимися въ Наваринѣ, оный будетъ состоять изо 120 кораблей. На семъ флотѣ находится отъ 5 до 6000 человѣкъ войска.

— Греческій національный Конгрессъ избралъ Графа Іоанна Каподистрію Правителемъ Греціи. Опредѣленіе о семъ воспослѣдовало въ Трезенѣ; адрессъ Графу подписанъ Президентомъ Сессіи и Депутатами Греческими 2 го Апрѣля *стараго* стиля.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

Ченстохова теперь можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ городовъ Польши. На площади, которою отдѣляется Ченстохова отъ Ченстоховки, и гдѣ находится костелъ съ чудотворнымъ образомъ Пресвятыя Дѣвы, сооружаются зданія новыя, прекрасныя. Къ празднику, бывающему тамъ въ началѣ Сентября, стекается множество народа изъ Силезіи, Богеміи, Моравіи, изъ Кракова, изъ Варшавы и проч. Богомольцы, завидѣвши издали высокіе верхи Божія храма, падаютъ ницъ и по крайней мѣрѣ цѣлой часъ молятся съ особеннымъ умиленіемъ сердца. Въ казнѣ церковной хранятся разныя драгоцѣнности, древніе памятники вѣры и другіе предметы любопытства.

— Въ Парижѣ, въ Гаврѣ, въ Лондонѣ и, какъ пишутъ въ Сѣверной Пчелѣ, въ С. Петербургѣ, вечеромъ 25 Сентября (н. с.) видимо было сѣверное сіяніе. Въ Парижѣ, гдѣ недавно еще перестали говорить объ истребившемся отъ огня одномъ театрѣ, пожарная команда съ трубами своими поскакала-было искать мнимаго пожара — такъ необыкновенно въ тамошнихъ странахъ сѣверное сіяніе! По справкѣ оказалось, что въ Сентябрѣ 1621 года подобный феноменъ видимъ былъ въ цѣлой Франціи. Г. Араго объявляетъ въ вѣдомо-

стяхъ, что магнитная стрѣлка вечеромъ была въ безпорядочномъ движеніи; въ девять часовъ съ половиною разстройство достигло невѣроятной степени: вдругъ показались ясныя пятна на небѣ въ разныхъ мѣстахъ между сѣверозападомъ и сѣверовостокомъ; спустя нѣсколько минутъ явилась лучезарная дуга и скоро исчезла; верхняя точка ея находилась почти на магнитномъ меридіанѣ. Въ одиннадцать часовъ уже весьма ослабѣлъ свѣтъ феномена. Во все время и горизонтальная стрѣлка и стрѣлка наклоненія такъ часто измѣняли направленіе свое, что едва можно было записывать. Говорятъ, что уже лѣтъ двадцать не видано сѣвернаго сіянія въ Парижѣ.

— Замѣчательно, что трудолюбивые Нѣмцы начинаютъ выпускать книжки *для изученія Ново-Греческаго языка* — zum Selbstunterricht für Studierende.

— Извѣстная актриса Жоржъ съиграла нѣсколько ролей на Анжерскомъ театрѣ. Директоръ въ одной изъ аффишъ объявлялъ о спектаклѣ сими словами: »Надѣюсь, что благосклонная публика въ большомъ числѣ соберется для прославленія прекраснѣйшей женщины въ Европѣ, женщины, которая неимѣетъ себѣ равной, и которая предстанетъ нынѣ въ полномъ своемъ блескѣ. Ученица Тальмы, ученица г-жи Рокуръ, но всего болѣе ученица Природы, дѣвица Жоржъ, явится въ ролѣ Семирамиды,

украшенная алмазами цѣною во 100,000 екю.« То есть: пожалуйте къ намъ! несите деньги! у насъ чудеса!

При любопытномъ Календарѣ Львовскомъ (Пилигримѣ) на 1823 годъ приложенъ литографическій портретъ Князя Льва, *основателя* города Львова, иначе Лемберга, въ Галиціи. П. С. Орлай, въ статьѣ о Югозападной Русіи (Труды Общест. Истор. и Древн. Россійск. Ч. III, Кн. I, стран. 226) выражается такимъ образомъ: «Во Львовѣ, столичномъ городѣ Червонной Руси, *построенномъ* Львомъ Романовичемъ, Удѣльнымъ Княземъ Русскимъ, *коего портретъ и поднесь хранится во Львовскомъ магистратѣ*» и проч. — Полагаемъ, не думая впрочемъ утверждать рѣшительно, что здѣсь рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же портретѣ. Но вотъ разногласіе: въ подписи на сообщаемой при семъ нумерѣ В. Е. картинкѣ мы наименовали Князя Льва *Даніиловичемъ*, а не Романовичемъ. Первый былъ сынъ Короля Русскаго Даніила; другой былъ внукъ сего Государя. Кончина перваго относится къ 1301 году, втораго къ 1324. Не только не приписываютъ Льву Романовичу построенія Львова, но и о Львѣ *Даніиловичѣ* говорятъ, что онъ только обновилъ, возстановилъ и укрѣпилъ сей городъ. Потому-то новѣйшіе Историки упоминаютъ съ нѣкоторою осторожностію касательно основанія

Львова. На примѣръ, *Енгель* прибавляетъ слова: nach allgemein angenommenen Meinung, *по общепринятому мнѣнію* (*); безъ сомнѣнія по той же причинѣ и Карамзинъ замѣчаетъ, что новой городъ Львовъ основанъ былъ еще при Даніилѣ (**). Жаль, что мы не знаемъ, *въ какое именно время* написанъ портретъ Льва, хранящійся во Львовскомъ магистратѣ: обстоятельство весьма важное для исторической Критики вообще и въ особенности для Исторіи художествъ. Почему знать? можетъ быть Князь Левъ здѣсь изображенъ съ крестомъ и въ коронѣ изъ числа тѣхъ, которыя Казиміромъ, завладѣвшимъ Галиціею, какъ говоритъ Исторія, въ 1340 году отвезены были въ Краковъ! *К-ій.*

(*) Gesch. v. Halitsch u. Wlad. S. 576.
(**) И. Г. Р. изд. 2 Т. IV, стран. 116.

При семъ нумерѣ приложена картинка.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 19.

ОКТЯБРЬ 1827.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Изъ Гиллисовой Исторіи Древней Греціи.

(Продолженіе.)

Въ семъ воинственномъ вѣкѣ ни превосходныя дарованія, ни занимаемая въ обществѣ степень, ни богатство, не освобождали никого отъ обязанности служить отечеству оружіемъ (*). Греки Паросскіе, водворенные на островѣ Ѳазосѣ, послѣ безполезнаго покушенія собственными силами завесть поселеніе во Ѳракіи, для довершенія ихъ предпріятія принуждены были просить помощи отъ страны отечественной. Архилохъ

(*) Въ героическихъ вѣкахъ сія обязанность не соблюдалась; Барды, хотя носившіе на себѣ имя героевъ (*Ηρωες*), какъ составлявшіе первое сословіе въ обществѣ, были изъяты отъ трудовъ воинскихъ.

Hom. Odyss. passim.

находился въ семъ походѣ, который хотя кончился благополучно, но былъ перемѣняемъ разными видами удачи. Во время сраженія съ варварами - Ѳракіянами его соотечественники поражены и обращены въ бѣгство, и стихотворецъ спасъ жизнь свою, повергши щитъ на землю, каковый поступокъ столько былъ противенъ воинскому предразсудку тѣхъ временъ, что Архилохъ ни краснорѣчіемъ, ни остроуміемъ своимъ немогъ загладить собственнаго безчестія.

По возвращеніи въ отечество Архилохъ возобновилъ свое стараніе вступить въ бракъ съ Паросскою дѣвою, по имени Неовулою. Родитель ея, Ликамбесъ, вначалѣ изъявившій на то согласіе свое, послѣ отрекся, по тому ли что возненавидѣлъ и сталъ презирать Архилоха, какъ неспособнаго къ войнѣ; или по тому что обольстился привлекательными дарами богатаго Архилохова соперника. Если справедливы слова стихотворца, то одно сребролюбіе побудило Ликамбеса поступить столь безчестно, и вопреки сговору и многократнымъ клятвамъ, свои чувствованія, честь собственную и своей дочери принести въ жертву сей низкой и постыдной страсти.

Архилохъ увѣрялъ въ томъ своими стихотвореніями, исполненными укоризнъ, негодованія и мести противу всего семейства мнимыхъ измѣнниковъ. Его стихи были читаны на общенародныхъ играхъ, гдѣ сила и живость сатиры заслуживали всеобщее удивленіе. Но клевета, по видимому, соединяла стрѣлы, упоенныя ядомъ, съ оружіемъ прекраснымъ и болѣе справедливымъ горестной и отчаянной любви. Неовула и ея сестры обвинялись въ порокахъ, вовсе несовмѣстныхъ съ кротостію и достоинствами женскаго пола. Сверхъ того, подобное обвиненіе представляется крайне невѣроятнымъ, судя по благоразумной осмотрительности самой Неовулы во время усильныхъ просьбъ Архилоха, каковымъ поведеніемъ естественно она умножала Архилохову любовь къ себѣ, изощряла притомъ оружіе его сатиры.

Сколь ни были неосновательны и безразсудны укоризны и клевета Архилоховы, но удобнѣ приобрѣтали довѣріе соперниковъ и враговъ Ликамбеса; а жители Пароса, исполненные противу него негодованіемъ и презрѣніемъ, глубоко впечатлѣвали въ своей памяти насмѣшки и ругательства, изобрѣтенныя злобою стихотворца. Лишь только забывали какое-

либо прежнее произведенie его; вдругъ появлялись новые стихи, наполненные живыми оборотами остроумной сатиры. Жестокiй стихотворецъ, непрестанно устремляя удары злобы своей противу Ликамбесова семейства, сдѣлалъ поведенie онаго подозрительнымъ въ глазахъ общества, а жизнь тягостною самому семейству. Оно рѣшилось удалиться со зрѣлища, на которомъ бѣдствiя его постоянно смѣнялись одни другими, и въ отчаянiи погибло отъ собственныхъ рукъ своихъ.

Стихотворенiя, произведшiя столь горестное дѣйствiе и въ разсѣянныхъ отрывкахъ дошедшiя до насъ, писаны были стихами ямбическими (*), состоявшими изъ шести и четырехъ стопъ. Когда всякiй стихъ (the lines) вездѣ имѣлъ одинаковую протяженность, въ такомъ случаѣ сочиненie называлось ямбическимъ; когда же краткiе и долгiе стихи одинъ за другимъ слѣдовали попеременно, тогда стихотворенie именовалось еподомъ (**); и симъ именемъ Горацiй

(*) Слово ямбическiй на Греческомъ языкѣ есть подобно-знаменательно словамъ: укорительный, сатирическiй. *Arist. Poët.*

(**) Сiе слово, о знаменованiи котораго весьма много спорили, означаетъ послѣдованie стиховъ

называлъ сочиненія, въ которыхъ онъ подражалъ стопомѣрію и духу Архилоха, не списывая рабол҄ѣпно его чувствованій и выраженій (*).

Хотя стихи ямбическіе составляли родъ Поэзіи, любимый (**) Архилохомъ; но его высокія дарованія не ограничивались симъ родомъ произведеній. Одаренный необыкновенною чувствительностію сердца, онъ былъ склоненъ къ благодарности и дружелюбію, но столько же расположенъ ко враждѣ и мщенію.

или стансовъ различнаго протяженія или строенія. Здѣсь оное берется въ первомъ смыслѣ; а какъ въ послѣднемъ, будетъ изъяснено, когда станемъ говорить объ Одѣ, въ которой еподъ по правиламъ составлялъ третью строфу, какъ видимъ въ сочиненіяхъ Ефестіона, Теренціана Мавра, Марія Викторина и другихъ древнихъ Грамматиковъ и Филологовъ.

(*) — — Parios ego primus iambos
Ostendi Latio, numeros animosque secutus
Archilochi, non res, et agentia verba Lycamben.

«Я первый показалъ Латинамъ Паросскіе ямбы, слѣдуя Архилоху, не въ чувствахъ и выраженіяхъ, укоризненныхъ для Ликамбеса, но въ стопомѣріи и духѣ.»

(**) Archilochum propria rabies armavit iambo. *Epist. lib.* 1. 19.

«Архилоха вооружила сатирою его собственная ярость.»

Одушевляясь чувствами дружбы; Архилохъ оплакивалъ смерть своего родственника и друга, несчастно погибшаго отъ кораблекрушенія. Написанное имъ по сему случаю стихотвореніе состояло изъ гекзаметровъ и пентаметровъ, изобиловало притомъ елегическими выраженіями, возбуждавшими удивленіе въ великихъ древнихъ критикахъ. Глубокомысленный Лонгинъ особенно превозноситъ похвалами трогательное описаніе кораблекрушенія; и Плутархъ (*) сохранилъ конецъ сего творенія, въ которомъ пінтъ, изъясняя, сколь великій вредъ наноситъ печаль живому и сколь она безполезна умершему, рѣшается напослѣдокъ не предаваться безплоднымъ сѣтованіямъ, и облегчать горесть свою виномъ, любовію и другими чувственными удовольствіями.

Таковыя мысли Архилоха доказываютъ, что, сколь ни великій имѣлъ онъ успѣхъ въ Елегіи, но нѣжныя страсти производили въ сердцѣ его меньшее впечатлѣніе, нежели раждаемыя гнѣвомъ. Вскорѣ Архилохъ оставилъ елегическую Музу, и врожденною склонностію также и славою, приобрѣтенною сатирами, увлеченъ къ неослабнымъ занятіямъ

(*) *De audiend. Poet.*

въ послѣднемъ родѣ сочиненій. Непрерывная вражда между главными жителями Пароса и стремленіе ихъ къ полученію первыхъ достоинствъ и власти, не рѣдко превращались въ ненависть, злобу и мщеніе; а потому граждане съ чрезмѣрнымъ удовольствіемъ обращали свое вниманіе на безславіе, наносимое ихъ противникамъ, хотя впрочемъ оно было и несправедливо и низко. Склонность піита къ клеветѣ такимъ образомъ находила себѣ пищу въ злобѣ согражданъ, и болѣе усиливалась, хотя впрочемъ исполненная ядомъ клевета его достигла предѣловъ, за которыми уже она сопровождалась опасностію. Архилохъ, очернившій всѣ состоянія общества, оскорбившій друзей и враговъ своихъ чрезмѣрными и безъ всякаго различія оглашаемыми укоризнами, признанъ врагомъ общественнымъ. Своеволіе и развратъ піита, презиравшаго законы всякаго приличія и Природы, сдѣлали поведеніе его болѣе ненавистнымъ; и Архилохъ принужденъ былъ постыдно бѣжать изъ отечественнаго острова, который геніемъ своимъ могъ бы украсить, если бы поступки его не были столько позорны (*).

(*) Critias, apud Aelian. *Hist. l. IX. c. III.*

Бывъ изгнанъ изъ острова Пароса, стихотворецъ искалъ убѣжища между Ѳазійскими поселенцами, при водвореніи которыхъ отецъ его оказалъ важныя услуги; но Архилохъ не могъ и тамъ найти себѣ покоя, ибо молва о сатирахъ его достигла туда прежде, нежели самъ онъ прибылъ, а безчестіе, что утратилъ щитъ во время Ѳракійскаго похода, было неизгладимо: почему жители Ѳазоса встрѣтили Архилоха вопреки его надеждамъ и вопреки великодушному гостепріимству древнихъ.

Вскорѣ онъ оставилъ неприятное для себя мѣсто, но прежде написавъ сатирическіе стихи противу знатнѣйшихъ жителей; въ своенравномъ и постыдномъ своемъ мщеніи самый островъ представилъ онъ и тѣснымъ и безплоднымъ.

Странствующій піитъ не болѣе счастливъ былъ и въ разныхъ другихъ странахъ Греціи, въ которыхъ искалъ себѣ убѣжища. Воинтельные Спартанцы съ великимъ затрудненіемъ впустили въ городъ свой писателя, произнесшаго, что »воинъ поступаетъ благоразумно, для спасенія жизни теряя щитъ свой; ибо онъ можетъ купить новый доспѣхъ, но не можетъ возвратить

себѣ новой жизни.« Оставленный, гонимый и презираемый Архилохъ, къ возстановленію своего прежняго достоинства и приобрѣтенію общественнаго уваженія употребилъ благоразумное средство. Наступало время Олимпійскаго празднества. По развратному нраву Архилоха, по всеобщему къ нему, какъ малодушному воину, презрѣнію, всего же болѣе потому что онъ открыто защищалъ робость, надлежало, сообразно принятымъ правиламъ, удалить его отъ торжества; но піитъ, чудеснымъ своимъ искусствомъ въ Музыкѣ и Стихотворствѣ обезсиливъ предубѣжденія противу него гражданъ и Елеянъ, внушилъ имъ, что онъ сочинилъ оду въ честь Геркулеса, и что прочитавъ ее въ собраніи народа, плѣнитъ воображеніе зрителей и утвердитъ ихъ благоговѣніе къ богамъ. Польза религіи существенно соединялась съ таковымъ предложеніемъ, и судіи игръ признали нужнымъ исполнить оное. Въ опредѣленный день Архилохъ явился среди Олимпійскихъ Бардовъ. Соискатели представили образцы своего искусства въ музыкальныхъ сочиненіяхъ, къ которымъ приобыкъ слухъ зрителей; послѣ чего Архилохъ началъ пѣснь во славу Иракла, сопровождаемую звуками лиры и написанную съ новыми

перемѣнами въ стихахъ, производившими перемѣну и въ тонахъ мелодіи. Можно думать, что при семъ случаѣ Архилохъ въ первый разъ употребилъ изобрѣтеніе, приписываемое ему Плутархомъ (*), состоявшее въ быстромъ переходѣ отъ одного риѳма, или мѣры, къ другому, вовсе отличному. Новостію, красотами и величіемъ своего произведенія, Піитъ восхитилъ чувства, возвысилъ души своихъ слушателей; недостатки сочиненія покрывалъ совершенствомъ напѣва. Раздавшееся въ собраніи рукоплесканіе было доказательствомъ, что Архилохъ превзошелъ всѣхъ своихъ соперниковъ; онъ немедленно получилъ награду и украшенъ былъ вѣнцемъ побѣды (**).

Снискавъ столь великую славу на общенародномъ зрѣлищѣ стекшихся племенъ, Архилохъ съ восторгомъ возвратился въ отечественную страну, которой честь провозгла-

(*) *De Music.*

(**) Изъ твореній Пиндара и писавшаго на нихъ замѣчанія (*Ode Olym. IX*) видимъ, что сіе знаменитое Архилохово стихотвореніе долгое время воспѣваемо было на Олимпійскихъ играхъ и служило украшеніемъ при вѣнчаніи тѣхъ побѣдителей, которые или не представляли оды, относившейся къ чести ихъ въ собственности, или не хотѣли купить оной, либо пріобрѣсть другимъ какимъ-либо способомъ.

шена была въ Олимпіи, по причинѣ успѣховъ и заслугъ ея изгнаннаго гражданина. Сіе провозглашеніе было самымъ высокимъ отличіемъ, каковое только частный человѣкъ могъ доставить своему обществу; а потому ненависть и мщеніе согражданъ противу стихотворца обратились въ благодарность къ нему и удивленіе. Возобновленное уваженіе соотечественниковъ произвело въ немъ порывы стихотворческаго тщеславія, которое примѣтно въ стихахъ, сохранившихся до нашихъ временъ (*). Смерть, положивъ предѣлъ трудамъ Архилоха, распространила его славу.

Погребеніе сего стихотворца совершено было со всѣми печальными обрядами и великолѣпіемъ; благодарные соотечественники въ память его установили празднество, на которомъ Греки со всеобщимъ удивленіемъ воспѣвали стихи его попеременно съ поемами Гомера (**): такимъ образомъ Архилохъ, по участи, свойственной людямъ даро-

(*) *Athenaeus*, *L.* XIV. — *Pausanias*, L. X. *Stoboeus*, *serm.* 123.

(**) *Anthol.* p. 212. *Arist. Retor.* L. II.

витымъ, провождалъ жизнь свою въ бѣдствіяхъ, и былъ почтенъ по смерти. Укоризны, безславіе, презрѣніе, нищета и гоненія обыкновенно сопровождали его на пути жизни; удивленіе, слава, почтеніе, блескъ и великолѣпіе сдѣлались печальными спутниками его тѣни по смерти.

Архилохъ преимущественно предъ всѣми улучшилъ не только ямбическую, но и другую важнаго рода лирическую Поэзію; а жившій въ одномъ съ нимъ вѣкѣ Терпандеръ, сколько намъ показываетъ Исторія искусствъ, усовершилъ веселые и забавные роды стихотвореній. Сей пріятный піитъ родился на островѣ Лесбосѣ. Онъ за искусство свое въ Музыкѣ получилъ награду на Карнеанскомъ празднествѣ, совершавшемся въ Спартѣ, и въ началѣ седьмаго столѣтія предъ Рождествомъ Христовымъ пріобрѣлъ сряду четыре отличія въ Дельфахъ, что̀ видно изъ сохранившагося въ Плутарховы (*) времена исправнаго списка побѣдителей Пиѳійскихъ. Таковыми достоинствами Терпандеръ обращалъ на себя вниманіе современниковъ; но и потомки особливо почитаютъ его за то, что онъ усовершилъ лиру и ввелъ въ Греческое

(*) De Music.

стихотворство (*) новую разнообразную мѣру.

Примѣромъ Архилоха и Терпандера (**) руководствовались девять лирическихъ стихотворцевъ, которые процвѣтали въ теченіе двухъ столѣтій, правильно слѣдовали одинъ за другимъ, и поддерживали славу стихотворства страны своей. Отъ двухъ самыхъ древнихъ изъ нихъ, Алкмана и Стезихора, остались несовершенные отрывки; отъ Сафо сохранились двѣ полныя оды; ея послѣдователи, Алцей, Симонидъ, Ивикъ и Бакхилидъ, извѣстны также по отрывкамъ и замѣчаніямъ на нихъ древнихъ критиковъ; но кромѣ сего, мы пользуемся многими неподражаемыми одами Пиндара и плѣняемся пріятными пѣснями Анакреона.

Касательно Греческихъ Лириковъ, надлежитъ замѣтить, что, исключая Алкмана

(*) *Euclid. Harmon. Strabo, L. XIII.*

(**) *Πινδαρος φησιν ὅτι των σκολιων μελων Τερπανδρος ἑυρετης εστι.* «Терпандеръ, по словамъ Пиндара, изобрѣлъ краткія пѣсни,» по мнѣнію Поллукса и Гезихія, собственно употреблявшіяся Греками на пиршествахъ, но въ смыслѣ болѣе обширномъ, означающія всякой родъ лирическаго стихотворства, не возвышающагося до степени оды.» *Plut. de Music.*

Сардійскаго; котораго, за услуги его, Спарта себѣ усыновила, кромѣ Пиндара, родившагося въ Ѳивахъ Беотійскихъ, и Стезихора, получившаго жизнь въ Сицилійскомъ городѣ Гимерѣ, всѣ другіе произошли въ свѣтъ на Азійскомъ берегѣ или на островахъ Егейскаго моря. Обворожительный климатъ сихъ страхъ всего болѣе вдыхалъ въ нихъ восторгъ, свойственный Одѣ, и возбуждалъ въ нихъ плодовитую веселость, сіи отличительныя свойства Греческой пѣсни (*). Среди романтическихъ зрѣлищъ Іоніи, Греческіе Лирики, бывъ крайне чувствительными, ощущали въ себѣ силу пріятной и томной страсти, которая, соединяя вмѣстѣ печаль, радость и восторгъ, содержитъ плодородныя сѣмена всего, что только есть совершенное въ Музыкѣ и Стихотворствѣ (**). Тамъ знаменитая Сафо дышала снѣдавшимъ ее пламенемъ любви; а между тѣмъ ея соотечественникъ и любовникъ Алцей выражалъ жаркую къ ней привязанность, можетъ быть, не столько увлекаемый ея красотою, сколько очаровательными

(*) Hippocrat. *de Locis*, vol. II, p. 346. *Edit. Lugd. Bat.*

(**) Сообразно правиламъ Ѳеофраста *in Plutarchi Sympos.*

прелестями ея голоса. Но ни Алцей, процвѣтавшій въ началѣ шестаго вѣка, ни Анакреонъ, жившій въ началѣ пятаго столѣтія до Р. Х., врожденною живостію нрава своего не жертвовали суровой страсти, которую почитали главнымъ орудіемъ удовольствія. Встрѣчая неудачу въ любви, они находили увеселеніе въ винѣ; и трогательныя ихъ взыванія сему наслажденію составляли любимыя пѣсни древнихъ (*). Объ Алцеѣ обыкновенно судятъ по разсѣяннымъ отрывкамъ его твореній, сохранившихся въ Плутархѣ (**) и Аѳинеѣ (***), и по высокимъ похваламъ, приписываемымъ ему отъ Горація и Квинтиліана. Впрочемъ Латинскій стихотворецъ, по видимому, при многихъ случаяхъ рачительно подражалъ Греческому или, лучше сказать, его списывалъ; и сей списокъ даетъ намъ совершенное понятіе о подлинникѣ (****).

(*) Воспой намъ пѣснь Алцея, или Анакреона, — сіи слова составляли обыкновенную пословицу во времена Сократовы. *Athenaeus*, L. X. c. VIII.

(** *Symp. c. VI.*

(***) *Lib. X.*

(****) *Μηδεν αλλο φυτευσης προτερον δενδρον αμπελου. Alc.*

Nullam, Uare, sacra vite, prius severis arborem.

«О Варъ! не насаждай никакого дерева прежде лозы священной.» *Перев.*

Другія, слово въ слово переведенныя Гораціемъ мѣста, можно видѣть, рачительно сра-

Алцей; особливо любившій заниматься веселыми и забавными стихотвореніями, могъ также выражать и важные (*) предметы; напротивъ того *Анакреонъ*, имѣвшій чрезмѣрно нѣжную душу, воспѣвалъ единственно любовь и удовольствія (**). Болѣе нежели другимъ, онъ служилъ Венерѣ, Бахусу, Купидону, Граціямъ, и дары, которые приносилъ въ ихъ святилище, были имъ пріятнѣе жертвъ всякаго другаго поклонника. Стихотворецъ не только соблюдалъ внѣшніе обряды и празднества, установленныя въ честь божествъ сихъ, но доказалъ притомъ, что сердце и душа его упоевались духомъ истиннаго къ нимъ благоговѣнія. Въ дошедшихъ (***) до насъ твореніяхъ Анакреона

внивая отрывки Алцеевыхъ сочиненій, сохранившихся въ твореніяхъ Аѳинея. L. X.

(*) In lusus et amores descendit, maioribus tamen aptiòr. *Quin. L. X. c. I.*
«Воспѣвалъ игры и любовь, но могъ выражать важнѣйтіе того предметы.»

(**) *Η Βαρβιτος δε χορδαις*
Ερωτα μουνον ηχει — *Anac. Od.* 1.
«Но лира мнѣ струнами
Звучитъ одну любовь.» *Г. Мартыновъ.*

(***) Petrus Alcyonius de exilio утверждаетъ, что Анакреоновы творенія сожжены Греческими священниками (вѣроятно, не знавшими Греческой грамматы — *Перев.*) въ Константинополѣ, изъ чего нѣкоторые ученые, но лишен-

видимъ неподражаемую простоту, выборъ и нѣжность выраженій; его стихи текутъ съ тихою гибкостію; его изображенія, чувства и умствованія (если то, что̀ имѣетъ въ произведеніяхъ его видъ умозрительныхъ убѣжденій, можно назвать умствованіемъ) составляютъ списокъ съ самыхъ жаркихъ впечатлѣній Природы. Впрочемъ, сколь ни прекрасны и совершенны стихотворенія Анакреона, но въ нихъ видны крайнее своеволіе нравовъ и ядоносная роскошь воображенія, которая, простираясь за предѣлы чувственности, приводитъ въ изнеможеніе и самую душу.

Развратное веселонравіе Анакреона, нѣжность и чувствительность Сафо и трогательныя сѣтованія Симонида — все сіе бы-

---

ные вкуса люди, безразсудно заключаютъ, что приписываемыя сему древнему Стихотворцу сочиненія суть подложны. Безъ сомнѣнія о сихъ твореніяхъ невозможно сказать: «Etsi excitant animos nostrorum hominum ad flagrantiorem religionis cultum, non tamen verborum Atticorum proprietatem et lingvae Graecae elegantiam docent« «Хотя онѣ возбуждаютъ въ душахъ людей нашихъ болѣе пламенное уваженіе къ религіи, но не научаютъ чистотѣ Аттическихъ словъ и не показываютъ изящности Греческаго языка.» И въ семъ состоитъ характеръ, который Petrus Alcyonius приписываетъ сочиненіямъ, подставленнымъ намѣсто сожженныхъ.

ло выражаемо легко, ровно, плавно, стройно; но таковая непрерывная гармонія, по мнѣнію самаго ученаго ихъ соотечественника (*), показываетъ бо́льшую прелесть, нежели силу, и бо́льшую красоту, нежели величіе. Величественная Муза *Стезихора* воспаряла быстрѣйшимъ полетомъ. Презирая предметы, описываемые другими лириками, Стезихоръ воспѣвалъ войну и героевъ, и лирою своею поддерживалъ все бремя и достоинство Епической Поезіи (**). По крайней мѣрѣ такъ думаетъ о семъ знаменитый Критикъ, читавшій творенія, о которыхъ нынѣ судить можемъ только по ихъ сходству съ произведеніями *Пиндара*, на одни и тѣ же высокіе предметы положившаго подобную печать Генія.

Почести, опредѣленныя Пиндару современниками, и удивленіе къ его имени самыхъ просвѣщенныхъ народовъ древности, и его самаго и его творенія дѣлаютъ предметомъ естественнаго любопытства. Пиндаръ, родившійся за пять сотъ двадцать лѣтъ до Р.

(*) *Dionisius Halicarn.*

(**) Epici carminis onera lyra sustinentem. «Поддерживающаго тягость Епической Поезіи лирою. *Quint.*

X., своею жизнію совершилъ кругъ полнаго столѣтія. Почему; хотя вѣкъ его простирается за предѣлы нашей Исторіи; но поелику творенія предшественниковъ его истреблены или алчнымъ временемъ, или варварами: то необходимо разсмотрѣть здѣсь качества и отличительныя черты Пиндаровыхъ твореній, какъ единственныхъ, сохранившихся до насъ веществъ, дающихъ намъ способъ составить общее понятіе о произведеніяхъ, которыя были читаны Лирическими Стихотворцами на главныхъ празднествахъ Греціи.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ Пиндаръ рачительно былъ занимаемъ музыкою и стихотворствомъ отъ родителя его, музыканта. Геній Пиндара, по природѣ дикій и роскошный, исправленъ наставленіями соотечественницъ его Миртисы и Коринны (*), стихотворными произведеніями своими пріобрѣтшихъ неоспоримую славу не только въ Ѳивахъ, но и въ городахъ (**) сосѣдственныхъ. Сравняться славою съ наставницами Пиндаръ обнаружилъ усилія свои во время состязаній въ музыкальномъ искусствѣ; торжественно

(*) *Pausanias* l. IX. c. XXII.
(**) *Lucian. Aelian. Var. Hist.*

совершавшихся въ отечественной странѣ Піита; тамъ Пиндаръ, побѣдивъ Миртису, пятикратно побѣжденъ былъ Коринною, которая, если голосъ соблазна заслуживаетъ вѣроятіе, многократными своими побѣдами была обязана не столько высокимъ своимъ дарованіямъ (*), сколько прелестямъ лица. Однакожъ на четырехъ общенародныхъ собраніяхъ, гдѣ женамъ не позволялось состязаться, Пиндаръ похитилъ награду у всѣхъ своихъ соперниковъ, и славою, которую стихотворствомъ своимъ приобрѣлъ и принесъ Олимпіи, принудилъ великихъ военачальниковъ и мужей государственныхъ того времени уважать свою Музу. Во храмы боговъ, особливо же въ знаменитый храмъ Дельфійскій, Пиндаръ своими гимнами и пеанами привлекалъ необыкновенное множество Грековъ и иноземцевъ. Жрецы, прорицатели и другіе служители Аполлона, понимая, сколь великую пользу приноситъ имъ Пиндаръ славою своей музыки, вознаградили его, воздвигнувъ изваяніе лика его въ самой видной сторонѣ храма, и объявивъ устами Пиѳіи, что половина первородныхъ плодовъ, ежегодно приносимыхъ въ Дельфійское святилище (**) набож-

(*) *Pausan. ibid.*
(**) *Pausan. Phocic.*

ными поклонниками, будетъ отдѣляема Пиндару. Такимъ образомъ при жизни своей Стихотворецъ сей сдѣлался участникомъ почестей, воздававшихся богамъ; а по смерти память свою украсилъ всѣми знаками уваженія, какое только приводимые въ удивленіе народы являть были въ состояніи. Воздвигнутый въ честь Пиндара согражданами его на Өивскомъ Ипподромѣ памятникъ красотою своею обращалъ на себя вниманіе по истеченіи шести столѣтій (*). Еще въ Плутарховы времена часть священной жертвы опредѣлялась потомкамъ Поэта. Закоренѣлая вражда Спартанцевъ, разрушившихъ столицу древнихъ и самыхъ жестокихъ враговъ своихъ, пощадила домъ Пиндара, который равномѣрно былъ уваженъ въ послѣдовавшемъ вѣкѣ отъ стремительнаго и воительнаго Филиппова сына, и отъ Македонскихъ военачальниковъ (**), совершавшихъ въ умоизступленіи тріумфъ свой.

Пиндаръ, по словамъ преданія, пріобрѣлъ неоспоримую славу своими гимнами въ честь Юпитера, пеанами въ честь Аполлона и диөирамбами въ честь Бахуса. Но всѣ

(*) *Pausan Boeotic.*

(**) *Polyb. Hist.*

таковыя его произведенія, вмѣстѣ съ любовными стихами, елегіями и парѳеніями (*) погибли; и мы, къ несчастію, принуждены ограничить наши наблюденія одами, которыя произносилъ онъ на священныхъ играхъ въ похвалу одержавшихъ побѣду посредствомъ гимнастическихъ упражненій и конскихъ ристаній. Побѣдители были мужи, возведенные на первыя степени достоинствъ въ Греціи; а потому Стихотворецъ прославлялъ блистательность ихъ прежней жизни, ихъ достоинства, ихъ характеръ, знаменитость предковъ и честь ихъ республикъ. Восхвалялъ боговъ-покровителей, которымъ одержавшіе побѣду были обязаны своимъ благополучіемъ: и по сей причинѣ удобно обращалъ рѣчь къ божеству, въ честь котораго игры были установлены, къ обоготворенію героевъ, оныя установившихъ, или утвердившихъ, и употреблялъ другіе безчисленные епизоды, которые не рѣдко бываютъ занимательнѣе и красивѣе подлиннаго предмета.

Таково главное содержаніе одъ Пиндара; форма же оныхъ обыкновенно состояла изъ трехъ стансовъ, изъ которыхъ два первые,

(*) *Парѳеніи* (какъ значеніе слова, производимаго отъ *παρθενος*, дѣва, показываетъ) воспѣвались хоромъ дѣвъ.

имѣвшіе равную длину, были длиннѣе третьяго. Сіе расположеніе стиховъ введено было, какъ самое приличное и случаю къ составленію поемы и мѣсту для произношенія оной. Случаемъ къ составленію поемы служило торжественное жертвоприношеніе, сопровождавшееся общенароднымъ пиромъ, на которомъ зрители были угощаемы отъ друзей счастливаго искателя Олимпійской славы. Благодарность богамъ составляла главную часть обряда; и побѣдитель, при помощи божества, его покровительствовавшаго, достигшій столь высокой чести, не могъ опустить обряда, если только не хотѣлъ прослыть злочестивымъ. На олтарѣ божества происходило жертвоприношеніе и въ храмѣ его воспѣвалось панегирическое стихотвореніе, содержавшее въ себѣ похвалы и божеству благодѣтельному, и его любимому поклоннику. Доколѣ дѣлались приготовленія къ торжеству, дотолѣ хоръ по обыкновенію не начиналъ пѣсни. Составлявшіе хоръ повторяли первый стансъ, собственно называвшійся строфою, а между тѣмъ прелестно плясали, направляя движенія свои къ правой сторонѣ наполненнаго драгоцѣнными приношеніями жертвенника; возвращаясь, въ противуположномъ направленіи, къ мѣсту, съ котораго двинулись;

повторяли второй стансъ, отъ сего называвшійся антистрофою; ставъ послѣ неподвижно предъ жертвенникомъ, какъ будто сіе происходило предъ присутствовавшимъ непосредственно божествомъ, котораго кумиромъ жертвенникъ украшался, они воспѣвали послѣдній стансъ съ большимъ напряженіемъ мелодіи (*) и съ многосложными оной перемѣнами. Изъ чего видимъ, что ода отличалась отъ другихъ стихотвореній не тѣмъ, что была излагаема на музыкѣ (**) (сіе было принадлежностію, общею всѣмъ стихотвореніямъ), но тѣмъ, что воспѣвалась хоромъ, разныя образованія своего голоса сопровождавшимъ приличными движеніями и положеніемъ тѣла.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

(*) Marcus Victorinus de Gram. и Scholia на Hephoestion.

(**) Таковая погрѣшность всюду усматривается въ Разсужденіи, впрочемъ весьма умно написанномъ, Шабанона, о Лирической Поэзіи, въ Memoires de l'Academie.

Фортепiано.

(Окончанiе.)

Фортепiано, похожее наружностiю на клавицинъ, извѣстное подъ именемъ рояля, имѣетъ на своей сторонѣ важныя преимущества: оно всѣхъ лучше. Отъ струнъ, ударяемыхъ въ длину ихъ, получаются сотрясенiя болѣе сильныя и болѣе продолжительныя. Видъ сего фортепiана красивъ и живописенъ: оно представляетъ арфу въ горизонтальномъ положенiи, или триугольникъ прямоугольный, составленный изъ множества прикрѣпленныхъ струнъ, которыя всѣ вмѣстѣ даютъ шесть октавъ съ половиною. Пiанистъ съ аккомпанирующими музыкантами и съ пѣвцами могутъ расположиться очень выгодно при етомъ инструментѣ. Охотники до симметрической точности предпочитаютъ фортепiано четыреугольное, оставаясь въ томъ мнѣнiи, что оно будто бы приличнѣе для гостиной: заблужденiе, отъ котораго живописцамъ нашимъ давно уже слѣдовало бы отказаться. Надобно, чтобъ инструментъ музыкальный похожъ былъ самъ на себя, а не на комнатную мебель. Ежели арфѣ дадимъ видъ какого-нибудь станка; ежели рогъ пре-

вратимъ въ воронку, фаготъ въ столбикъ отъ балдахина, гитару въ ящикъ на парики: тогда живописцы и ваятели незамедлятъ бросить всѣ етѣ вещи, слишкомъ обыкновенныя, ни мало непривлекательныя, и перестанутъ съ замысловатымъ искусствомъ располагать ихъ въ своихъ трофеяхъ. —

Д. Скарлатти, Гендель, Лаландъ, Боккерини, Ейхнеръ, Гановеръ, Еккардъ, Стеркель, Козелюхъ, Шретеръ, Лассо, Едельманъ и многіе другіе, писавъ для клавицина, невоспользовались всѣми выгодами отъ средствъ, которыя можно было извлечь изъ сего инструмента. Піесы Д. Скарлатти, Генделя, сонаты Боккерини всегда уважаются въ качествѣ композиціи; концерты Баха исполнены прекраснѣйшихъ мелодій; но замашки ихъ уже устарѣли, и піесы, которыя писаны для тогдашнихъ виртуозовъ, теперь могли бы разъиграны быть учениками, даже менѣе чѣмъ посредственными. Я почитаю Муціо Клементія основателемъ новой школы клавицинистовъ (1770 г.): въ ней блистаютъ Моцартъ, Гайденъ, Дуссекъ, Крамеръ и Стейбельтъ. Замѣчено выше, что клавицинъ уступилъ мѣсто фортепіану около того же самаго времени. Прибавлю, что Клементи никогда не

воединялъ клавицина съ какимъ бы ни было другимъ инструментомъ: сей композитеръ благоразумный былъ конечно того мнѣнія, что никакъ недолжно полагаться на коварнаго помощника и что гораздо надежнѣе избѣгать опаснаго сосѣдства. Сочиненія Крамера, Дуссека вообще уважаются; Школа же Крамера принадлежитъ къ мастерскимъ произведеніямъ, равно какъ сонаты Клементіевы суть піесы классическаго достоинства. Къ одному лишь Стейбельту слишкомъ строги піанисты нашего времени; многіе стараются оказывать къ нему неуваженіе.

Соглашаюсь, что етотъ композитеръ имѣетъ свои недостатки: стиль его не рѣдко бываетъ плодовитъ и не совсѣмъ правиленъ; иногда неумѣренно пользовался онъ средствами педаловъ; онъ самъ себя повторялъ, похищалъ у себя свои собственныя мысли; онъ два раза дарилъ насъ однимъ и тѣмъ же рондо, перерядивъ только формы главнаго мотива. Стейбельтъ есть Россини фортепіана: въ его сочиненіяхъ ищутъ погрѣшностей, и находятъ ихъ дѣйствительно; а между тѣмъ не льзя же скрыть, что онъ владѣлъ высокимъ даромъ нравиться и плѣнять душу — даромъ, которой въ удѣлъ

достается не всякому, и которой, будемъ справедливы, имѣетъ свою цѣну. Его III концертъ, извѣстный подъ названіемъ *Бури*, его сочиненія IV, IX, его концертъ посвященный Королевѣ Прусской, и многіе другіе отличаются богатствомъ мелодіи и чертами блестящими, исполненными граціи: ихъ успѣхъ былъ признанъ вообще всѣми, равно какъ и теперь знатоки отдаютъ имъ должную справедливость. Вся жизнь творца музыки для *Ромео и Юліи* протекла то въ безпечности, то въ разсѣяніи, и къ нему примѣнить можно изреченіе Бюффона: *по стилю узнаешь человѣка.* Музыка у него иногда стремится на удачу; но всегда сверкаютъ въ ней искры генія. *Multa nitent.*

Стейбельтъ воспользовался средствами новаго инструмента и содѣйствовалъ введенію очень выгодныхъ перемѣнъ, какія сдѣланы были славными мастерами, братьями Ерардъ. Новые, безпрерывно возрастающіе успѣхи инструмента, усовершенствованіе методъ, особливо же появленіе исполина Бетговена расширили кругъ дѣйствія въ игрѣ фортепіаниста. Оригинальность идей сего композитера, новые покрои частей въ его піесахъ, величіе мысли его, сообщили дотолѣ

невообразимую важность музыкѣ фортепіана и поприще ея содѣлали неизмѣримымъ. Гуммель, заступившій мѣсто его въ Германіи, почитаемый нынѣ какъ бы начальникомъ школы клавицинистовъ, изобрѣлъ менѣе своего предмѣстника; но музыка его имѣетъ болѣе особенныхъ приноровокъ именно къ фортепіану: будучи легче для дѣйствія перстами, она болѣе содержитъ въ себѣ блестящихъ замашекъ и остроумнаго механизма. Отличнѣйшими піесами Гуммеля признаны: концерты на *si mineur*, на *la mineur*; септуоръ, сочиненіе подъ NO LXIV; тріо XII, LXXXIII, XCIII, XCVI; сонаты XIII; рондо *brillans* LVI, XCVIII; сонаты на четыре руки LI, XCXII, XCIX; фантазія XVIII. Гуммель и Бетговенъ сочинили каждой по одному концертанту для фортепіано и скрипки.

Г-да Черни, Пиксисъ, Мошелесъ, Рисъ, Фильдъ блистаютъ съ Гуммелемъ и вмѣстѣ съ нимъ поддерживаютъ славу Нѣмецкой школы. Фильдъ написалъ множество концертовъ, которые, не будучи совсѣмъ свободны отъ критики вразсужденіи связи частей, отличаются новостію замашекъ и совершеннымъ изяществомъ движенія. Никакая другая музыка непредставляетъ лучшей удобности для

перстовъ. Крамеръ, въ которомъ старость еще не охладила таланта, продолжаетъ трудиться; его послѣднія сочиненія достойны стоять рядомъ съ прежними, самыми прекраснѣйшими. [Я назову здѣсь преимущественно концерты VI и VII, потомъ сонаты LVII, LVIII, LIX, LXII, LXIII.

Виртуозы и композиторы Французскіе занимаютъ видное мѣсто между фортепіанистами нашего времени; изъ числа ихъ отличнѣйшіе: Онсловъ, Калкбреннеръ, братья Герцы, Циммерманъ, Герольдъ, Бертини, Прадгеръ, Мансюи, Пети, Камиллъ Плейель, Вецъ и проч.

Нотный шкапъ фортепіанистовъ богатъ *Школами* — сочиненіями, писанными для усовершенствованія руки въ искусствѣ преодолѣвать всѣ трудныя мѣста, которыя въ послѣдствіи времени встрѣтятся ей въ музыкальныхъ піесахъ. Клементи, дожившій до 81 года, недавно издалъ въ свѣтъ третью часть своего *Gradus ad Parnassum*, въ достоинствѣ равняющуюся двумъ первымъ. Крамеръ въ свою очередь прибавилъ третье собраніе упражненій къ двумъ удивительнымъ книгамъ своимъ того же рода. Заглавія сихъ сочиненій нѣкоторымъ показались странными, даже ребяческими: одно называется *лѣстницею*; дру-

тому далъ титулъ *позолоченной гремушки* и проч. И Стейбельтъ нечуждался шарлатанства: намъ памятенъ его *Пожаръ Московскій*, которой называлъ онъ *фантазіею*. Многіе изъ преемниковъ его пустились еще далѣе: не мы ли видѣли *Божонскій рудникъ* — музыкальную піесу для фортепіана, гдѣ авторъ, Ж. Куперенъ, приписываетъ словами то, что́ хотѣлъ онъ выразить нотною азбукою или раздробленіемъ тоновъ, на примѣръ: *вода преграждаетъ проходы; работникамъ даютъ пищу посредствомъ лота* (глубомѣра)! Въ етомъ шутовскомъ родѣ музыки вѣнецъ по всей справедливости принадлежалъ бы творцу фантазіи, подъ титуломъ *Кліо*, гдѣ самое сочиненіе наименовано *Рѣчью о красотахъ Исторіи*, еслибъ г. Карулли не издалъ въ свѣтъ *Бури*. . . для гитары! Въ сихъ затѣйливыхъ намекахъ употреблены всѣ средства, чтобы какъ можно вѣрнѣе выразить свистъ вѣтровъ, трескъ грома, шумъ дождя, стукъ града, ревъ приближающагося чудовища, смертельный испугъ пастушки и нѣжныя попеченія о ней милаго друга. Подобныя сумазбродства ведутъ насъ къ той мысли, что музыкальныя *баталіи* для фортепіана или для двухъ флейточекъ уже никакъ неслѣдуетъ почитать совершеннымъ вздоромъ, и я почти

не нахожу ничего смѣшнаго въ отважномъ подвигѣ добродушнаго Раймонди, творца извѣстной симфоніи, гдѣ мелодическими звуками выражаются *похожденія Телемака*, и гдѣ Фенелоновы страницы переложены на языкъ нотный. Тутъ все таки есть сколько нибудь общаго смысла. Докажемъ примѣромъ: Дауніанамъ объявляютъ войну; собирается совѣтъ; старые полководцы разсуждаютъ *бѣлыми нотами*, то есть тактами и полутактами; другіе, люди среднихъ лѣтъ и потому не столь осторожные въ словахъ своихъ, бесѣдуютъ на *черныхъ*, то есть четвертями и осмушками; но юные герои, исполненные огня и дерзкаго высокомѣрія, съ жаромъ болтаютъ на шестьнадцатыхъ, на тридцатъ вторыхъ, и посредствомъ хроматическаго изліянія нотной азбуки обнаруживаютъ нетерпѣливое желаніе сразиться съ сопостатомъ. По неволѣ согласитесь, что догадливый композитеръ нелюбилъ шутить, когда имѣлъ хорошій случай воспользоваться всѣми пособіями своего искусства, предназначеннаго дѣйствовать на душу посредствомъ слуха!!

Мнѣ надлежало бы говорить о превосходныхъ композиціяхъ г-на Калкбреннера, объ язящныхъ сонатахъ на четыре руки г-на

Онслова, о множествѣ другихъ сочиненій замѣчательныхъ, которыми подарили насъ композиторы - фортепіанисты новой школы; я удовольствовался однимъ Гуммелемъ, ихъ начальникомъ. Но мнѣ недостаетъ мѣста; между тѣмъ какъ я ничего не успѣлъ сказать ни о Гайденѣ, ни о Морцатѣ: вотъ мое оправданіе!

(Изъ Journ. d. Déb.)

Взглядъ на Исторію, какъ на науку (*).

(Продолженіе.)

Разсматривая Исторію вѣковъ протекшихъ, нельзя невольно не останавливаться на нѣкоторыхъ событіяхъ, которыя по важности своей даютъ совершенно новое направленіе ходу происшествій, и потому служатъ какъ бы знаками разграниченія въ повѣ-

(*) Начало помѣщено было въ No 4 В. Е. сего года. Если обстоятельства посторонія могутъ быть уважаемы въ дѣлѣ Литтературы; то, принося извиненіе почтенному Редактору за медленное доставленіе окончанія сей статьи, авторъ покорнѣйше проситъ о снисхожденіи и благосклонныхъ читателей Журнала. *Сог.*

ствованіи. Я говорю объ епохахъ. — Епохъ сихъ слишкомъ много; но нѣтъ сомнѣнія, что тѣ, которыми отдѣляются народы, особенно примѣчательные по ихъ знаменитости, заслуживаютъ преимущественно и вниманіе наблюдателя. Слѣдовательно сюда необходимо должны относиться: епоха могущества Грековъ и паденіе Западной Римской Имперіи, какъ такія событія, отъ которыхъ начинается какъ бы совсѣмъ другая жизнь человѣческаго рода. Основывая на семъ особое раздѣленіе, въ Исторіи отъ начала міра до временъ новѣйшихъ представляются намъ три огромные періода, въ которыхъ по всѣмъ отношеніямъ человѣкъ являетъ дѣятельность совершенно новаго вида. Въ первомъ изъ сихъ періодовъ заключается Исторія народовъ восточныхъ до упадка Кировой Монархіи, вмѣсто которой на ѳеатрѣ міра начинаютъ дѣйствовать племена, чуждыя восточнымъ по физическому и нравственному бытію; таковы были Греки и Римляне, которые во второмъ періодѣ являются какъ нѣкоторое *цѣлое*, особенное по чувственному, нравственному и политическому образованію; наконецъ въ третьемъ періодѣ изъ развалинъ Западной Римской Имперіи при свѣтильникѣ Хрїстіанской религіи возникаетъ

еще новое поколѣніе человѣческаго рода, отличное отъ всѣхъ предшествовавшихъ по своему духу, какъ главному началу, опредѣляющему всѣ формы дѣятельности, а слѣдовательно и собственное бытіе свое.

Ограничиваясь единственною цѣлью вывести понятіе объ Исторіи, какъ о наукѣ, и слѣдовательно доказать, что она незаключается въ однихъ отдѣльныхъ, частныхъ наблюденіяхъ, что событія, ею повѣствуемыя, не есть цѣпь случайностей, но нѣкоторое органическое цѣлое, полный кругъ явленій, ограничиваясь, говорю, сею единственною цѣлью, мы необходимо должны прежде всего показать настоящій характеръ каждаго изъ трехъ періодовъ, на которые мы раздѣлили Исторію, и потомъ разсмотрѣть взаимную связь ихъ; ибо разумъ можетъ составлять системы только о такихъ предметахъ, которые имѣютъ свой внутренній порядокъ. Но прежде нежели приступимъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, постараемся отвратить нѣкоторыя недоразумѣнія, которыя съ перваго взгляда, кажется, могутъ возникнуть.

Вѣрность приведеннаго нами раздѣленія Исторіи могутъ опровергать тѣмъ, что и

народы Восточные, и племена Грековъ и Римлянъ и племена Готическія понынѣ одинаково владычествуютъ на земномъ шарѣ, между тѣмъ какъ они включаются въ различные періоды. Но таковое возраженіе уничтожается съ перваго взгляда на ходъ историческихъ событій. Штуцманъ раздѣляетъ всѣ народы на три порядка: одни, говоритъ онъ, соотвѣтствуютъ самостоятельнымъ солнцамъ звѣзднаго неба; другіе, подобно планетамъ, неимѣя въ себѣ цѣлостнаго бытія, вращаются около первыхъ; и наконецъ третьи, прообразуя собою схему кометъ, непринадлежатъ ни къ какой системѣ и свободно носятся въ пучинѣ неизмѣримыхъ пространствъ — таковы, по его мнѣнію, Государства торговыя: въ древности Финикія, Карѳагенъ, въ средніе вѣки Венеція, нынѣ Англія. Безъ всякаго сомнѣнія одни народы, относящіеся къ первому разряду, и только дотолѣ пока они еще остаются въ ономъ, должны обращать на себя особенное вниманіе наблюдающихъ Лѣтописи міра. По сему-то сначала Ассиріяне, Мидяне и продолженіе сихъ послѣднихъ — Персы, потомъ Греки, Римляне и наконецъ обширная Монархія Карла Великаго, образовавшая собою Германію и Францію, должны составлять главное содержаніе

всей исторіи до нашихъ временъ; по сему-то здѣсь, въ политическомъ бытіи собственно сихъ государствъ, а не гдѣ-либо индѣ, должно отыскивать ходъ событій, слѣдовательно назначать и самыя епохи, измѣнявшія оный.

Далѣе представляется еще вопросъ, служащій намъ возраженіемъ: почему именно вышепредложенныя епохи избираются для главнѣйшаго раздѣленія Исторіи; почему испытующій взоръ Философа неостанавливается на основаніи Монархіи Персовъ, на времени построенія Рима и прочихъ событіяхъ, столь же, или еще, по видимому, и болѣе знаменитыхъ, нежели здѣсь принимаемыя? —

Надѣясь въ послѣдствіи оправдать себя въ етомъ отношеніи изложеніемъ самаго хода происшествій, предложимъ здѣсь лишь нѣсколько замѣчаній. Цѣль наша — въ ряду происшествій, повѣствуемыхъ Исторіею, опредѣлить тѣ, съ которыхъ начинается какъ бы новое существованіе народовъ въ ихъ политическомъ и нравственномъ бытіи; а какъ мы уже замѣтили выше, что главная нить событій, составляющихъ предметъ всей Исторіи, ограничивается только нѣсколькими народами: то гдѣ же иначе, какъ не въ из-

мѣненія различныхъ отношеній сихъ народовъ между собою, должно отыскивать и самыя епохи? Разсматривая отношенія сіи, безъ сомнѣнія главнѣйшими событіями, измѣняющими оныя, представляются тѣ, которыя давали перевѣсъ тому, или другому народу въ общей системѣ чувственнаго, нравственнаго и политическаго образованія; слѣдовательно и главнѣйшими епохами въ Исторіи сихъ народовъ, а потому и въ Исторіи цѣлаго свѣта, должны быть тѣ происшествія, которыя были причиною возвышенія, или упадка одного изъ оныхъ: тогда народъ, означавшій духомъ своимъ особенный періодъ своего могущества, содѣлываясь съ свою чреду подчиненнымъ, уступалъ мѣсто первенства другому, который по степени возвышенія распространялъ во всемъ кругу своей дѣятельности и характеръ собственнаго бытія. Народовъ, совершенно отличныхъ между собою по духу, такъ сказать, просвѣчивающему во всѣхъ формахъ ихъ внутренняго и внѣшняго существованія, до сихъ поръ въ Исторіи міра представляется только три отдѣленія, какъ мы уже имѣли случай замѣтить: народы восточные; народы, служащіе какъ бы переходомъ отъ восточныхъ къ совершенно новому поколѣнію, которое со

временемъ должно было возстать отъ сумрачныхъ странъ Запада — ето Греки и Римляне, и наконецъ народы Европейскіе. Итакъ очевидно, что не другія епохи полагать должно въ Исторіи міра главнѣйшими, какъ только: a) епоху, отдѣляющую Исторію народовъ Восточныхъ отъ Исторіи Грековъ и Римлянъ — ето вѣкъ Милтіада и Ѳемистокла, *вѣкъ могущества Грековъ*, и b) епоху, отдѣляющую Исторію *Грековъ и Римлянъ* отъ Исторіи Европейскихъ народовъ — *ето паденіе Западной Римской Имперіи*.

Скажемъ нѣсколько словъ касательно реформаціи, которую Астъ въ общемъ раздѣленіи Исторіи полагаетъ предѣломъ третьяго періода и началомъ четвертаго (*). При всемъ уваженіи къ достоинствамъ Автора, нельзя однако же оставить безъ замѣчанія столь несправедливой мысли, отъ которой въ послѣдствіи едва ли онъ и самъ небылъ готовъ отказаться; ибо дальнѣйшее изложеніе третьяго періода совершенно несообразно съ оною (**). Неоспоримо, что епоха

(*) См. Entwurf der Universalgeschichte, von D. F. Ast. Landshut, 1810. S. 21. *Соч.*

(**) См. тамъ же стр. 268. и 477. *Соч.*

реформаціи весьма много содѣйствовала измѣненію господствовавшаго духа въ Европѣ, что она поколебала въ основаніи своемъ всю систему тогдашняго образованія, и потому должна полагаема быть въ число событій, имѣвшихъ великое вліяніе въ ходъ Исторіи человѣчества: но и всякое событіе, болѣе или менѣе, имѣетъ подобное вліяніе; дѣло идетъ о томъ, можетъ ли епоха сія быть причислена къ первымъ двумъ, не есть ли она, такъ сказать, епоха подчиненная, епоха втораго порядка, раздѣляющая періоды, опредѣленные уже первыми. Прибѣгая въ етомъ случаѣ къ самому Автору, въ подтвержденіе сего мнѣнія припомнимъ только собственное его раздѣленіе послѣдняго періода, гдѣ онъ все пространство времени отъ самой реформаціи до новѣйшихъ временъ опредѣляетъ одною чертою — совершеннымъ развитіемъ духа Европейскаго образованія (die Herrschaft des Europäismus). И въ самомъ дѣлѣ, если со времени реформаціи въ высшей степени выражается въ Исторіи человѣчества етотъ перевѣсъ Европейскаго образованія и политики; то какимъ же образомъ предполагать здѣсь начало особаго періода, когда черта сія, въ противоположность образованію восточному и образованію Грековъ и Римлянъ (какъ народовъ,

соединяющихъ между собою поколѣнія, вышедшія на ѳеатрѣ міра въ совершенно противоположныхъ концахъ вселенной), должна составлять всю сущность третьяго періода. И такъ очевидно, что и послѣдніе три вѣка новѣйшей Исторіи не могутъ быть началомъ новаго періода, а необходимо должны относиться къ предшествовавшему.

Еще одно замѣчаніе. — Фихте назначаетъ пять періодовъ образованія человѣческаго и слѣдовательно самой Исторіи (*); мы неимѣетъ нужды доказывать, что раздѣленіе его ни сколько не противорѣчитъ здѣсь предлагаемому; ибо Исторія для насъ — рубежъ, за который мы ни въ какомъ случаѣ переступать не должны.

И такъ обратимся теперь къ самому раздѣленію Исторіи. Считая въ полной мѣрѣ достаточными приведенныя здѣсь доказательства въ подтвержденіе сего раздѣленія, намъ остается разсмотрѣть теперь сущность каждаго изъ трехъ періодовъ и потомъ взаимную связь ихъ, на которой основывается вся система Исторіи.

(*) Въ Grundzügen des jetzigen Zeitalters; объ етомъ есть нѣчто у Штуцмана. *Соч.*

Въ слѣдствіе умозрѣнія мы имѣетъ уже положеніе, что *Лѣтописи планеты, нами обитаемой, какъ изложеніе всѣхъ измѣненій ея въ теченіе различныхъ періодовъ времени, точно въ такомъ же находятся отношеніи къ повѣствованію жизни человѣческой въ особенности, какое допускается между природою вообще и ея микрокосмомъ* (*); а въ слѣдствіе наблюденія событій мы получили три періода, въ которыхъ заключается вся Исторія до нашихъ временъ. И такъ очевидно, что намъ должно приступить къ сравненію каждаго изъ сихъ періодовъ съ періодами особенной (индивидуальной) жизни человѣка. Сравненіе сіе ведетъ насъ къ заключенію, что *первый періодъ Исторіи*, оканчивающійся по нашему раздѣленію упадкомъ могущества Персидской Монархіи, по характеру своему, какъ цѣлостному выраженію духа, разлитаго въ многоразличныхъ формахъ дѣятельности тогдашняго человѣчества, соотвѣтствуетъ и первому періоду человѣческой жизни, въ особенности *періоду младенчества; вторый періодъ* до паденія Западной Римской Имперіи — *юношескому*

(*) Смот. Вѣст. Евр. 1827 года No 4 на стр. 253.

возрасту человѣка, какъ второму періоду его жизни; наконецъ *третій періодъ*, объемлющій все пространство времени отъ паденія Западной Римской Имперіи до послѣдняго столѣтія — *возрасту мужества*, какъ третьему періоду жизни человѣка. Посему, чтобъ вывести систему Исторіи (*) и тѣмъ доказать, что и сія отрасль познанія образуетъ собою также, подобно прочимъ, отдѣльную науку, и потому, какъ часть Философіи, должна быть предметомъ дѣятельности высшей способности души — ума (der Vernunft), а не относиться къ сферѣ простаго смысла, чтобъ доказать это, мы должны оправдать наблюденіемъ самыхъ событій предлагаемую здѣсь параллель Исторіи цѣлаго міра съ частною жизнію человѣка.

И такъ приступимъ сперва къ первому періоду и постараемся разсмотрѣть его съ трехъ выше нами предложенныхъ сторонъ (**): со стороны умственнаго образованія человѣка, со стороны нравственности и по-

(*) Да простятъ намъ это выраженіе, къ которому, можетъ быть, мы будемъ имѣть нужду и еще прибѣгнуть. *Соч.*

(**) Вѣст. Европы No 4, стр. 256.

литическаго бытія его и наконецъ со стороны чувственныхъ его наклонностей (*).

Но что такое младенчество? Если въ общемъ смыслѣ это есть начало развитія живощнаго организма; то въ семъ періодѣ человѣкъ, вызванный изъ лона вѣчной тишины необходимо долженъ носить на себѣ и первоначальный признакъ своего происхожденія — высочайшую степень соединенія своего духовнаго и вещественнаго начала. Онъ конечно уже здѣсь все, чѣмъ быть долженъ, не будучи еще ничѣмъ въ дѣйствительности; нельзя видѣть въ немъ никакого стремленія, ибо онъ неимѣетъ еще собственной самостоятельности, но нельзя и отрицать онаго, ибо иначе онъ несуществовалъ. Какъ дитя Природы, онъ живетъ въ ея объятіяхъ, не отличая руки, его питающей, отъ себя самого: всѣ предметы вкругъ его столь же близки къ нему, какъ и онъ самъ; ибо, необнаруживая своего частнаго духовнаго бытія, онъ живетъ непосредственно еще въ Приро-

(*) Die sinnliche Vernunft. Кажется, выраженіе сіе лучше, нежели какое-либо другое, изъясняетъ то начало дѣятельности человѣческой души, которое, будучи духовнымъ, неосновывается однакоже на умозрѣніи и заимствуетъ нѣчто отъ чувствъ; я разумѣю изящное. *Соч.*

дѣ. Изъ сего очевиднымъ образомъ слѣдуетъ, почему возрастъ младенчества есть возрастъ невинности. Пороки суть слѣдствія страстей, силою своею потемняющихъ разумъ; здѣсь съ отрицаніемъ сомостоятельности отрицаются и страсти, отрицается и разумъ. Какъ членъ только общаго организма Природы, несоставляя собою цѣлаго особеннаго, младенецъ управляется одними предписаніями первой — инстинктомъ. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ удаляется отъ начальной, высшей точки своего младенчества — отъ точки вступленія во временную, земную жизнь свою, по мѣрѣ того онъ болѣе и болѣе измѣняется; но созерцаніе всегда составляетъ какъ бы существенную дѣятельность души его, ибо наружность предметовъ, поражая чувства, замѣняетъ ему познаніе. Далекій отъ всякаго синтеза признаковъ, онъ видитъ и самые предметы въ отдѣльности, такъ какъ они на него дѣйствуютъ. Посему-то, не имѣя въ самомъ себѣ еще внутренняго единства, водворяемаго развитіемъ началъ духовныхъ, онъ во всемъ ограничивается сферою одного только разнообразія; нравится ему то, что̀ сильнѣе поражаетъ чувства. Таковымъ является человѣкъ со стороны духовнаго бытія въ началѣ жизни сво-

ей: посмотримъ, чѣмъ представляется намъ самый родъ человѣческой въ первомъ періодѣ своего существованія.

Излишне было бы отыскивать колыбель перваго человѣка, довольно, что застаетъ его Исторія въ странахъ Востока. Здѣсь, на плодоносныхъ долинахъ Персіи и по равнинамъ Индіи люди находили отверстыми для себя всѣ блага матери своей Природы: теплый и здоровый климатъ избавлялъ ихъ отъ всякаго попеченія на счетъ одежды. Былъ ли человѣкъ въ первые дни свои, подобно звѣролову Каину, жителемъ лѣсовъ, — безчисленное множество различнаго рода животныхъ, которыми и нынѣ особенно отличаются южныя страны, удовлетворяли всѣмъ физическимъ его нуждамъ; былъ ли онъ, какъ благословенный Авель, кроткимъ пастыремъ, — обширныя равнины, изобилующія самыми здоровыми травами, ручались ему за тучность стадъ его. Но если съ одной стороны Природа стремилась обезпечить существованіе еще юнаго человѣка; то съ другой и онъ самъ ограничивался только одними необходимыми потребностями. И нынѣ Индія удивляетъ насъ невинностію и простотою нравовъ; страшась, какъ ужаснѣйшаго престу-

пленія, пролить кровь животнаго, миролюбивый Индѣецъ употребляетъ въ пищу одни плоды и молоко.

Перейдемъ къ бытію нравственному. Если дѣйствительно въ началѣ человѣкъ былъ со стороны жизни физической подъ непосредственнымъ вліяніемъ Природы; то недолженъ ли онъ таковымъ же представляться намъ и со стороны жизни духовной? Безъ сомнѣнія отрицаніе не можетъ имѣть здѣсь мѣста. И такъ раждается другой вопросъ: какимъ образомъ обнаруживается сіе непосредственное вліяніе Природы въ дѣйствующемъ духѣ человѣка? Душа, едва только начинающая получать свою внутреннюю основу, такъ сказать, разливается въ безконечномъ разнообразіи предметовъ, и не находя еще общаго единства, постигаетъ ихъ какъ только частныя явленія, хотя съ другой стороны по своему высокому происхожденію и не можетъ нечувствовать онаго; словомъ, она ограничивается тогда еще только сферою простаго смысла. Таковое представленіе предметовъ въ высшей степени ихъ многоразличія конечно должно было простираться и на весь кругъ дѣятельности человѣка; ибо когда онъ не понималъ сего единства внѣшнихъ предме-

товъ; то безъ сомнѣнія немогъ имѣть и стремленія обнаруживать оное въ своихъ дѣйствіяхъ. И сіе-то многоразличіе мы будемъ отыскивать въ бытіи человѣка во всѣхъ трехъ, выше нами предложенныхъ отношеніяхъ, какъ главную форму его младенчествующей жизни.

И такъ первый періодъ Исторіи человѣчества есть вѣкъ разумнаго созерцанія (der Vernunftkontemplation); въ отношеніи къ вещественному и духовному бытію человѣка — вѣкъ совершенной невинности; въ отношеніи къ знанію — вѣкъ разумнаго инстинкта (des Vernunftinstinktes). Здѣсь является умъ дѣйствующимъ, не такъ какъ произвольное, самопознающее, въ самомъ себѣ основывающееся начало, но просто какъ только зависимая сила Природы: отсюда нетерпимость всякой перемѣны, которою и понынѣ отличаются народы восточнаго происхожденія. Не простираясь въ умозрѣніи далѣе того, чѣмъ представляются имъ предметы въ особенности, они хотятъ быть тѣмъ, что̀ они есть дѣйствительно; — и изъ сего-то начала можетъ объясниться только упорное отверже-

(*) Philosophie der Geschichte der Menschheit, von J. J. Stutzmann. S. 52.

ніе Китайцевъ всякой новости и странная мысль Индѣйца, который предпочитаетъ сонъ бдѣнію и смерть называетъ высочайшимъ благомъ; желать себѣ покоя и ненарушать его между другими, есть правило, предписываемое древними книгами Браминовъ. Преступникъ тотъ, кто возжигаетъ войну, и еще болѣе преступникъ — кто, сдѣлавшись побѣдителемъ, угнетаетъ побѣжденнаго: первая добродѣтель есть — угожденіе всѣмъ (*). *Поступайте такъ, чтобы вы были приятны огню, приятны водѣ, приятны землѣ, приятны звѣрямъ, приятны древамъ, приятны чистому мужу, приятны чистой женѣ* — такъ говоритъ Зороастръ въ своихъ законоположеніяхъ (Vendidad Sadé, Jarg. 5, pag. 361). Чистота нравовъ, имъ предписываемая, простирается до такой степени, что онъ назначаетъ наказаніе даже для самыхъ животныхъ, равно какъ и за причиненіе имъ зла. Съ другой стороны вторый памятникъ сего первоначальнаго образованія, Имперія Китайская, обязанная единственно своему характеру, единственно своему стремленію оставаться тѣмъ, чѣмъ она была прежде, сія, смѣю сказать, колоссальная мумія

(*) Смот. Zoroastre, Confucius et Mahómet par. Meir. *Pastoret*. *Соч.*

слишкомъ уже далекихъ отъ насъ вѣковъ, и нынѣ удивляетъ совершеннымъ уваженіемъ всѣхъ предписаній нравственности; знаменитая книга закона, Шу-кингъ, исполнена оными. Помышлять о просвѣщеніи духа и чистотѣ нравовъ, любить себѣ подобныхъ, научать ихъ любить добродѣтель и стремиться единственно къ высочайшему благу — таковы правила Конфуція, предлагаемыя имъ въ началѣ Та-гіо, перваго изъ его сочиненій; между тѣмъ другое, неменѣе уважаемое Китайцами (*), совѣтуетъ неискать рѣдкостей и вещей драгоцѣнныхъ, доставляемыхъ чужеземцами, и недопускать никого, кромѣ мудрыхъ. Mites quidem, говоритъ Плиній (к. 6. § 20), sed et ipsis feris persimiles, cum commercia spectant. Далѣе мы должны обратить вниманіе на неограниченное уваженіе земледѣлія у народовъ восточныхъ и на совершенную подчиненность между членами семействъ, сопровождаемую безусловною покорностію и почтеніемъ къ старшимъ, какъ два главные предмета въ частной ихъ жизни. И въ самомъ дѣлѣ, находясь болѣе всего близкими къ состоянію естественному, что̀ могутъ они имѣть въ виду, какъ только не обезпеченіе

(*) Шу-кингъ, которую уже мы замѣтили. *Соч.*

себя вразсужденіи необходимыхъ нуждъ, и притомъ средствами, предлагаемыми самою Природою? Въ климатѣ благорастворенномъ человѣкъ имѣлъ только нужду защищать себя отъ лютости дикихъ звѣрей — и сдѣлался отважнымъ ловцемъ ихъ; умѣлъ усмирить животныхъ — и сдѣлался пастыремъ. Но открывъ средства самому воздѣлывать землю, и щедро награждаемый за труды свои рукою Природы, могъ ли онъ генія земледѣлія не возвести на степень Божества? — И посему-то Цари несчитали, и нынѣ въ странахъ Востока не считаютъ, за стыдъ, торжественно слѣдуя за плугомъ, предшествовать сонму миролюбивыхъ земледѣльцевъ; посему-то въ Египтѣ всѣ распоряженія правителей имѣли главною цѣлію воздѣлываніе полей; посему-то наконецъ въ самомъ даже Римѣ, хотя уже столько удаленномъ отъ первобытнаго образованія, въ первыя времена еще болѣе внутренняго его существованія, было столько преній въ Сенатѣ о раздѣлѣ полей. Мѵѳъ объ Ираклѣ, перешедшій вмѣстѣ съ другими изъ странъ Востока, но только украшенный цвѣтущимъ воображеніемъ Грековъ, въ полной мѣрѣ изображаетъ сію начальную жизнь человѣка, слѣдующаго въ дѣйствіяхъ своихъ порядку годичныхъ перемѣнъ — и сей идеалъ начальной

жизни былъ первымъ героемъ древности. Чтоже касается до священнаго порядка въ отношеніи младшихъ къ старшимъ въ семействѣ, до сего уваженія семейственной жизни; то гдѣ же болѣе, какъ не между сими народами должно искать ихъ? и не есть ли ето также новый признакъ еще невиннаго бытія, гдѣ преимущества, даруемыя Природою, остаются неприкосновенными для дерзкихъ помысловъ внутренняго егоизма человѣка, гдѣ въ высочайшей степени уважаются узы, налагаемыя ею, а не корыстолюбивыми расчетами ума, для взаимнаго соединенія людей? Уваженіе власти родительской составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ законовъ Конфуція, который полагаетъ въ ономъ начало всѣхъ добродѣтелей и требуетъ, чтобы Цари были отцами своихъ подданныхъ, а отцы самовластными царями своихъ семействъ. Замѣтимъ между прочимъ, что въ его законопостановленіяхъ не означено даже наказанія за нѣкоторыя преступленія, которыя по чистотѣ нравственности почитаются совершенно невозможными. Умѣренность и спокойствіе, нѣжное чувство и глубокая тишина души, говоритъ Штуцманъ, характеризируютъ занятія и удовольствія, нравоученіе и миѳологію жителей береговъ Инда и Ганга. —

Кажется, здѣсь недолжно оставить безъ особеннаго вниманія и того, что единственно изъ сего только характера народовъ восточныхъ можно объяснить и самое презрѣніе ихъ къ жизни безбрачной и странную мысль, что дѣти служатъ родителямъ степенями, ведущими ихъ на небо, и что добрыя дѣла послѣднихъ суть такія заслуги, которыя дѣлаютъ для родителей возможнымъ переходъ чрезъ Уиневадъ (*) (мостъ, который души непремѣнно должны перейти, чтобы достигнуть царствія небеснаго). По словамъ Геродота, (кн. I, § 136) Цари Персидскіе каждый годъ награждали тѣхъ изъ подданныхъ, которые имѣли большее число дѣтей.

Но человѣкъ не могъ оставаться въ етомъ естественномъ состояніи, которое — замѣтимъ между прочимъ — весьма ложно понимаемо было многими изъ ученыхъ (**) за нѣкоторый хаосъ, неподлежащій ни какимъ законамъ; состояніе сіе было — златой вѣкъ, о которомъ преданіе осталось между всѣми народами, но отъ котораго человѣкъ

(*) Такъ говоритъ Анкетиль. *Соч.*

(**) Каковы Вольтеръ, Дидеротъ, Монтескье, Итальянецъ Бекаріа, послѣдователи Вольфовой школы и множество другихъ. *Соч.*

съ первымъ днемъ своей жизни начиналъ уже удаляться. И такъ — образовались новыя отношенія между людьми, гдѣ дѣятельность духа должна была также отражаться. Чѣмъ же опредѣлились сіи новыя формы уже политическаго бытія? Первое, что представляется намъ въ семъ случаѣ — ето переходъ отъ сего, смѣю сказать, ѳеократическаго правленія ко всеобщему деспотизму — переходъ, достойный замѣчанія, ибо также имѣетъ свое начало.

Когда человѣкъ началъ осматривать себя и окружающіе его предметы; когда, отдѣляясь отъ Природы, началъ уже постигать, что онъ сверхъ всѣхъ общихъ къ ней отношеній имѣетъ еще особенную силу внутри себя: то безъ сомнѣнія онъ немогъ нестремиться и къ тому, чтобы образовать собою отдѣльную сферу бытія, и непостижимыя для него внушенія, которымъ онъ однакоже невольно повиновался, какъ гласу Божества, въ семъ случаѣ начали доходить къ нему чрезъ уста мудрѣйшихъ правителей. Здѣсь-то должно искать причины, почему всѣ первоначальные законы сихъ народовъ носятъ на себѣ неизгладимую черту религіи; почему каждый изъ нихъ думалъ

о себѣ, что вышелъ изъ состоянія варварства подъ непосредственнымъ вліяніемъ боговъ или боговъ-человѣковъ; и почему наконецъ правитель былъ всегда почти служителемъ божества и соединялъ въ себѣ всѣ власти надъ подданнымъ. Да и какъ же иначе могло сохраниться сіе единство такого множества волей, уже отступившихъ отъ первоначальнаго своего бытія, какъ не внѣшнею, останавливающею ихъ преградою? И такъ, только неограниченный деспотизмъ могъ быть единственною формою, сообразною духу тогдашняго времени. Посему-то весьма немногія изъ государствъ представляются въ Исторіи сихъ временъ несоотвѣтствующими оной, и если которое нибудь изъ сихъ послѣднихъ заслуживаетъ преимущественно вниманіе, то безъ сомнѣнія это Финикія; но Финикія была государствомъ торговымъ, государствомъ выше своего времени, и вмѣстѣ съ Малою Азіею — была колыбелію втораго періода; она была исключеніе, необходимое для порядка вещей.

При таковомъ направленіи общаго духа очевидно, что и все устройство государственное было только первымъ опытомъ привести къ организму общественную жизнь че-

ловѣка, и что самыя отношенія государствъ между собою должны были основываться единственно на мгновенной волѣ правителей, какъ намѣстниковъ божества: — отсюда разрушительныя войны, отсюда огромныя полчища, быстрое возвышеніе и паденіе государствъ, которыми отличается начальная Исторія человѣчества. Системы политическія были тогда невозможны, и честолюбіе Сезостриса или Семирамиды, вооружая однимъ мановеніемъ цѣлые милліоны, какъ всепожирающее пламя, вдругъ разливалось во всѣ концы тогдашняго міра. Словомъ, всѣ государства тѣхъ временъ были только огромныя пирамиды Египта, не соединенныя между собою никакими отношеніями, и каждое изъ нихъ или, оставаясь неприкосновеннымъ, передавалось геніемъ временъ изъ вѣка въ вѣкъ какъ остановленное бытіе, или — игра судьбы — дѣлалось жертвою безпокойной воли сосѣдняго деспота. Таковымъ и въ семъ отношеніи представляется намъ Китай, чрезъ многія тысячи лѣтъ продолжающій однообразное свое существованіе. При всей своей огромности, состоя изъ провинцій разноплеменныхъ, онъ управляется однимъ деспотомъ и незнаетъ никакихъ измѣненій. То же самое должно замѣтить и о Японіи. Вообще, сколь много

дѣйствовало въ Исторіи первыхъ народовъ сіе стремленіе къ совершенной разрозненности въ бытіи, весьма ясно выражается даже въ самыхъ основныхъ постановленіяхъ тѣхъ государствъ — замѣчу только о законѣ Египтянъ касательно родовыхъ ремеслъ и о различіи кастъ, столь уважаемомъ между ними.

(Будетъ продолженіе.)

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Четыре Брамина.

(Индѣйская повѣсть.)

Въ нѣкоторой области было издано объявленіе о назначенномъ днѣ для одного изъ тѣхъ великихъ празднествъ, на которыхъ угощались Брамины и получали щедрую милостыню. Четыре особы упомянутаго сана, каждая изъ особаго села, заблагоразсудили отправиться къ мѣсту пированія. Невзначай сошлись они дорогою; узнавши же, что всѣ идутъ за однимъ дѣломъ, положили между собою неразлучнымъ обществомъ совершить столь пріятное путешествіе.

Идучи дорогою, они встрѣтили нѣкоего воина, которой, приближась къ Браминамъ, воздалъ имъ подобающую сану ихъ почесть; сложивъ руки, поднесъ къ челу своему и сказалъ: „поклонъ вашей пречестности!" Путешественники отвѣтствовали ему обычнымъ благословеніемъ.

Скоро послѣ того они свернули съ дороги къ близкому источнику и сѣли отдохнуть въ тѣни прохладной подъ деревомъ. Не имѣя другой матеріи къ разговору, одному изъ нихъ вздумалось прервать молчаніе такимъ образомъ: „Надобно признаться, что воинъ, повстрѣтившійся съ нами, долженъ быть человѣкъ честной и умной. Вѣдь вы замѣтили, съ какимъ предпочтеніемъ и какъ умильно обратился онъ ко мнѣ съ привѣтствіемъ?" Другой, рядомъ сидѣвшій Браминъ сказалъ ему: — Извините, почтеннѣйшій! привѣтствіе воина относилось не къ вамъ, а ко мнѣ. — „Ошибаетесь оба!" прибавилъ третій: „сказать правду, воинъ поклонился мнѣ, ибо ко мнѣ повелъ онъ глаза, говоря: поклонъ вашей пречестности." — Ничего не бывало! — возразилъ четвертый: — еслибъ онъ привѣтствовалъ не меня; за что сказалъ бы я ему: да будетъ благословеніе надъ тобою! —

Началась распря сильная; уже доходило и до кулачной расправы, какъ вдругъ одинъ, которой былъ нѣсколько посмышленѣе прочихъ, предложилъ такой совѣтъ своимъ товарищамъ:

„На что намъ сердиться по пустому? Будемъ ли браниться между собою, или, какъ величайшіе глупцы, пересчитаемъ ребра другъ другу — какую получимъ пользу отъ ссоры нашей? Кто лучше можетъ разсудить насъ, какъ не виновникъ нашей распри? Воинъ, повстрѣчавшійся съ нами и одного изъ насъ почтившій своимъ привѣтствіемъ, еще не могъ уйти слишкомъ далеко отсюда. Вотъ мое мнѣніе: побѣжимъ за нимъ, догонимъ его и увѣримся изъ его устъ собственныхъ, кого именно изъ четверицы нашей онъ привѣтствовалъ."

Совѣтъ показался обществу очень благоразумнымъ, и всѣ охотно согласились ему послѣдовать. Пустившись въ обратной путь въ слѣдъ за воиномъ, они едва настигли его, безъ души усталые, дальше чѣмъ за часъ пути отъ того мѣста, гдѣ съ нимъ повстрѣчались. Лишь только завидѣвъ его, кричатъ издалека, чтобъ остановился; потомъ приближаются, разсказываютъ о причинѣ распри, и просятъ воина, чтобы онъ помирилъ ихъ рѣшитель-

нымъ своимъ отвѣтомъ, кому именно принадлежитъ его почтительное привѣтствіе.

Воинъ тотчасъ узналъ изъ ихъ прозьбы, съ какими людьми имѣетъ дѣло; вздумавъ пошутить надъ ними, онъ отвѣчалъ со всею важностію: „Привѣтствіе мое относилось къ тому изъ васъ, кто всѣхъ глупѣе.“ Оборотился къ нимъ спиной и пошелъ далѣе своей дорогою. Брамины, приведенные въ замѣшательство приговоромъ посредника, также возвратились въ свой путь, и нѣсколько времени хранили молчаніе.

Между тѣмъ привѣтствіе воина у каждаго крѣпко лежало на сердцѣ, и они снова начали вздорить еще сильнѣе прежняго. Каждой основывалъ право свое на словахъ воина, и каждому изъ четырехъ мечталось, что онъ несравненно глупѣе своихъ товарищей. Ревностно доказывая превосходство своей глупости, они точно принялись бы тузить другъ друга, еслибъ тотъ же Браминъ не надоумился еще однимъ совѣтомъ послужить своимъ спутникамъ.

„Мнѣ кажется,“ такъ началъ онъ „что я васъ глупѣе; напротивъ, каждой изъ васъ о самомъ себѣ думаетъ тоже. Теперь скажите;

хотя бы мы охрипли кричавши, хотя бы мы подрались между собою, докажем ли тѣмъ, кто изъ насъ глупѣе? Мое мнѣніе таково, что намъ должно прекратить ссору. Мы теперь недалеко отъ Дармапура; пойдемъ туда на судъ и попросимъ старѣйшинъ, чтобы насъ помирили.«

Совѣтъ признанъ за самой благоразумный, и всѣ пристали къ нему единодушно.

Странники наши прибыли туда въ столь благопріятное для себя время, что лучше желать не льзя было. Старѣйшины Дармапурскіе, Брамины и прочіе были собраны въ судилищѣ; и какъ въ тотъ день непредлежало имъ никакого важнаго дѣла, то немедленно впущенные путешественники, по данному приказу, тотчасъ должны были объявить о своей надобности. Одинъ изъ четверицы выходитъ на средину и разсказываетъ по порядку, что произошло между ними вразсужденіи какъ привѣтствія отъ воина, такъ и даннаго имъ отвѣта.

Судьи, слушая разсказъ, помирали со смѣху. Предсѣдатель, большой весельчакъ, несказанно обрадовался хорошему случаю позабавиться. Онъ пріосамился, какъ должно;

велѣлъ всѣмъ хранить молчаніе, и сказалъ просителямъ: „Поелику вы, пришельцы изъ далекой стороны, никому незнакомы въ здѣшнемъ мѣстѣ; то и нѣтъ возможности рѣшить дѣло ваше, основываясь на показаніяхъ свидѣтелей. Думаю, что сами вы можете вразумить судей своихъ слѣдующимъ образомъ: пускай каждой изъ васъ въ свою очередь разскажетъ объ одномъ приключеніи изъ собственной жизни — разумѣется, о такомъ приключеніи, которое служило бы очевиднѣйшимъ доводомъ его глупости. Выслушавъ васъ, мы будемъ въ состояніи рѣшить, кому изъ четверицы принадлежитъ первенство, и слѣдственно къ кому относилось сдѣланное воиномъ привѣтствіе.“ Просители изъявили свое согласіе.

Тотъ изъ Браминовъ, которому велѣно было говорить, началъ слѣдующимъ образомъ:

Одежда моя, какъ видите, не самая лучшая; такую изорванную и вытертую началъ я носить не вчера и не сегодня. Вотъ что было первою тому причиною: одинъ богатый торговецъ изъ нашего околотка, обыкновенно щедрою милостынею надѣляющій Браминовъ, передъ симъ за нѣсколько лѣтъ подарилъ мнѣ два куска шелковой матеріи —

самой лучшей изъ всѣхъ, какія когда-либо видены были въ нашемъ селеніи — съ тѣмъ чтобъ я сдѣлалъ себѣ изъ нихъ платье. Я показывалъ ихъ всѣмъ друзьямъ своимъ, которые не могли налюбоваться на нихъ, не могли довольно нахвалиться ими. »Такое счастливое приобрѣтеніе« говорили они »есть конечно награда за добрыя дѣла, которыя учинилъ ты въ претекшее время своей жизни.« Вотъ я прежде всего вымылъ матерію обычнымъ порядкомъ, дабы очистить куски отъ скверны, прильнувшей къ нимъ отъ рукъ ткача и торговца. Надлежало высушить матерію: я привязалъ куски свои къ деревьямъ, концами къ сучьямъ. Вдругъ какая-то собака пробѣжала подъ ними; я то замѣтилъ, но замѣтилъ издали, и немогъ знать подлинно, не задѣло ли животное за куски моей матеріи, и вновь не заразило ли ихъ нечистотою. Спрашиваю своихъ дѣтей; они говорятъ, что ничего невидали. Какимъ образомъ избавиться отъ мучительнаго сомнѣнія? Становлюсь на четвереньки, беру надлежащія мѣры, чтобы спина моя была не выше собачей, проползываю подъ кусками матеріи, и спрашиваю дѣтей: »не задѣлъ ли?« Они говорятъ, что нѣтъ, и я, услышавъ отрадный голосъ ихъ, вспрыгнулъ отъ радости. Вдругъ вспало

мнѣ на умъ, что хвостъ у собаки былъ загнутъ къ верху, и что слѣдственно концами шерсти онъ могъ достать до моей матеріи. Чтобъ увѣриться въ истинѣ, привязываю къ спинѣ своей серпъ, концемъ къ верху, и возобновляю пробу. Дѣти, которымъ велѣлъ я смотрѣть прилѣжно, сказали мнѣ, что серпомъ немного задѣло матеріи. Не оставалось больше никакого сомнѣнія, что и собачій хвостъ къ ней прикоснулся: я взбѣсился отъ досады, потерялъ разсудокъ и оба куска изорвалъ въ мѣлкіе лоскуточки.

Слухъ о приключеніи со мною немедленно разнесся по околотку; всѣ стали считать меня за глупца пошлаго. Одинъ говорилъ: „Да хотя бы песъ прикосновеніемъ своимъ и осквернилъ твою матерію, развѣ не могъ ты въ другой разъ ее вымыть?“ Другой толковалъ: „Не лучше ли было куски отдать бѣднымъ поденьщикамъ, нежели истреблять ихъ? Послѣ такого дурачества, кто захочетъ опять надѣлить тебя одеждою?“ И точно такъ! Теперь кого ни сталъ бы я просить, чтобы дали мнѣ средства одѣться приличнымъ образомъ, всякой скажетъ: А! тебѣ знать, надобна матерія, чтобъ изорвать ее въ лоскутки?“

Когда кончилъ Браминъ, одинъ изъ судей примолвилъ: „Стало быть, ваша милость мастеръ ходитъ на четвереинькахъ?“ — Не безъ того-то, — отвѣчалъ Браминъ — какъ сами усмотрѣть изволите. И въ тужъ минуту показалъ собранію опытъ своего искусства. Всѣ присутствующіе надрывались со смѣху.

„Довольно!“ сказалъ предсѣдатель: „слышанное нами достаточно свидѣтельствуетъ въ пользу вашу; но прежде нежели приступимъ къ сужденію, мы должны выслушать доказательства товарищей вашихъ объ ихъ глупости.“ Началъ другой Браминъ:

Однажды сдѣлалось извѣстнымъ, что въ сосѣдствѣ нашемъ будетъ учреждено пиршество. Желая показаться тамъ въ приличномъ видѣ, я позвалъ цырюльника, съ тѣмъ чтобъ онъ обрилъ мнѣ голову и бороду. Онъ кончилъ свое дѣло, а я велѣлъ женѣ дать ему за трудъ одну пару; ошибкою дано ему двѣ. Тщетно я домогался у цырюльника, чтобъ возвратилъ мнѣ пару; упрямецъ никакъ не хотѣлъ согласиться. Завязался между нами споръ; дошло уже и до ругательствъ. Вотъ цырюльникъ, немного помедливъ, говоритъ: „Есть одно средство намъ помириться: за

пару, которую требуете обратно; если вамъ угодно, я готовъ обрить голову супруги вашей." Подумавши, я отвѣчалъ ему: „Ты говоришь дѣло; мы помиримся, и никому изъ насъ небудетъ обидно."

Слыша разговоръ нашъ и предвидя могущее случиться, жена моя хотѣла уйти; но я остановилъ ее, силою посадилъ на землю, а цырюльникъ съ бритвою въ рукѣ принялся работать — и волосовъ на головѣ сожительницы моей какъ небывало! Она вопила, ругала и проклинала насъ обоихъ; но я пускалъ мимо ушей крикъ ея: мнѣ приятнѣе было видѣть ее съ обритой головой, нежели бездѣльнику брадобрѣю подарить пару, имъ незаслуженную. Жена, лишась прекрасной косы своей, мучимая стыдомъ, сокрылась отъ взоровъ человѣческихъ. Цырюльникъ же, на улицѣ повстрѣчавшись съ матерью моею, разсказалъ ей все случившееся. Она поспѣшила увѣриться въ истинѣ собственными глазами; увидѣла безволосую голову снохи своей, онѣмѣла на нѣсколько минутъ и какъ бы остолбенѣла отъ изумленія. Потомъ вдругъ воспламенилась гнѣвомъ; осыпала меня укоризнами и ругательствами, на которыя не отвѣтствовалъ я ниже однимъ сло-

вомъ; ибо уже и самъ началъ сознавать вину свою.

Висѣльникъ брадобрѣй, чтобы отмстить мнѣ, разсказывалъ всѣмъ о происшествіи въ моемъ домѣ, и я сдѣлался посмѣшищемъ во всемъ околоткѣ. Злоязычники, увеличивая распускаемыя имъ вѣсти, прибавляли, будто я самъ обрилъ женѣ голову, заставши ее въ постыдномъ дѣлѣ. Сосѣди толпами собрались передъ моимъ домомъ; они привели и осла съ собою, чтобы жену мою посадить на животину, лицемъ къ хвосту, и такимъ образомъ возить ее по всѣмъ улицамъ; ибо такъ въ нашей сторонѣ караютъ женщину, обличенную въ постыдномъ дѣлѣ.

Слухъ объ етомъ приключеніи скоро достигъ до ушей отца и матери жены моей. Тесть и теща прибѣжали ко мнѣ, и можете себѣ представить, какую суматоху подняли они, увидѣвъ дочь свою въ такомъ нарядѣ. Тогда же рѣшились взять ее въ домъ свой; но должны были путешествовать въ ночную пору, чтобы скрыть отъ людей свое поношеніе. Четыре года они держали при себѣ дочь, отвергая всѣ мои привѣтствія, всѣ прозьбы о примиреніи. Насилу могъ я выручить свою сожительницу.

Проклятая глупость моя была виною, что я упустилъ такое пиршество, къ которому готовилъ себя трехдневнымъ пощеніемъ. И могъ ли я не раскаеваться въ своемъ поступкѣ? Я узналъ, что пиръ былъ необыкновенный и что всѣ гости имѣли право взять съ собою столько мягкаго сыра, сколько силы дозволяли. Послѣ того, спустя двѣ недѣли, вышло приглашеніе къ новому пиршеству, и я былъ такъ глупъ, что отправился туда же, между тѣмъ какъ восемь сотъ Браминовъ, тамъ собравшихся, уже дожидались меня съ своими ѣдкими насмѣшками. Они мигомъ подхватили меня, говоря въ одинъ голосъ, что не выпустятъ изъ рукъ, пока не назову имъ беззаконника, жену мою соблазнившаго, которой долженъ быть казненъ въ силу существующихъ о нашемъ санѣ постановленій. Я клялся передъ ними, что всему виною самъ, и сказывалъ, что̀ было причиною моего поступка. Слушая разсказъ мой, они не могли довольно надивиться странному приключенію, посматривали другъ на друга и говорили: „Гдѣ и когда слыхано, чтобы кто нибудь обрилъ голову замужней женщины, которая не нарушала вѣрности супружеской? Онъ или обманщикъ или глупецъ, какихъ не бывало на свѣ

тѣ!« Надѣюсь, господа почтенные; такъ кончилъ Браминъ свою бесѣду, что вы будете того же мнѣнія, и что глупости моей отдадите должное преимущество передъ тою, о которой вамъ донесъ мой товарищь! —

Собраніе находило, что глупость етаго Брамина дѣйствительно принадлежала къ первому разряду; однакожъ не могло приступить къ рѣшительному заключенію, не выслушавъ двухъ другихъ спутниковъ.

(Окончаніе въ слѣд. книж.)

СМѢСЬ.

Изъ Харькова.

Всерадостнѣйшій день Тезоименитства ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Благочестивѣйшей Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, безъ сомнѣнія служитъ вожделѣннѣйшею епохою обновленія торжества для всѣхъ добрыхъ сыновъ любезнѣйшаго нашего отечества, для всѣхъ тѣхъ, которые съ высокимъ понятіемъ о добродѣтели соединяютъ возвышенное чувство благоговѣнія къ Вѣнценосному

образцу оной, олицетворенному въ священной Особѣ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА; ето такое празднество, котораго кругъ душевнаго ликованія не ограничивается обширными предѣлами счастливаго Русскаго Царства, но расширяется до того недоступнаго рубежа, за которымъ сердца перестаютъ биться сладостнымъ чувствомъ восторга — при трогательныхъ именахъ — *великодушія* и *благотворительности*; ето такой пиръ, на которой Небо созываетъ всѣхъ, носящихъ въ благородной груди пламенные, возвышенные обѣты любви къ человѣчеству.

Но, какъ благость Отца небеснаго, разлитая во всей Природѣ, на каждомъ шагу, возбуждая въ сердцахъ чувство благоговѣнія къ виновнику оной, преимущественно сосредоточиваетъ, такъ сказать, порывы человѣческой благодарности въ храмахъ, посвященныхъ славословію творческихъ Его благодѣяній: такъ благосердіе АВГУСТѢЙШЕЙ Матери человѣчества, повсюду изливаемое, ощущаемое повсюду, потрясая души всѣхъ сладостными движеніями благодарности, разительно сосредоточиваетъ чувство оной въ мирныхъ обителяхъ невинности, благочестія, человѣколюбія и воспитанія, осѣняемыхъ благостію ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Празднованіе въ Харьковскомъ Институтѣ Благородныхъ Дѣвицъ всерадостнѣйшаго торже-

ства Тезоименитства Высокой Покровительницы сего превосходнаго и по истинѣ благодѣтельнаго заведенія удостовѣрило въ етомъ каждаго, воспользовавшагося счастливымъ случаемъ присутствовать при ономъ въ 22 й день минувшаго Іюля мѣсяца.

До сихъ поръ обстоятельства лишали меня возможности побывать въ столицахъ Россіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ лишали утѣшенія видѣть благотворныя заведенія, цвѣтущія надеждою и благоденствіемъ подъ священною сѣнію Августѣйшей Матери-Царицы и столь часто озаряемыя жизнедательнымъ ЕЯ присутствіемъ. До сихъ поръ я не насладился счастіемъ узрѣть Вѣнценоснаго Ангела, окруженнаго толпою счастливыхъ дѣтей, въ ЕГО небесной улыбкѣ обрѣтающихъ желаемый предѣлъ своего блаженства, своихъ безцѣнныхъ надеждъ и обѣтовъ; до сихъ поръ невидѣлъ ЕГО, проливающаго бальзамъ исцѣленія на язвы страждущаго человѣчества, взоромъ воскресительной благости проясняющаго мракъ унынія на поникшемъ челѣ скорби и сѣтованія; не видѣлъ ЕГО, отирающаго слезы беззаступной вдовицы и отверзающаго дверь отраднаго пріюта безотрадному сиротству; не видѣлъ, — и неизъяснимое чувство душевнаго умиленія, испытанное мною въ Харьковскомъ Институтѣ Благородныхъ дѣвицъ, даетъ сердцу моему чувствовать всю не-

оцѣнимость того наслажденія, котораго судьба лишала меня доселѣ. Но я видѣлъ Харьковскій Институтъ во всей торжественной полнотѣ его благочестиваго и скромнаго великолѣпія, — и удовольствіе воспоминанія о немъ хотя нѣсколько вознаграждаетъ меня въ невозможности видѣть другія, подобныя оному заведенія, въ Москвѣ и С. Петербургѣ; говорю: вознаграждаетъ; ибо Геній Несравненной, Великодушной МАРІИ, въ сей торжественный день, казалось, видимо освящалъ присутствіемъ своимъ сіе святилище невинности, на коемъ почіютъ взоръ и сердце благосердой Государыни Императрицы.

По предварительному извѣщенію Господъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, также купечества со стороны ихъ Начальствъ, и со стороны Университета Гг. Университетскихъ, равно и отъ Института Гг. Институтскихъ чиновниковъ, въ 9 часовъ утра въ церкви онаго началось священнодѣйствіе Преосвященнымъ Виталіемъ, Епископомъ Слободско-Украинскимъ и Харьковскимъ, въ присутствіи Е. Пр. Господина Слободско-Украинскаго Гражданскаго Губернатора В. Г. Муратова, Е. Пр. Господина Генералъ-Лейтенанта Сенатора и К. В. И. Брозина и прочихъ Гг. военныхъ, гражданскихъ и ученыхъ чиновниковъ, при многочисленномъ стеченіи народа. Все въ совокупности содѣйствовало къ освященію отрад-

наго празднества благоговѣйнѣйшими чувствованіями: съ одной стороны смиренное благолѣпіе храма, восхитительные звуки божественнаго пѣснопѣнія, трогательное и до глубины сердца проницающее священнодѣйствіе Архіпастыря, всѣми чтимаго, всѣми любимаго, украшеннаго всѣми добродѣтелями, назидающими благо ввѣренной ему паствы; съ другой стороны, подобно юнымъ пальмамъ, въ дому Господнемъ насажденнымъ, стройные, зыблющіеся ряды въ душевномъ умиленіи молящихся дѣтей и при священномъ имени общей ихъ Матери склоняющихъ чела свои до земли въ глубокомъ изліяніи сердецъ, а наипаче — мысль о благодатномъ присутствіи Бога, внемлющаго торжественнымъ обѣтамъ молящейся невинности: все ето довершало трогательную картину благочестія, уносившаго души предстоявшихъ въ небесную обитель Ангельскаго славословія! Но торжественная минута, въ которую Боголюбивый Архіпастырь, изшедъ изъ олтаря и указывая на юный вертоградъ, цвѣтущій подъ благотворною сѣнію ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, произнесъ слова: *и посѣти виноградъ сей*, сія, говорю, не земная минута превосходитъ всякое земное описаніе! Я видѣлъ сердце Архіерея, сіяющее благоговѣніемъ въ очахъ его, подъятыхъ къ небу и низводившихъ росу божественной благодати на младой виноградъ, возлелѣянный щедротами и попеченіемъ Августѣйшей Насадительницы онаго.

По окончаніи Божественной литургіи и торжественнаго молебствія посѣтители были угощаемы отъ Института обильнымъ завтракомъ, и съ вѣрноподданнѣйшимъ радушіемъ пито было здоровье ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и всего Августѣйшаго Дома. Симъ однакожъ не заключилось радостнѣйшее торжество Харьковскаго Института: оное возобновилось въ 6 часовъ вечера, который былъ проведенъ въ удовольствіи, несравненно превосходящемъ забавы другихъ обществъ Е. Пр. Господинъ Слободско-Украинскій Гражданскій Губернаторъ и Е. Пр. Господинъ Генералъ-Лейтенантъ, Сенаторъ и К. В. И. Брозинъ, съ прочими посѣтителями принимали въ увеселеніи воспитанницъ живѣйшее, непритворное участіе. Четыре концерта, разыгранные воспитанницами Института на фортепьянѣ съ рѣдкимъ искусствомъ и очаровательною пріятностію, убѣдили присутствовавшихъ, что и сія часть благороднаго воспитанія доведена здѣсь до совершенства. Не стану распространяться въ описаніи танцовъ, которыми было заключено сіе памятное празднество: оные превзошли все, что̀ до сихъ поръ у насъ въ Украйнѣ почиталось изящнѣйшимъ въ етомъ родѣ. Но верхъ изящества и совершенства оныхъ составляли: милая непринужденность, строгое приличіе, плѣнительная скромность и кротость, — отличительнѣйшія свойства истиннаго образованія, которыхъ

должно отъ души пожелать для многихъ частныхъ учебныхъ заведеній! И неудивительно: духъ Христіанскаго благочестія и страха Божія, духъ кротости и чистѣйшей Евангельской нравственности, господствующій въ заведеніяхъ, подобныхъ Харьковскому Институту, отражается, такъ сказать, на всѣхъ движеніяхъ невиннаго юношества, наслаждающагося счастіемъ — образовать свой умъ и сердце по духу Благочестивѣйшей Государыни Императрицы, подъ мирнымъ кровомъ Ея Матерней нѣжности и заботливости.

Блаженно Царство, въ которомъ на семъ краеугольномъ камнѣ зиждется воспитаніе юношества! Блаженно юношество, выносящее съ собою въ свѣтъ безцѣнные плоды столь благонадежнаго воспитанія! Стократно блаженна Россія, созерцающая въ священномъ лицѣ наилучшей Матери наилучшаго изъ Царей — Генія-Зиждительницу подобнаго воспитанія!

Политическія и другія происшествія.

Португаллія.

Изданнымъ отъ Министерства окружнымъ письмомъ къ полиціймейстерамъ и слѣдственнымъ судьямъ, именемъ Принцессы Правительницы и самаго Короля, повелѣвается всюду прекращать возмутительныя восклицанія, коими злонамѣренные люди силятся обольстить народъ и нарушить общее спокойствіе. Воля Ея Высочества такова, чтобы всѣ начальства старались внушать народу уваженіе къ Монарху, къ Правительницѣ Королевства, и къ постановленіямъ, дарованнымъ Его В-мъ Доиомъ Педро IV своимъ подданнымъ; противные поступки должны подлежать наказанію по всей строгости законовъ.

— По объявленіи Инфанта Дона Мигуеля Правителемъ, дворянство, чиновники и духовенство ежедневно стекаются во дворецъ для поздравленія вдовствующей Королевы.

Испанія.

Король, по прибытіи въ Тарагону 28го Сентября (н.с.), тогда же издалъ убѣдительную и вмѣстѣ грозную прокламацію къ Каталонцамъ, которыхъ выводитъ изъ заблужденія, объявляя имъ, что онъ ни кѣмъ не стѣсненъ и пользуется всѣми правами неограниченнаго самодержавія. Всѣ мятежники приглашаются въ продолженіе 24 часовъ оставить своихъ предводителей, выдать

оружіе и возвратиться въ домы, подъ прещеніемъ неминуемой казни непокорнымъ.

— Присутствіе Короля производитъ хорошія дѣйствія. Аграваідосы покаряются и слагаютъ оружіе. Нѣкоторые предводители бунтовщиковъ схвачены. Генералъ - Капитанъ Аррагонскій въ донесеніи своемъ Военному Министру увѣдомляетъ, что покушеніе гверилласовъ овладѣть Аррагоніею не имѣло ни малѣйшаго успѣха, и что толпы мятежниковъ, перешедшія черезъ границу Аррагонскую, прогнаны въ Каталонію.

— Пишутъ, что въ началѣ Ноября Королева отправится въ Валенцію. Туда пріѣдетъ Король проводить Ея Величество въ Барцеллону. Ихъ В-а намѣрены, какъ слышно, предпринять путешествіе въ Сѣверную Испанію.

Франція.

Съ 1 го Октября (н. ст.) возъимѣетъ свою силу взаимный договоръ между Франціею и Соединенными Штатами. Всѣ произведенія обѣихъ земель дозволяется провозить на Французскихъ и Американскихъ корабляхъ за плату равной пошлины.

— Графъ Капо д'Истрія былъ представленъ Е. В-у, Королю Карлу X. Заемъ, который намѣренъ былъ сдѣлать новоизбранный Правитель для Грековъ подъ своимъ поручительствомъ, простирается донынѣ не свыше 100,000 р. серебромъ.

— Разлитіемъ Роны причинено большое опустошеніе. Съ 1801 года, рѣка сія не разливалась до такой степени. Въ деревнѣ Рокморѣ разрушено 17 домовъ, а въ Кадруссѣ болѣе тридцати.

Австрія.

Отъ 3 го Октября пишутъ изъ Вѣны, что Инфантъ Донъ-Мигуель за нѣсколько дней передъ своимъ отъѣздомъ въ Лиссабонъ дастъ во дворцѣ торжественную аудіенцію дипломатическому корпусу.

Нидерланды.

Его Величество Король въ собраніи обѣихъ Палатъ 15 го Октября открылъ засѣданія рѣчью къ Чинамъ Государственнымъ. Между прочимъ Е. В-о упоминалъ о конвенціи съ Дворомъ Папскимъ, подписанной въ Римѣ, и о заключенномъ торговомъ трактатѣ съ Соединенными Областями Мексиканскими.

— Въ Белгійскомъ журналѣ написано слѣдующее: »Испанія признала независимость республикъ Колумбіи, Перу, Чили, Буеносъ-Айреса, Парагвая и Соединенныхъ Мексиканскихъ Штатовъ. Сей трактатъ заключенъ въ Лондонѣ 23 Августа с. г. и подписанъ Графомъ Офаліею, Дудлеемъ, Княземъ Полиньякомъ и Маркизомъ Палмелою.»

Англія.

Графъ Гильдфордъ, сынъ славнаго Лорда Норта, основатель Университета на островѣ Корфу, скончался. Его званіе досталось въ наслѣдство Франциску Норту.

Турція.

Хотя Посланники трехъ могущественныхъ Державъ извѣстили своихъ соотечественниковъ,

живущихъ на Востокѣ, чтобъ они приняли всѣ мѣры предосторожности вразсужденіи своихъ торговыхъ дѣлъ; однако же Порта съ своей стороны прилагаетъ величайшее стараніе о сохраненіи всеобщаго спокойствія и порядка. Турецкое правительство принимаетъ видъ грозный и хочетъ казаться твердымъ въ своемъ намѣреніи; впрочемъ сомнѣваются, чтобъ оно было въ состояніи воспротивиться тремъ Державамъ. Достовѣрно, что Порта сама желаетъ примиренія. О семъ извѣстіе отправлено въ Лондонъ Англійскимъ Посланникомъ, пребывающимъ въ Константинополѣ.

— Въ концѣ Сентября Порта объявила Грекамъ твердой земли прощеніе, въ слѣдствіе будто бы поданныхъ ими двухъ прошеній. Нѣкоторыя особы видятъ въ сей мѣрѣ одинъ лишь обманъ, и утверждаютъ, что прошенія составлены въ Константинополѣ. Решидъ-Паша, который, какъ сказываютъ, принялъ повинную Греческихъ Капитановъ, находится въ Яннинѣ.

— Греки ожили. Доходятъ повторительныя извѣстія объ ихъ подвигахъ, на примѣръ: Колокотрони и Никита Стаматепуло увѣдомляютъ Правительство о многихъ побѣдахъ, одержанныхъ ими надъ Арабами, а изъ Навиліи пишутъ, что Валица и Калаврита свободны отъ Турковъ, коихъ разбилъ молодой Колокотрони. Изъ Корфы увѣдомляли, что Арабскія войска оставили Грекамъ Востицу со всѣми находящимися въ ней съѣстными припасами и багажемъ. Жаль только,

что покореніе Лордомъ Кокреномъ Анатолики и Василади оказывается сомнительнымъ.

— Египетскій флотъ пришелъ въ Наваринъ; однакожъ онъ неможетъ причинить никакого вреда Грекамъ: ибо оффиціально объявлено, что всѣ угрожаемыя мѣста въ Пелопонесѣ, въ случаѣ военныхъ дѣйствій со стороны Турковъ, будутъ подъ защитою трехъ Державъ. Истину сію недавно практически подтвердилъ Сиръ Е. Кодрингтонъ, командующій Англійскою ескадрою передъ Навариномъ. Сей Адмиралъ 21 Сентября увѣдомился, что въ гавани перевозили на корабли войска, и что зажженные на берегу сторожевые огни возвѣщали о близости всей Египетской сухопутной силы. На другой день поутру въ большомъ числѣ вышедшіе изъ гавани корабли Египетскіе плыли на всѣхъ парусахъ прямо на Англійскую ескадру, съ тѣмъ чтобъ сквозь нее пробиться и направить путь къ Ѵдрѣ. Адмиралъ приготовился къ сопротивленію, а между тѣмъ приближилась и Французская ескадра. Тогда Египетскій Адмиральскій корабль обратился вспять и далъ прочимъ кораблямъ сигналъ слѣдоватъ за собою. Весь флотъ снова бросилъ якорь въ Наваринской гавани. Адмиралы Кодрингтонъ и Риньи, соединившись, стали на якорѣ въ открытомъ морѣ.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

«Виленскій Профессоръ Онацевичь ѣздилъ въ Кенигсбергъ для сдѣланія выписокъ историческихъ изъ тайнаго архива. Тамъ нашелъ онъ древніе документы съ 1220 по 1525 годъ, хранящіеся въ двухъ обширныхъ залахъ въ 414 ящикахъ, изъ коихъ въ 18 помѣщаются Папскія буллы, въ 74 внутреннія дѣла, во 108 заграничныя, въ 56 дѣла Курляндскія и Лифляндскія, въ 85 сосѣдственныя, въ числѣ коихъ 15 для Литовскихъ и Польскихъ дѣлъ; 72 ящика еще не разобраны. Документы съ 1525 года хранятся въ особой залѣ. Г. Онацевичь нашелъ между прочимъ въ тамошнихъ бумагахъ любопытное извѣстіе о Русскомъ богослуженіи въ Кенигсбергѣ: въ 1682 году 15 Мая монахи Св. Василія (Грекороссійскаго исповѣданія) получили отъ Великаго Курфирста дозволеніе жить въ *Королевцѣ* (Кенигсбергѣ), дабы отправлять богослуженіе по своему обряду, а болѣе всего чтобы погребать покойниковъ своего исповѣданія. Въ 1697 г. 25 Іюня при его преемникѣ позволено Русскимъ священникамъ въ предмѣстіи отправлять богослуженіе и на счетъ Курфирста нанимать себѣ квартиру. Въ 1715 такоежъ дозволеніе получилъ Евтихій Уласовичь, Депутатъ Греко-Россійской Церкви изъ Вильна; въ 1727 Января 29 прислано изъ Берлина позволеніе Россіянамъ построить въ Кенигсбергѣ церковь; въ

слѣдствіе чего они соорудили *каплицу* въ предмѣстіи Klapperwiese. Заложилъ сію церковь Тайный Секретарь Магистеръ Василій Корвинъ-Квасовскій, которому предоставлено было правительствомъ основать Русскую типографію 1721 года. (Изъ письма Виленскаго Профессора И. Н. Лобойка.)

— Въ Вильнѣ 1827 Профессоромъ тамошняго Университета издана *первая* Русская, гражданской печати, книга: *Собраніе Россійскихъ стихотвореній* въ пользу юношества, воспитываемаго въ учебномъ округѣ Виленскаго Университета. Въ 1 й книжкѣ содержатся Духовныя и Нравственныя стихотворенія. Сначала помѣщенъ: *взглядъ на успѣхи въ духовной Поэзіи Россіянъ, Французовъ и Нѣмцевъ*. Въ планъ сего изданія входятъ: стихотворенія оригинальныя, переводы и подражанія.

ПОПРАВКИ.

В. Е. 1827 въ No 18 должно читать на стран. 113 й въ строкѣ 4 й снизу: въ языкѣ Чеховъ; *на стран. 115 й въ строкѣ 19:* считались на рубли; *на стран. 117 й въ строкѣ 4 й:* на югѣ, и что; *на стран. 135 й въ строкѣ 5 й снизу:* одежда ихъ отъ мірской.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 20.

ОКТЯБРЬ 1827.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Изъ Гиллисовой Исторіи древней Греціи.

(Окончаніе.)

Такимъ образомъ Лирическія стихотворенія Грековъ приносили удовольствіе слуху, взорамъ и разуму. Ихъ существенное достоинство и совершенство состояли въ разнообразномъ свойствѣ занимательности; и тотъ единственно могъ называться главою Лирическихъ стихотворцевъ, кто стихи свои удачно согласовалъ съ общею цѣлію сего многосложнаго произведенія. По единодушному свидѣтельству древнихъ, таковый стихотворецъ есть Пиндаръ. Кромѣ похвалы, приписанной ему Гораціемъ, критики превозносятъ его за блистательное воображеніе, за витіеватость и смѣлость выраженій, за пламень, живость и восторгъ его генія. Пане-

тирики въ честь Пиндара содержатъ въ себѣ болѣе дикихъ порывовъ оды, нежели хладнокровной разборчивости; а потому свойства, отличающія его въ превосходной степени, должны быть изъяснены нами. Всякъ, внимательно читающій произведенія Піита, согласится, что сколь ни величественны понятія Пиндара, но онъ не болѣе отличается возвышенностію чувствованій и мыслей, какъ величіемъ языка и выраженій, и что свойственное ему одному, неподражаемое (*) превосходство состоитъ въ выразительности, приличіи и великолѣпіи слога, необыкновеннымъ образомъ содружающимися съ протяженными тонами музыки и фигурными движеніями пляски. Единообразное паденіе рѣчи (cadence), нѣжная гибкость и веселая легкость обыкновенныхъ сочиненій, вовсе неспособны къ такому содруженію, которое, обращая каждое слово въ понятіе и подвергая оное наблюденію и замѣчанію, показываетъ естественную его низость, незначительность и скудость. Но сколько при таковомъ разсмотрѣніи языкъ обыкновенныхъ писателей тратитъ, столько языкъ Пиндаровъ, безъ всякаго сомнѣнія, приобрѣтаетъ. Слова и фразы Пиндара избраны со всегдашнимъ его раче-

(*) Pindarum quisquis studet emulari, *etc.*

ніемъ, запечатлѣны прелестями и достоинствомъ, которыя чѣмъ болѣе разсматриваются, тѣмъ больше возбуждаютъ удивленіе. Великолѣпіе словъ, сложные епитеты и блистательныя выраженія (отъ хладнокровныхъ критиковъ почитаемыя иногда странными), составляютъ достоинство и превосходство Пиндарова слога, и отличаютъ его болѣе, нежели обыкновенная плавность стопомѣрія, которая повсюду столь естественна, свободна и неограниченна, что вмѣсто монотоніи, неразлучной со стихотворческими стопами, блистаетъ всѣмъ богатствомъ прекрасной и гармонической прозы. Впрочемъ, невозможно думать, чтобы сей великій Піитъ обращалъ большее вниманіе на выборъ словъ, нежели на расположеніе оныхъ. Величіе слога (composition) равняется и, по мнѣнію великаго Критика, даже превосходитъ достоинство описываемыхъ предметовъ. Діонисій, коего критикѣ мы слѣдуемъ, изъяснилъ, съ какимъ тонкимъ, удивительнымъ искусствомъ Пиндаръ даетъ словамъ своимъ извѣстную крѣпость и твердость, отдѣляетъ слова великимъ пространствомъ, поставляетъ оныя на обширномъ основаніи и возноситъ ихъ до высоты, съ которой они, блистая, изумляютъ самыхъ отдаленныхъ зрителей.

Но самая громкая слава не можетъ съ одинаковою удобностію простираться на отдаленное мѣсто. Пиндаровы стихотворенія нынѣ лишились спутницъ своихъ — музыки и пляски, отъ которыхъ прежде получали красоту свою и благородство. Нынѣ читаютъ ихъ въ уединенномъ кабинетѣ, не принимая личнаго участія, не исполняясь чувствами патріотическими. Древле ихъ пѣли предъ многочисленнымъ стеченіемъ людей, почитавшихъ религію описываемую въ одахъ, уважавшихъ прославляемыхъ пѣснопѣніемъ мужей, исполненныхъ притомъ благоговѣнія къ богамъ и преданности къ отечеству, которыя въ высокой степени поддерживались одами. Мѣста стихотвореній, по видимому, вовсе неприятныя въ минуты хладнокровнаго, уединеннаго упражненія, заслуживали громкое рукоплесканіе среди мужей, одушевленныхъ радостію и совершавшихъ торжество, когда граждане естественно удивлялись каждому удачному и смѣлому выраженію, и съ необыкновеннымъ восторгомъ зрѣли величественные порывы, возвышавшіе смѣлую Музу Пиндара.

Разсматривая дѣйствія игръ, установленій, введенныхъ для упражненія тѣла и усовершенія ума, нужно разсудить не только о

помъ, сколь во многихъ мѣстахъ игры учреждены были, но и сколь часто оныя повторялись. Кромѣ описанныхъ нами общенародныхъ торжествъ, въ каждой республикѣ совершались безчисленныя областныя празднества. Аѳиняне провождали третью часть года въ подобныхъ увеселеніяхъ; и если намъ позволено догадываться, что общества, между которыми празднества введены были въ большемъ числѣ, болѣе другихъ успѣвали въ гимнастическихъ упражненіяхъ; то, судя по наградамъ, опредѣляемымъ отъ народовъ Олимпійскимъ побѣдителямъ, которыхъ имена сохранились у древнихъ писателей, числу празднествъ Аѳинскихъ соотвѣтствовало число празднествъ народовъ прочихъ.

Къ симъ воинскимъ и изящнымъ забавамъ юношество съ великимъ раченіемъ было приготвляемо посредствомъ гимнастическихъ упражненій, обучаясь всему тому, что давало крѣпость и проворство тѣлеснымъ членамъ, легкость и пріятность движеніямъ, силу и красоту отличнымъ дарованіямъ душевнымъ. Тѣлесная крѣпость и гибкость сопровождались здоровьемъ и бодростію составовъ. Юные, но отважные подвигоположники, безъ затрудненія переносили перемѣны

стужи и зноя. Во время палящаго лѣтняго зноя (*) (Олимпійскія игры происходили въ Іюлѣ мѣсяцѣ), бывъ нагими и не чувствуя безпокойства, они принимали въ себя прямо ударявшіе лучи солнца; и непрерывные труды, укрѣпляя ихъ тѣло, ослабляли въ нихъ пагубную склонность къ порочнымъ вожделѣніямъ, свойственнымъ роскошному ихъ климату: отсюда неподражаемые образцы крѣпости и красоты, которымъ столь справедливо удивляемся въ драгоцѣнныхъ останкахъ Греческаго ваянія.

Таковыя тѣлесныя преимущества производили весьма много другихъ превосходныхъ качествъ, имѣя съ ними связь тѣсную. Есть мужество, зависящее отъ нервъ и крови; сіе мужество Греки доводили до высокой степени. Они веселились, говоритъ Лукіанъ (**), смотря на битву смѣлыхъ и великодушныхъ животныхъ; но собственныя ихъ распри производимы были несравненно съ большею свирѣпостію. Въ достопамятную войну съ Персами Греки показали свою превосходную народную доблесть; и достойно примѣчанія, что самые знаменитые подвиги въ ратномъ полѣ совершены были гра-

(*) *Lucian.* Solon.
(**) *Lucian.*

жданами; которые прежде сего украсились Олимпійскими вѣнками. Греки вообще превозносились тѣмъ, что одинъ изъ нихъ могъ одолѣвать десятерыхъ Персовъ (*); и сіе свидѣтельство Историковъ подтверждается разумомъ. Въ битвахъ Грековъ съ Персами побѣда одерживалась не механическими усиліями отдаленной вражды; распря была рѣшаема ударами мечей и копій. Употребленіе сего оружія требовало гибкости тѣлесныхъ членовъ, вѣрности глаза и проворства рукъ. Таковымъ оружіемъ доказывались мужество и бодрость воина; а сіи два качества чудеснымъ образомъ возвышались обыкновенными гимнастическими упражненіями, вдыхавшими не только охоту къ предпріятіямъ, но и способность совершать дѣла самыя опасныя и многотрудныя.

Гимнастическими искусствами возвышались другія дарованія, благороднѣйшія тѣлесныхъ способностей и мужества. Посредствомъ таковыхъ искусствъ любовь къ удовольствіямъ и дѣятельности, симъ двумъ могущественнымъ началамъ человѣческой жизни, направлялась къ цѣли не только невинной, но и полез-

(*) *Herodot.* I, VIII.

ной. Желаніе получить Олимпійскій вѣнецъ обуздывало слабости — сію вину безславія, удерживало пороки — причину преступленій и бѣдствія людей необразованчыхъ; и предметъ земнаго, гибнущаго честолюбія руководствовалъ ко внѣшней чистотѣ и воздержанію, одобряемымъ правилами и утверждаемымъ постановленіями божественной и неизмѣнной вѣры. Масло, вѣнецъ, одежда и пальмы во многихъ отношеніяхъ составляютъ сходство между воителями Хрістіанскими и побѣдителями Олимпійскими. Боговдохновенные писатели употребляютъ таковое уподобленіе на тотъ конецъ, дабы помочь нашему слабому понятію о божественныхъ истинахъ (*); но они заимствуютъ подобіе отъ установленія, имѣющаго сходство съ Хрістіанствомъ не въ предлáгаемыхъ почестяхъ и наградахъ, но въ усиліяхъ и обязанностяхъ, съ оными сопряженныхъ.

(*) *Не вѣсте ли, яко текущіи въ позорищи, вси убо текутъ, единъ же пріемлетъ почесть? тако тецыте, да постигнете. Всякъ же подвизаяйся, отъ всѣхъ воздержится. И они убо, да истлѣненъ вѣнецъ пріимутъ, мы же неистлѣненъ. Азъ убо тако теку, не яко безвѣстно; тако подвизаюся, не яко воздухъ біяй. Но умерщвляю тѣло мое и порабощаю, да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду.* 1 Къ Коріне. IX, 24, 25 26 и 27.

Желаніе снискать добрую славу (*) научало людей умѣрять тѣлесныя прихоти душевными страстями; порывами соревнованія укрощались чувственныя прелести, одной опасною страстію побѣждалась другая опаснѣйшая, и множествомъ полезныхъ предразсудковъ поддерживались дѣла и сохранялась честь добродѣтели.

Особенныя свойства, отличающія Грековъ отъ множества древнихъ и новѣйшихъ народовъ, проистекали, по видимому, отъ сихъ же самыхъ полезныхъ установленій; болѣе всего обыкновеніе ходить безъ оружія и презирать произвольныя понятія о чести. Сіи высокіе духомъ республиканцы научались въ частныхъ гимназіяхъ и палестрахъ, равно на общенародныхъ играхъ и торжествахъ, наносить и терпѣть самыя оскорбительныя обиды. Нѣкоторый грубый Скиѳъ, бывшій свидѣтелемъ зрѣлища, показавшагося ему столь по-

(*) Qui studet optatam cursu contingere metam,
Multa tulit fecitque puer, sudavit et alsit,;
Abstinuit venere et vino.

«Отрокъ, старающійся достигнуть посредствомъ бѣга желанной цѣли, многое переноситъ и многое творитъ: обливается потомъ и терпитъ стужу, воздерживается отъ любовныхъ дѣлъ и не упивается виномъ.

разительнымъ и несноснымъ, каковымъ бы оное представилось самому щекотливому изъ нынѣшнихъ людей благороднаго происхожденія (*), сказалъ сопровождавшему его Аѳинянину: „Если бы кто отважился нанесть мнѣ укоризны, каковыя юноши Аѳинскіе всегда наносятъ другъ другу; то я показалъ бы предъ собраніемъ, что мечь мой не есть ничтожное украшеніе, но полезный хранитель моей чести (**).“ Таковы были чувствованія сего Скиѳа, и таковы, по свидѣтельству Исторіи, были чувствованія всѣхъ необразованныхъ людей. Варваръ безумный не полагаетъ предѣловъ своему мщенію. Малѣйшая обида дѣлаетъ его неукротимымъ въ гнѣвѣ; негодованіе его противу наносящаго обиду соразмѣряется не съ причиняемымъ оскорбленіемъ, но съ безпредѣльною его же гордостію. Маловажная вина требуетъ жестокаго очищенія, и не только ударъ, но слово и взоръ наносятъ щекотливой, мнимой чести его пятно, омываемое одною кровію наступателя. Таковая звѣрямъ свойственная и до чрезмѣрности доводимая жестокость, прежде нежели Греки предались

(*) Сочинитель такъ изъясняется, слѣдуя образу мыслей своихъ соотечественниковъ. *Перев.*

(**) *Lucian.* Anacharsis.

Философіи, укрощалась обыкновенными гимнастическими упражненіями. Въ училищахъ, гдѣ Греки приобрѣтали сіи, мужамъ свойственныя искусства, они получали неоцѣнимые уроки отражать обиды обидами подобнаго рода, соразмѣрять наказаніе оскорбленію и такимъ образомъ предварять, дабы маловажный поводъ къ враждѣ необращался въ закоренѣлое мщеніе. Гражданина сихъ воительныхъ республикъ, носившаго оружіе во время мира, почитали сумасшедшимъ, или убійцею; ибо Греки, по правиламъ ихъ воинскаго ученія, основаннаго на чистотѣ нравовъ, почитали крайнимъ безуміемъ необходимое употребленіе меча для отмщенія за укоризны, наносимыя языкомъ, или даже за оскорбленія болѣе смѣлыя, причиняемыя оружіемъ.

Такимъ образомъ забавы, предлагавшіяся на общенародныхъ празднествахъ, искореняли дикое и чрезмѣрное мщеніе, усовершали притомъ кроткія и нѣжныя добродѣтели; но тѣ же самыя забавы, разсматриваемыя въ другомъ видѣ, усиливали стремительность, соревнованіе, дружелюбіе, преданность къ отечеству, и все, чѣмъ только одушевлялись правила и успѣхи дѣятельной жизни.

Побѣдителямъ были предоставлены самыя лестныя награды, какія только въ тѣ времена предлагать было возможно. Въ похвалу имъ воспѣвались оды; воздвигались кумиры на мѣстѣ одержанной ими побѣды; имена родителей и страны ихъ прославлялись вмѣстѣ съ ихъ собственными именами; побѣдители имѣли право занимать первыя мѣста на всѣхъ общенародныхъ играхъ; получали содержаніе отъ своихъ обществъ, и въ отечественныхъ городахъ вознаграждались не только памятниками и надписями, но олтарями и храмами. Символами сихъ почестей и наградъ были олива, сосна вѣнки лавровые; и награды раздавались по различію мѣста, гдѣ отличались побѣдители, въ Олимпіи, Истмѣ, Немеѣ, или въ Дельфахъ. Видя маловажную цѣну сихъ знаковъ отличія и не обращая вниманія на постоянныя, ими приносимыя выгоды, Тигранъ Персіянинъ отклонялъ Царя своего отъ войны съ народомъ, который, чуждаясь корысти, помышлялъ объ одной славѣ (*). Но если бы Тигранъ лучше понималъ установленія Греціи; то узналъ бы, что корыстолюбіе и слава сово-

(*) Геродотомъ употреблено слово ἀρετή, принятое имъ въ семъ мѣстѣ за награду добродѣтели. Herodot. I, VIII, 1, 26.

купно и сильно дѣйствовали на искавшихъ почестей Олимпійскихъ, и что сіи почести были лестны не только для самихъ побѣдителей, но для ихъ друзей, родителей и страны ихъ, которые, раздѣляя съ ними славу, оказывали побѣдителямъ пламенную любовь, каковую люди естественно питаютъ къ предметамъ любви своей и покровительства.

Изъясняя дѣйствія Греческихъ торжествъ, мы должны упомянуть о произведеніяхъ музыкальныхъ и стихотворныхъ, которыя, бывъ употреблены въ награду побѣдителей, прославившихся гимнастическими упражненіями, сами сдѣлались достойными награды.

Воинственные уроки Тиртея и Каллина невѣроятнымъ образомъ способствовали описаннымъ отъ насъ дѣйствіямъ, ободряя твердыя и на мужествѣ основанныя добродѣтели посредствомъ восторга, вливаемаго ихъ правилами, и посредствомъ живыхъ впечатлѣній, производимыхъ предметами, за которые вступать въ распрю почиталось дѣломъ и важнымъ и достохвальнымъ. Мужество, зависящее отъ крови и нервъ, бываетъ невѣрно, кратковременно, и даже, доколѣ существуетъ, безъ различія можетъ

быть употребляемо къ достиженію цѣли или полезной, или зловредной. Воинственные Барды должны были опредѣлять сомнительныя свойства мужества, изъяснять, укрѣплять истинныя къ нему побужденія и давать ему неуклонное направленіе къ достойнымъ предметамъ.

Музыкальныя увеселенія такимъ образомъ распространяли, утончали и возвышали правила мужества, вдыхаемаго всѣми обычаями и установленіями сихъ временъ воинтельныхъ. Но какъ храбрость есть грубое произрастѣніе, возникающее на каждой землѣ; то самымъ благотворнымъ дѣйствіемъ искусствъ надлежало почитать, что онѣ вливали въ Грековъ растворяемыя между собою въ приличной степени нѣжность и чувствительность. Извѣстно, что искусства приносятъ таковый плодъ въ каждой странѣ, гдѣ только процвѣтать имъ дозволяютъ (*). Греки особливую имѣли нужду въ таковомъ пособіи искусствъ; и сей народъ, безъ счастливаго

(*) Ingenuas didicisse fideliter artes,

Emollit mores, nec sinit esse feros.

«Рачительное упражненіе въ свободныхъ искусствамъ смягчаетъ нравы и не попускаетъ имъ быть грубыми.»

содѣйствія оныхъ, не могъ бы смягчать своего варварства, естественно поддерживаемаго постояннымъ упражненіемъ въ войнѣ, усмирять свою дикую жестокость, причиняемую домашнимъ рабствомъ, и укрощать свирѣпость, сію существенную, по видимому, принадлежность народнаго правленія. При таковыхъ источникахъ перерожденія и разврата время и раченіе, необходимыя для достиженія успѣховъ въ дѣлахъ, свойственныхъ высокимъ дарованіямъ, поселяли въ Грекахъ навыкъ къ забавамъ нѣжнымъ и удовольствіямъ невиннымъ. Почести и награды, предоставляемыя счастливымъ искателямъ учной славы, принуждали ихъ искать благополучія и чести въ мирной сѣни уединенія, равно и на мятежномъ зрѣлищѣ дѣятельной жизни; наблюденія же и открытія, случайно ими находимыя, при свободномъ сообщеніи мыслей усиливали и утверждали спасительныя правила, служившія оплотомъ добродѣтели, и поддерживали основаніе поступковъ, полезныхъ и пріятныхъ въ общежитіи.

Если музыкальныя и ученыя забавы производили столь счастливое дѣйствіе на нравственное расположеніе сердецъ; то еще болѣе дѣйствовали на умственныя способно-

сти. Въ настоящіе вѣки нѣтъ возможности понять, съ какою силою онѣ усовершали, исправляли разсудокъ. Что касается до памяти, то въ успѣхахъ общежитія бываетъ періодъ, предшествующій введенію письменъ, въ которомъ дѣйствія сей способности обнаруживаются между разными племенами съ чудесною силою. Даже среди варваровъ — Цельтовъ, обитавшихъ въ Британіи — Друиды могли произносить наизусть невѣроятно великое число стиховъ, содержавшихъ любопытныя свѣдѣнія объ Исторіи сего народа, законахъ, вѣроисповѣданіи; и въ продолженіе двадцати лѣтъ надлежало упражняться въ стихотворствѣ для полученія права искать званія жреца (*).

Но если съ Греками другіе народы равнялись силою памяти; то Греки безъ сравненія превосходили ихъ тонкостію своего вкуса и неподражаемыми прелестями вообраafженія. Сіи превосходныя качества, были ли они первоначально плодомъ естественныхъ или нравственныхъ причинъ, или, что̀ вѣроятнѣе, вмѣстѣ тѣхъ и другихъ, безъ сомнѣнія расширились и усовершенствовались соревнова-

(*) *Gaesar* de bello Gallico, I, VI, cap. 13.

ніемъ и всегдашнимъ упражненіемъ. Къ таковому упражненію общенародныя торжества открывали пространное поле: отъ состязанія въ музыкѣ и стихотворствѣ возникли цвѣты генія Грековъ; цвѣты, въ послѣдствіи времени принесшіе плоды любомудрія и краснорѣчія, которые будутъ предметомъ удивленія и веселія вѣковъ позднѣйшихъ.

Съ Англійскаго А. Огинскій.

Взглядъ на Исторію, какъ на науку.

(Продолженіе.)

Остановимся еще на достопримѣчательномъ запрещеніи ораторамъ убѣждать въ судилищахъ, запрещеніи, которое въ такой силѣ было въ древности у Египтянъ и которое по сіе время сохраняется еще въ странѣ Востока, между тѣмъ какъ Греки и Римляне не могли несчитать его совершеннымъ варварствомъ. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же должнобы искать начала столь по видимому страннаго явленія, какъ не въ духѣ времени? Что отвергалъ человѣкъ въ первомъ періодѣ своей жизни, то могло быть необхо-

димостію для него во второмъ. Народы восточные, столько близкіе къ Природѣ по формамъ бытія своего, конечно немогли быть приступны для убѣжденій изящнаго, означающаго собою уже дальнѣйшую степень образованія. Но человѣкъ долженъ былъ — съ сознаніемъ, или безъ сознанія — сообразоваться съ общими законами организма, чтобы соотвѣтствовать своему назначенію; а единый законъ, въ силу котораго существуетъ все видимое, высокая воля Сотворшаго, разлагаясь въ безчисленное множество явленій, представляется въ земномъ бытіи подъ тремя видами, столь плѣнительными для души: подъ видомъ благаго, прекраснаго, истиннаго; и такъ, если развитіе двухъ послѣднихъ немогло быть достояніемъ еще младенчествующаго человѣка, то по крайней мѣрѣ въ первомъ должно искать сего идеала. Вотъ начало той особенной нравственности, которою дышатъ древніе законодатели Востока! Съ другой стороны, сія же самая причина объясняетъ намъ, почему нравы и обычаи были единственными законами; ибо совершенство сихъ послѣднихъ, равно какъ и всѣхъ системъ политическихъ, есть достояніе только нашихъ временъ, а въ первомъ періодѣ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, люди

дѣйствовали не столько въ слѣдствіе умозрѣнія, сколько по непостижимымъ для нихъ самихъ внушеніямъ добраго; и начала сего выводятся изъ первыхъ отношеній души къ окружающей ее Природѣ.

Обратимся теперь къ другой сферѣ дѣятельнаго духа. Одаренный внутреннимъ, самостоятельнымъ началомъ души; человѣкъ немогъ оставаться, подобно прочимъ твореніямъ, въ кругу только чувственнаго созерцанія; первый шагъ его изъ колыбели физическаго бытія былъ уже шагъ къ познанію; а потому исторія ума, такъ называемая исторія просвѣщенія, идучи рука въ руку съ исторіею политическихъ событій, не менѣе достойна философскаго воззрѣнія. И такъ, чѣмъ же опредѣляется характеръ ея перваго періода?

Что періодъ сей былъ дѣйствительно періодомъ еще только начинающаго пробуждаться ума — это доказывается самою Исторіею. Несмотря на всю мудрость Халдейскую и таинственные іероглифы Египтянъ, древніе въ дѣлѣ познанія не могутъ стать на ряду съ народами вѣковъ послѣдовавшихъ; инстинктная душа ихъ — да позволятъ мнѣ это выраженіе — живо отражалась и здѣсь

въ краткихъ и сильныхъ правилахъ и отрывистыхъ мысляхъ, которыя составляли ихъ философію и нравоученіе. И можно ли было отъ нихъ требовать системы, души всякаго знанія, когда первое ихъ стремленіе, обнаруживавшееся во всѣхъ формахъ ихъ внутренняго и внѣшняго существованія, было стремленіе къ высочайшей разрозненности, когда отрицаніе всякой системы было ихъ характеромъ? Разумъ, хотя уже начинавшій обнаруживать свои дѣйствія, умѣлъ еще только предчувствовать. Народы восточные неопредѣлены были Промысломъ для холодныхъ выкладокъ умозрѣнія, и потому сфера истиннаго, заключающая въ себѣ всю область наукъ, немогла быть ихъ достояніемъ: здѣсь начало ихъ презрѣнія къ учености, которой посвящалъ себя только одинъ классъ жрецовъ. Замѣтимъ между прочимъ, что и самая ученость сія состояла не столько въ изслѣдованіяхъ умозрѣнія, сколько въ розысканіяхъ касательно матеріальной стороны Природы; не столько относилась къ идеямъ, сколько къ видимому ихъ выраженію; отсюда успѣхи Вавvлонянъ въ Астрономіи, еще около 2000 лѣтъ до Александра Македонскаго имъ уже извѣстной; отсюда Геометрія Егvптянъ и Ариѳметика Финикіянъ вмѣстѣ со многими други-

ми открытіями сихъ послѣднихъ, какъ соединеніе только правилъ, указанныхъ однимъ опытомъ. Сочиненія Санхоніатона о началѣ міра и о происхожденіи боговъ, Моска — объ атомахъ, и труды весьма немногихъ другихъ, явно показываютъ, что вся философія ихъ состояла только въ одномъ ученіи о Природѣ матеріальной, теряющейся въ многоразличіи и слѣдовательно ближайшей къ нимъ сторонѣ всесовершеннѣйшаго цѣлаго — *вселенной*. Обратимъ ли наконецъ вниманіе на самый языкъ, сіе отраженіе всей области ума съ постепенными его измѣненіями — и здѣсь встрѣчаемъ ту же самую черту, характеризующую народы восточнаго образованія! Что̀ значитъ съ одной стороны сія односложность словъ, дѣлающая рѣчь столь быстрою, но неокругленною, съ другой — сія цвѣтистость слога, получающаго чрезъ нее живость особеннаго рода? Въ обоихъ случаяхъ очевиднымъ образомъ выражается одна и таже наклонность изображать предметы такъ, какъ они въ первый разъ представились слуху и зрѣнію вопрошавшаго ихъ человѣка, безъ всякаго участія ума. Словомъ, со стороны разумной дѣятельности души человѣкъ представляется въ семъ періодѣ только созерцающимъ, удаленнымъ міра идей и всю сущ-

ность предмета отыскивающимъ въ вещественномъ его бытіи. Сей-то способъ воззрѣнія былъ единственнымъ основаніемъ гіероглvфовъ, переносившихъ идеи въ область матеріальнаго.

Со стороны искусствъ человѣкъ является въ семъ періодѣ также совершенно соотвѣтствующимъ общему направленію духа: сфера изящнаго, подобно сферѣ истиннаго, не могла быть его достояніемъ. Храмъ Музъ долженъ былъ воздвигнуться на границахъ Азіи съ Европою совершенно новыми племенами народовъ. Обширныя стѣны Ниневіи, вооруженныя многими сотнями башень, стѣны Вавvлонскія, семь рядовъ стѣнъ ограждавшихъ Екватану, безконечный лабvринтъ, пvрамиды, обелиски и ужасающая величиною голова Мемнона — вотъ изящныя произведенія народовъ Востока! Пусть любитель древности отыщетъ общую характеристическую черту ихъ. Онъ согласится, что гигантская огромность членовъ, безъ связи и порядка, точно также какъ живость цвѣтовъ безъ ихъ сліянія, дышатъ во всѣхъ ихъ формахъ, и докажетъ тѣмъ, что духъ отдѣльнаго бытія и какъ бы насильственнаго соединенія, безъ связи внутренней, проникъ и

въ самую область изящнаго. Таковъ и понынѣ стиль народовъ восточныхъ, въ противоположность западному, отъ котораго онъ отдѣляется рубежемъ классической древности.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ всѣ три стороны дѣятельности человѣческаго духа, мы считаемъ необходимостію обратить особенное вниманіе на религіозныя понятія сихъ народовъ; ибо повѣствованія Миѳологіи, какъ плодъ воображенія, руководимаго геніемъ времени, подобно прочимъ произведеніямъ души, необходимо должны подлежать и нашимъ наблюденіямъ.

Человѣкъ съ первою минутою умственнаго бытія не могъ не вопросить себя — что̀ онъ? и что̀ вокругъ его? — Нося въ душѣ врожденное чувство высшаго начала и находя самаго себя зависимымъ, онъ внутренно сказалъ, что онъ не божество, и обратился ко внѣшности. Здѣсь, наблюдая живую дѣятельность Природы, испытывая множество силъ постороннихъ и ограничиваясь единственно созерцаніемъ, онъ сдѣлалъ себѣ бога изъ каждаго предмета, вліяніе коего могъ на себѣ испытывать. Таково было начало фетишизма народовъ! Душа умствующая, отдѣляя сущность отъ формъ, постигаетъ различіе при

чинъ и явленій; душа созерцающая — въ явленіяхъ полагала и самую причину. Но сія высшая степень созерцательнаго воззрѣнія не могла долго быть сферою ума, — и человѣкъ обоготворилъ ближайшія идеи! Очевидно, что понятія о добрѣ и злѣ, свѣтѣ и мракѣ, главнѣйшихъ предметахъ нравственнаго и физическаго бытія его, непосредственно вели къ двойственности началъ; и съ одной стороны благодѣтельный Оромуздъ, съ другой злобный Ариманъ, Озирисъ и Тvфонъ овладѣли вселенною, — все сдѣлалось чистымъ или нечистымъ. Брама, Вишну и Гивенъ суть божества дальнѣйшаго уже образованія. Но при такой двойственности началъ созерцающая душа человѣка долженствовала постановить еще много божествъ постороннихъ. По словамъ Плутарха (de Isid. et Osir.) отъ первыхъ двухъ произведены еще двѣнадцать: съ одной стороны шесть благихъ — доброжелательство, истина, порядокъ, мудрость, обиліе и веселіе добродѣтели; съ другой еще шесть, противуположныхъ первымъ. Если же человѣкъ, поступая болѣе и болѣе къ дальнѣйшему образованію, во всѣхъ религіозныхъ понятіяхъ все держался созерцательнаго воззрѣнія; то, обогащенный уже идеями, стремился онъ облекать и ихъ въ самыя

частныя формы. Такимъ образомъ получили бытіе Аписъ Египтянъ, со множествомъ подчиненныхъ божествъ, корова въ религіи Индѣйцевъ (первый — какъ мужеское начало силы, вторая — какъ женское начало питанія (*) и изобилія) и золотое яйцо, въ которомъ заключался Брама, образовавшій изъ него вселенную: фетишизмъ обратился въ символику. Съ другой стороны отсюда очевиднымъ образомъ выводится начало демоноученія, столь общаго пространному Востоку: какъ двѣнадцать подчиненныхъ боговъ нравственнаго міра, въ Миѳологіи Индѣйской образовались геніи (девы, деветы) всѣхъ идей и всѣхъ предметовъ, и въ Мидо-Персидской — миріады небесныхъ силъ (семь Асимаспадовъ, двадцать восемь Изедовъ (**) и безчисленное множество огней).

Обратимся къ одному изъ главнѣйшихъ догматовъ восточной Миѳологіи — къ переселенію душъ. Вотъ начало онаго, находящееся въ одномъ изъ Индѣйскихъ преданій Chartah-

(*) См. Ideen zu einer Allgemeiner Mythologie der Alten Welt, von I. I. Wagner, 1808. Вишну обратилъ землю въ благодѣтельную корову обилія.

(**) См. Creuzers Symbolik und Mythologie. Dritt. Cap. § 6.

Bhade (*). Выписываемъ. Послѣ повѣствованія духовъ о твореніи и ихъ паденіи слѣдуетъ потомъ разсказъ такого содержанія: „Потомъ повелѣлъ Вѣчный, чтобъ Вишну низпустился къ сотворенному міру, освободилъ изъ глубины мрака падшихъ духовъ и помѣстилъ ихъ въ низшей изъ пятнадцати странъ. Вишну предсталъ предъ трономъ и рекъ: Вѣчный! я совершилъ твои повелѣнія, и всѣ вѣрные сонмы небесныхъ силъ изумились и созерцали чудеса и славу сотвореннаго міра. Вѣчный рекъ потомъ къ Вишну: Хочу дать тѣло каждому изъ падшихъ духовъ, да будутъ они темницею имъ и жилищемъ, и да подвергнутся въ нихъ страданіямъ по великости грѣховъ! Иди и возвѣсти — пусть ожидаютъ и пребудутъ покорны. Вишну предсталъ предъ трономъ Вѣчнаго, молилъ и произнесъ: Вѣчный! повелѣнія твои исполнены, и вѣрные сонмы небесныхъ духовъ снова подвиглись въ изумленіи отъ чудесъ, ими слышанныхъ, и воспѣли хвалу безпредѣльному милосердію.

„Когда же все умолкло, Вѣчный рекъ къ Вишну: Тѣла, которыя хочу дать въ жилище духамъ непокорнымъ, должны по своему

(*) См. Wagners Ideen ec. S. 93.

составу быть подвержены измѣненію, паденію, смерти и возобновленію. И въ смертныхъ тѣлахъ сихъ падшіе духи должны совершить восемьдесять семь преселеній, и переносить слѣды душевныхъ и тѣлесныхъ золъ по степени великости ихъ преступленія и по тому, сколько соотвѣтствуютъ дѣла ихъ силамъ, которыми одарю ихъ измѣняющіяся тѣла. Да будетъ имъ сіе въ наказаніе и въ очищеніе! Совершатъ ли духи непокорные восемьдесять семь измѣненій — по моему безпредѣльному милосердію да наслѣдуютъ новое тѣло, — и ты, Вишну, наречешь его коровою. Когда же смертное тѣло коровы по бренности естества разрѣшится отъ жизни; падшіе духи, по безпредѣльному милосердію моему, еще большему, должны предстать въ образѣ человѣка. И въ семъ-то образѣ хочу открыть имъ силу познанія, чтобъ были такъ, какъ прежде я сотворилъ ихъ свободныхъ. Да будетъ сіе верхъ испытанія и очищенія ихъ!« И такъ, если съ одной стороны всѣ силы вещественной и нравственной природы были геніи, которымъ воздавалось поклоненіе; то съ другой стороны и всѣ животныя и самъ человѣкъ были созданіями небесными: таковое воззрѣніе необходимо вело къ боже-

ственному представленію Природы (*) (откуда, замѣтимъ между прочимъ, и наша Изида у Египтянъ получила начало), а потому оно же должно было обнаруживаться и во всемъ бытіи человѣка подъ видомъ религіознаго чувства, которымъ дышали всѣ мысли его и дѣйствія: очевидно, что запрещеніе лишать жизни животныхъ отсюда сдѣлалось для него священнымъ, и что вообще, гдѣ только нужно было обуздать непокорный егоизмъ, уклоняющійся отъ общаго порядка, ближайшимъ непосредственнымъ способомъ долженствовала быть религія.

Посему-то сія послѣдняя столь много проникала все существованіе народовъ перваго періода. Нужно ли было оградить предѣлы владѣній, — и пограничные камни преданы были въ покровительство боговъ; нужно ли было обезпечить власть начальствъ, — и имъ даровано божественное происхожденіе;

(*) И къ такъ называемой Өеофаніи чудесамъ міра *отдаленной древности*, равно и къ самой Магіи, небесной и земной, относительно сего весьма много превосходныхъ замѣчаній есть у Вагнера въ его Ideen zu einer Allg. Mythol. der alten Welt. *Соч.*

нужно ли было наконецъ водворить спокойствіе въ семействахъ — и бренные остатки предковъ освятились религіею. Не было дѣйствія, небыло предмета, которые не одушевлялись бы вѣрою. Восторженные сыны Востока вездѣ созерцали пламенные слѣды божества. Отсюда объясняется, почему служители неба столь могущественны были на землѣ: истолкователи судебъ, съ яснымъ челомъ являлись предъ сильными міра — и страсти умолкали мгновенно. Такъ жрецы Египетскіе ежедневно наставляли правителей государства въ ихъ отношеніяхъ къ подданнымъ — и предписанія ихъ всегда почитались священными. Здѣсь должно искать причину, почему всѣ завоеватели хотѣли или обезсилить, даже уничтожить сей классъ — какъ поступилъ Камбизъ въ Египтѣ, или старались сами быть включены въ оный — какъ напр. Халдеи въ Вавилонѣ (*). Сіе стремленіе къ божественному было видимымъ основаніемъ и нравственнаго направленія человѣка; ибо основаніе внутреннее высшее заключалось, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, въ созерцательномъ состояніи

(*) Замѣчаніе Шшуцмана. Смот. его Ideen zu einer Allg. Mythol. der alten Welt. Coz.

младенчествующаго бытія. Съ другой стороны сей же самый духъ раскрывается, какъ дѣйствующее начало, и въ наклонности къ повѣствованіямъ космогоническимъ, системамъ міра и ѳеогоніи; ибо, уступая силѣ разума, начинавшей уже обнаруживать свое синтетическое направленіе, и потому обращаясь ко всеобщему, душа не могла искать его нигдѣ болѣе, какъ только или въ самомъ божествѣ (Ѳеогонія), или во внѣшней Природѣ (космогонія, системы міра). Здѣсь же скрывается причина и самаго чувства о ничтожности всего мірскаго, чувства, которое столь сильно можетъ обладать духомъ, что въ Индіи и понынѣ вдова умираетъ сладкою смертію на кострѣ, зажигаемомъ въ честь покойнаго супруга.

Поклоненія огню и смѣшанныя идеи о первоначальномъ хаосѣ служатъ также доказательствомъ, что всѣ понятія восточныхъ народовъ относительно религіи имѣютъ одно общее начало, которое столь очевидно выражается въ ихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ.

Заключая наблюденія наши объ ономъ древнемъ бытіи человѣка въ различныхъ его отношеніяхъ, обратимся теперь къ новымъ племенамъ народовъ, совершенно отличаю-

щихся отъ первыхъ по духу внутренняго и внѣшняго образованія; приступимъ къ изслѣдованію сихъ знаменитыхъ формъ классической древности, столько священной и для нашихъ вѣковъ, и постараемся опредѣлить ихъ общій характеръ, какъ слѣдствіе высокихъ законовъ премудрости, движущихся во времени и безконечное единство Вѣчнаго изображающихъ въ столь плѣнительныхъ картинахъ жизни. Мы доказывали въ слѣдствіе умозрѣнія и опыта, что такъ называемой Оріентализмъ есть явленіе начальной, младенчествующей жизни, дѣятельности невиннаго отрока, который еще тѣсными узами соединенъ съ своею матерью — Природой. Періодъ классицизма есть уже періодъ другаго, не скажу высшаго, но дальнѣйшаго образованія; ибо въ кругу Природы ни одному явленію, раскрывающемуся въ пространствѣ или во времени, мы не въ правѣ назначать степеней совершенства — каждый есть выраженіе собственной, въ немъ выражаемой идеи. Умозрѣніе говоритъ, что сей вторый періодъ всеобщей жизни соотвѣтствуетъ юношескому возрасту человѣка. И такъ разсмотримъ, подтверждаетъ ли сіе опытъ — и при семъ случаѣ поступимъ тѣмъ же поряд-

комъ въ изслѣдованіи относительно означенной нами выше тройственности бытія.

(Будетъ продолженіе.)

~~~~~~~~~~~~

О старинныхъ названіяхъ въ Россіи денегъ металлическихъ въ смыслѣ ходячей монеты.

(Продолженіе.)

Гривна. Рубль.

„По какому поводу" спросятъ читатели, взглянувъ на заглавіе параграфа „хочетъ онъ разсуждать о *гривнахъ* и *рубляхъ*; взявшись объяснить общія названія монетъ употребительныхъ?"

Сіе отступленіе имѣетъ существенную связь съ моимъ предметомъ. Какъ разныя монеты въ западной Европѣ считались на *фунты* и *марки*; такъ въ Богеміи и въ Польшѣ количества денаровъ (пѣнязей) и грошей измѣрялись *гривнами*, а въ Литвѣ и нынѣшней Великой Россіи извѣстныя тогда монеты раскладываемы были сверхъ того еще и на *рубли*. Такимъ образомъ говорили: *гривна* грошей, *гривна* кунъ; *рубль* грошей, *рубль* денегъ:
~~~~~~~~~~~~

За нѣсколько передъ симъ лѣтъ я старался объяснить происхожденіе *гривны* близкимъ сродствомъ слова сего съ *гривою* и *загривкомъ* (*), Послѣ того вѣроятность заключенія съ моей стороны подтверждена была нѣкоторыми другими доводами, и свидѣтельствомъ Аббата Добровскаго, общаго наставника нашего въ изслѣдованіи Славянскихъ нарѣчій (**): Именемъ гривны, извѣстнаго украшенія, когда и по какому случаю стали называть опредѣленное количество дорогихъ металловъ — Исторія необъявляетъ. Знаемъ только, что наша *гривна* соотвѣтствовала Нѣмецкой *маркѣ* (***).

Замѣтимъ прежде всего, что *марка* (Mark, Marca) есть собственно *знакъ*, или

(*) См. *Разысканія по поводу золотой медали* (найденной въ Черниговѣ) В. Е. 1822 No 6, стран. 49.

(**) В. Е. 1822 No 15, стран. 181, въ примѣчаніи.

(***) На примѣръ: Воръ по Русскимъ законамъ платилъ *три гривны*, а по Датскимъ *три марки*. Пеня за убіеніе людина состояла у насъ изъ 40 *гривенъ*, а въ Швеціи изъ 40 *марокъ*. И. Г. Р. Т. II, прим. 78. Такимъ же образомъ и въ договорѣ между Смоленскимъ Княземъ Мстиславомъ и городомъ Ригою сколько *гривенъ* полагается взыскивать за обиды съ Нѣмцевъ въ Смоленскѣ, именно столько же и съ Русскихъ людей въ Ригѣ. Собр. Госуд. Грам. Т. II.

граница, опредѣляющая извѣстный, установленный *вѣсъ* или *мѣру*. На горныхъ заводахъ ею изстари означали количество дорогихъ металловъ, и *марка* состояла изъ 8 унцій, или 16 лотовъ. Если говорено было о *маркѣ* золота, или серебра; то обыкновенно разумѣли количество монетъ золотыхъ или серебряныхъ, какое могло быть выбито изъ марки — или другими словами: маркою называли такое количество монетъ одинакихъ, въ которомъ вѣсу было 8 унцій. Сей способъ считать перешелъ изъ горныхъ заводовъ къ монетчикамъ, быть можетъ, по той причинѣ, что монетныя фабрики были учреждаемы большею частію при самыхъ рудникахъ, или же по тому что мастера должны были на сей вѣсъ покупать куски серебра и золота. Мало помалу въ послѣдствіи времени *марка* измѣнилась въ своемъ значеніи: изъ *вѣса* она превратилась въ *числительную монету* — такъ было и съ фунтомъ. Впрочемъ, цѣнность марки въ разныхъ странахъ и по разнымъ причинамъ была неодинакова. Невходя въ подробности, замѣтимъ только, что одной марки *чистаго* серебра не льзя было приобрѣсть за количество монетъ, хотя и 8 унцій имѣющихъ съ себѣ вѣсу, но сдѣланныхъ изъ *нечистаго* металла. Чѣмъ больше примѣси въ

извѣстномъ ихъ количествѣ, тѣмъ менѣе внутренняго достоинства: отсюда разность между маркою *чистаго* серебра и маркою же ходячей монеты — разность исторически видная въ Германіи при Императорѣ Фридерикѣ I (*).

Употребленіе марки, подъ именемъ *гривны*, замѣчено въ памятникахъ Богемскихъ (Hrziwna), Польскихъ (Grzywna) и Русскихъ: заключить слѣдуетъ, что вѣсъ етотъ былъ извѣстенъ и прочимъ Славянамъ. Въ трактатѣ Чацкаго о Литовскихъ и Польскихъ законахъ приводятся свидѣтельства изъ Гельмольда, также изъ Магдебургскаго права о бытіи Славянской *гривны* (**). О маркѣ, или гривнѣ Богемской упоминается въ первой разъ у Козмы Пражскаго подъ 1037 годомъ, когда лѣтописецъ повѣствуетъ о подняліи тѣла Святаго Адалберта въ Польскомъ городѣ Гнѣзнѣ, въ присутствіи Богемскаго Князя Бретислава, при чемъ Богемцы возложили на олтарь 200 марокъ — и замѣчательно, что около сего же времени начали считать на

(*) Шлегель въ сочиненіи *De antiquis nummis* (изд. 1725, стран. 44) приводитъ слова изъ одного документа 1168 года, гдѣ упоминается о сей разности.

(**) Въ Магдебургскомъ правѣ сказано: Marcha *Slavonica* habet duodecim solidos.

марки у Франковъ и у Нѣмцевъ (*). Въ 1053 году, по свидѣтельству того же Козмы Пражскаго, отданы обратно завоеванные города Польши на условіи получать отъ нихъ ежегодной дани по 500 марокъ *серебра* и по 30 марокъ золота. Но употребленіе счета марками оставалось только при большихъ суммахъ; малыя же считались, къ концу XIII вѣка, на *четверти* марки (fertones) и на *солиды* денаровъ или пфеннинговъ. Въ XIV столѣтіи гроши считались на гривны и на *шестидесятки* (**), а пенези (пфенниги) на фунты и на гроши. Фойхтъ приводитъ именно, въ какихъ случаяхъ употребительны были *гривны грошей и гривны серебра*, какъ назывались различныя гривны и по скольку грошей въ себѣ содержали (по 60, 64, 66 и 72, а другія по 56, даже по 48).

Въ Польшѣ гривна (marca) является въ началѣ XII вѣка. Въ собраніи документовъ о фундушахъ монастыря Тынецкаго находится распоряженіе Папскаго Легата Егидія,

---

(*) См. на Нѣмецкомъ языкѣ Описаніе Богемскихъ монетъ, соч. Фойхта, Т. II, стран. 26.

(**) Schocken. Schock тоже что Богемская *копа*, упоминаемая также въ Литовскомъ Статутѣ, очень извѣстная и нашимъ Малороссіянамъ.

Епіскопа Тускуланскаго, относящееся къ 1125 году, слѣдственно ко времени Болеслава Кривоустаго: тамъ сказано, что за убитаго человѣка должно платить 12 *гривенъ серебра* (*). Вообще въ историческихъ памятникахъ Польши, начиная съ *двѣнадцатаго* вѣка, безпрестанно встрѣчается счетъ на марки, т. е. на гривны. Какъ вѣсъ, въ Польшѣ была употребительна гривна двоякая изъ числа внѣшнихъ: Пражская и Колонская; первая вошла при Королѣ Венцеславѣ, вторая принята была послѣ, по причинѣ всеобщаго употребленія оной на монетныхъ фабрикахъ въ Германіи. Сверхъ того писатели упоминаютъ еще о гривнѣ собственно Польской. Числительная гривна постоянно заключала въ себѣ 48 грошей. Счетъ на гривны продолжался до Сигизмунда III; но судебныя пени считались ими до 1788 года. Замѣтимъ, что въ Мазовіи существовали свои гривны до 1526 года, то есть до присоединенія Княжества сего къ Польскому Королевству. Теперь на монетномъ дворѣ въ Польскомъ Царствѣ серебро взвѣшивается гривнами же (Колонскаго вѣса).

(*) Duodecim marcas argenti pro occiso homine solvendas. *Чацкій*, Ч. I, стр. 154.

Неупоминаемъ о гривнѣ Литовской, какъ о вѣсѣ позднѣйшаго происхожденія.

Имя *гривны* встрѣчается у насъ подъ 971 годомъ — именно въ такое время, когда у сосѣдей нашихъ еще не было и слуха ни о маркахъ, ни о гривнахъ! Въ бытность Святослава на зимовкѣ въ Бѣлобережьи, по случаю великаго глада, продавалась „*глава конягa*“ какъ говоритъ Лѣтописецъ „*по полугривнѣ*.“ Въ Исторіи Государства Россійскаго симъ словамъ приписанъ тотъ смыслъ, что Россіяне „давали полгривны за лошадиную голову (*),“ между тѣмъ какъ всякій безпристрастный читатель согласится съ нами; что писавшій Лѣтопись разумѣлъ тутъ не одну *голову* лошадиную, а *цѣлую лошадь*. Скотину во многихъ мѣстахъ и теперь считаютъ головами, говоря, на примѣръ: стадо состоитъ изо *ста головъ*. — Въ 980 году Варяги, помогавшіе Владиміру овладѣть Роднею и умертвить Ярополка, требовали отъ своего предводителя, чтобы взятъ былъ съ жителей окупъ, по *двѣ гривны* отъ человѣка (ужасная контрибуція для городка незначительнаго!). Владиміръ велѣлъ имъ подождать

(*) Изд. 2, Т. I, стран. 193.

мѣсяцъ, пока соберутъ для нихъ *куны*. Важная встрѣча! Здѣсь *куны* употреблены вообще въ смыслѣ денегъ, или ходячей монеты; но объ нихъ мы будемъ говорить за симъ непосредственно: судьба ихъ тѣсно соединена съ именемъ и значеніемъ гривны. И здѣсь не можемъ не повторить, что сребролюбивые Варяги требовали отъ Владиміра гривенъ (какихъ-бы ни было) въ такое время, когда объ нихъ еще не вѣдали народы, отъ которыхъ мы переняли способъ считать гривнами! Задолго до Русской Правды, много разъ упоминается о гривнахъ и о кунахъ. По смыслу видно, что послѣднія значили не только вообще деньги, но и еще *какую-то монету* — тамъ на примѣръ, гдѣ говорится въ Лѣтописи, что Новогородцы, передъ походомъ противъ Святополка, начавши сбирати *скотъ*, требовали отъ мужа по *четыре куны*, а отъ старостъ по *десяти гривенъ* и проч. Здѣсь мы не находимъ: какихъ именно гривенъ? Карамзинъ пишетъ, что ни въ Русской Правдѣ, ни въ Несторовой Лѣтописи нѣтъ слова о гривнахъ *серебра* (*). Пускай такъ; однакожь въ Договорѣ между Мстиславомъ Давидовичемъ и Ригою пени считаются точно *гривнами*

(*) Тамъ же примѣч. 527.

серебра, и (что̀ весьма любопытно для насъ и важно) тамъже упоминаются куны, векши и ногаты, — а сохранившійся *подлинникъ* сего договора (1229 г.) старѣе всѣхъ *списковъ* и Русской Правды и Лѣтописей.

(Будетъ продолженіе.)

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

1.

Подражаніе Псалму LV.

Враги противъ меня возстали!
Господь! пребудь же въ дни печали
Ты мнѣ заступникъ и покровъ!
Пусть Филистимлянинъ надменный,
Своею злобой ослѣпленный,
Мнѣ строитъ ухищренья ковъ. . .

*

Но устрашусь ли поруганья?
Святаго полный упованья,
Я къ Богу сильному притекъ:
Его всемощные глаголы
Сомкнутъ отверзтый зѣвъ крамолы —
И что̀ возможетъ человѣкъ? . . .

*

Моей души повсюду ищетъ
Коварный врагъ, который рыщетъ
Путями тайными за мной
Съ ожесточеньемъ и хулою. . . . .
Но Ты речешь — и предъ Тобою
Падетъ безумцевъ гордый строй! . . .

*

О мой Творецъ непостижимый!
Теперь, когда врагомъ гонимый,
Я жду, что̀ скажетъ неба судъ:
Ты не отвергъ мои моленья,
Ты принялъ слезы умиленья
Въ Твой милосердія сосудъ! . . .

*

Бѣги же вспять, о врагъ презрѣнный!
Бронею вѣры ополченный —
Неубоюсь твоихъ сѣтей!
Творцу да возгремятъ тимпаны
И велегласные органы
Хваленія души моей! . . .

*

Онъ спасъ ее отъ смертной ночи!
Отъ слезъ мои избавилъ очи,
Усиля крѣпость ногъ моихъ;
Да неколеблемой стопою,
Предъ правдою Его святою —
Хожу во свѣтѣ я живыхъ!

И. Борозднa.

25 Января
1823 года.
Москва.

2.

Къ А. А. Туманскому.

(Отвѣтъ на письмо.)

Mes voeux ne passent point mon champêtre domaine!

Lamartine.

Ты правъ, мой другъ: они осуществились,
Обворожительные сны
Моей незнаемой весны!
И съ ними вмѣстѣ совершились
Давнишнія мольбы души моей
И упованья лучшихъ дней!

Разставшися съ тобой, я тяжкую тревогу
Мучительныхъ желаній претерпѣлъ:
Я долженъ былъ избрать себѣ дорогу;
Но долго ввѣриться Каменамъ я несмѣлъ. . . .
Блистательной столицы житель
И суеты благотворитель,
Ужь я плѣняться начиналъ
Приманками большаго свѣта. . . .
И счастливъ, что его заранѣ промѣнялъ
На долю мирную поэта!
Тогда, повѣрь, нельстили мнѣ
Ни громкіе чины, ни славы блескъ наружный!
Загадку счастія постигнулъ я вполнѣ,
И мнилъ: они для счастія не нужны!

Услыша Музы тайный зовъ;
Влекомъ любви томительной тоскою,
Воспламененною душою
Я ожилъ наконецъ въ странѣ моихъ отцовъ!
Здѣсь вновь узналъ полуденной природы
Знакомыя давно мнѣ чудеса:
Здѣсь безтуманныя яснѣли небеса,
Струились радостно моей Пенейки воды (*),
И гостя своего на свѣтлый пиръ свободы —
Манили древніе лѣса! . . .
Средь сельскаго уединенья,
Отбросивши яремъ неволи городской,
Животворительной мечтой
Я врачевалъ любви мученья!
Мой другъ! тебѣ не чуждъ сердечный плѣнъ!
И ты, колѣнопреклоненъ,
Молился своему кумиру;
И ты задумчивую лѵру
Любви восторгамъ посвящалъ!

Но небезплодно я страдалъ!
Промчался срокъ, назначенный судьбою;
Съ моей подругою младою
Она соединила насъ. . .
И вѣрь, съ тѣхъ поръ мнѣ каждый часъ,
Съ тѣхъ поръ мнѣ каждое мгновенье
Есть новое для сердца наслажденье!

(*) Рѣка въ селѣ Автора.

Здѣсь, чуждые мятежныхъ свѣта бурь,
До сей поры мы рокъ благословляли;
Здѣсь полдня нашего спокойная лазурь
Неттмится облакомъ печали!
Знай: я нашелъ въ безвѣстной здѣсь тиши
Самодовольствіе души,
Сіе сокровище святое,
Небесное, а не земное!
И непрельстятъ меня благъ міра красоты!
Нѣтъ, отческихъ полей свободный обитатель,
Падетъ ли Музы обожатель
Предъ истуканомъ суеты? . .
Такъ! всеблагое Провидѣнье
Мнѣ лучшее судило назначенье!

Средь усладительныхъ трудовъ
Пренебрегаю я пустое лепетанье
Ничтожной клеветы. Мое очарованье
Творенья геніевъ, рожденныхъ для вѣковъ;
И пѣсни звучныя угрюмаго Байрона,
И Мура свѣтлыя мечты,
И лира Пушкина, который съ Геликона
Принесъ въ обитель Музъ столь пышные цвѣты!
О! сколько разъ властительнаго Феба
Смиренно я за то благодарилъ,
Что съ Олvмпическаго неба
Лучь новыхъ сихъ Поезіи свѣтилъ
Осіявалъ мой путь тернистый,
Какъ вдохновенья пламень чистый! . . .

Но часто, въ прошлое мечтою углубленъ,
Я юности моей перебѣгаю лѣта;
Я помню, какъ съ тобой былъ случаемъ сведенъ—
И полюбилъ въ тебѣ Поэта!
Мысль о тебѣ съ тѣхъ поръ слилася навсегда
Съ моими лучшими мечтами!
Могу ли позабыть тѣ вечера, когда
Своими стройными стихами
Меня ты дружески плѣнялъ,
И нашъ товарищъ рѣзвый, милой (*),
Недавно въ цвѣтѣ лѣтъ похищенный могилой,
Восторги наши раздѣлялъ!

Я съ непритворнымъ восхищеньемъ
Прочелъ твое письмо. Ты въ пламенныхъ строкахъ
Меня обрадовалъ мечтой о прошлыхъ дняхъ
И давней дружбы обновленьемъ!
Неусумнись и ты въ моей!
Пускай порукой будутъ въ ней
Намъ благосклонныя Хариты!
А я, подъ кровлею родной,
Нетерпѣливо жду тебя, товарищъ мой,
Въ приютъ незнаемый и отъ суетъ укрытый!..

И. Бороздна.

Сентября 4
1826 года
С. Медведовъ.

(*) Ѳ. Н. Рубецъ, незабвенный мой одноземецъ.

3.

Рыбакъ, Малороссійская Баллада.

(Изъ Гете.)

(Всякому счастливому произведенію истиннаго таланта желаемъ такого успѣха, какой имѣлъ *Твердовскій* (*). Безъ предварительныхъ внушеній, безъ посредства слишкомъ уже извѣстныхъ способовъ втираться въ храмъ славы, Баллада любезнаго нашего Поэта въ короткое время была напечатана *три раза.* Слышно впрочемъ, что между благосклонными читателями стихотвореній Малороссійскихъ есть и неблагосклонные къ сему нарѣчію — хранящемуся въ устахъ пяти милліоновъ соотчичей нашихъ и по многимъ отношеніямъ драгоцѣнному для Славянскаго филолога. Несговорчивыхъ мудрено переувѣрить; но для другихъ мы сошлемся на *Аллеманскія* стихотворенія покойнаго *Гебеля*, съ любопытствомъ и наслажденіемъ читаемыя во всѣхъ государствахъ Германіи, частію напечатанныя и у насъ рядомъ съ нѣкоторыми изъ прекрасныхъ переводовъ В. А. Жуковскаго (**). Кажется,

(*) См. В. Е 1827, No 6, стран. 121 — 129.
(**) См. его Für Wenige. Для немногихъ. М. 1818.

позволено просить снисхожденія къ нарѣчію многочисленныхъ однородцевъ, соотечественниковъ и сограждань *нашихъ*, снисхожденія, подобнаго тому, какое оказываютъ Нѣмцы къ остаткамъ языка, уцѣлѣвшимъ въ одномъ уголкѣ прежней Швабіи.

Почтенный Поетъ, упомянувъ о нѣкоторыхъ особливыхъ побужденіяхъ, заставившихъ его передать на родномъ языкѣ (*) своемъ Гетеву Балладу, говоритъ далѣе въ обязательномъ письмѣ къ Редактору, что между прочимъ и по влеченію любопытства захотѣлъ онъ *попробовать*: не льзя ли на Малороссійскомъ языкѣ передать чувства нѣжныя, благородныя, возвышенныя, не заставляя читателя или слушателя смѣяться, какъ отъ Енеиды Котляревскаго и отъ другихъ съ тою же цѣлію писанныхъ стихотвореній? Указывая далѣе на нѣкоторыя народныя пѣсни Малороссійскія, на пѣсни самыя нѣжныя, самыя трогательныя, онъ, съ благородною неувѣренностію въ успѣхѣ, выдаетъ Балладу

(*) «На языкѣ, почти уже *забытомъ мною*» пишетъ онъ къ Редактору. Прекрасно! Многіе изъ громкихъ словесниковъ право неостались бы въ накладѣ, промѣнявши всѣ сокровища памяти своей на подобную забывчивость. *Р д р ъ.*

свою единственно какъ простой *опытъ*. Судьба сего стихотворенія будетъ рѣшена знатоками и любителями Малороссійскаго слова. Намъ остается только поставить на видъ одно обстоятельство: какъ въ *Твердовскомъ* выдержанъ сочинителемъ тонъ *мужеско-гайдамацкій*, такъ здѣсь принятъ имъ *женскій Малороссійскій* способъ объясненія.

Еще нѣсколько словъ. Для полнаго удовольствія любителей (и охотниковъ сравнивать) слѣдовало бы приложить здѣсь и подлинную балладу знаменитаго Гете, и переводъ въ стихахъ В. А. Жуковскаго; но предѣлы Журнала на сей разъ недозволяютъ намъ услужить читателямъ такимъ удобствомъ, которое можно имѣть другимъ образомъ, самымъ легкимъ: *Рыбакъ* Жуковскаго знакомъ всякому, а подлинникъ г-на Гете и переводъ прозою Ѳ. В. Булгарина найдутъ любопытные во 122 нумерѣ Сѣверной Пчелы, недавно читанномъ ими. *Рдръ.*)

Вода шумы́ть! . . . вода гуля́;
На бе́рези *рыбалка* молоде́нькый
На по́плавець гляды́ть и промовля́:
Лови́цця, ры́бочкы, велы́ки и, мале́ньки!

*

Що рыбка смыкъ, — то серце тiохъ! . . .
Серденько щось *рыбалочци* вищуе:
Чыто тугу, чыто переполохъ,
Чыто коханнячко? . . . не зна винъ, - а сумуе! . .

*

Сумуе винъ, — ажъ ось реве;
Ажъ ось гуде — и хвыля утикае! . . . .
Ажъ гулькъ! . . . зъ воды дивчыонька плыве;
И косу счисуе, и бривками моргае! . . . .

*

Вона морга, вона - й - спива:
«Гей! гей! не надь, *рыбалко* молоденькый,
«На зрадный гакъ ни щукы, ни лына!
«На що ты нивечышъ мiй ридъ и плидъ любенькый?

*

«Колыбъ ты знавъ, якъ *рыбалкамъ*
«У мори жыть изъ рыбкамы гарненько,
«Тыбъ самъ пирнувъ на дно къ лынамъ;
»И парубоцьксе оддавъ бы намъ серденько!

*

«Тыжъ бачывъ самъ, — не скажешъ: ни —
«Якъ сонечко и мисяць червоненькый,
«Хлюпощуцця у насъ въ води на дни,
«И изъ воды на свитъ выходять веселеньки!

*

«Тыжъ бачывъ самъ, якъ въ темну ничъ,
«Блыщять у насъ зиронькы пидъ водою:

«Ходыжъ до насъ, покынь ты ўдку причъ! . . .
«Зо мно́ю будешъ жыть, — якъ братъ жывѐ зъ
сестрòю!

*

«Зырны̀ сюда!... чы се́жъ водà? . . .
«Се двѐркало : глянь на своѝ урòду! . . .
«Ой я не зъ ты̀мъ прыйшлà сюдá,
«Щобъ намовля́ть зъ воды̀ на пàрубка невзгòду.»

*

Вода шумы̀ть, вода гудѐ. . . . .
И ни́женькы по кѝсточкы займàе! . . .
Рыбàлка вставъ, *рыбàлка* йдѐ,
То спы́ныцця, то вплать все глы́бшенько пирнае! . .

*

Вонàжъ моргà, вонà - й - спивà. . . .
Гулькъ! . . . пры́снулы на сы́нимъ мóри скáлкы! . .
Ры́балка хлюпъ! . . . за ны́мъ шубóвсть вонá! . . .
И би́льше вже нигдѐ не бáчылы *рыбàлкы*! . . . .

— й —

27 Окт.
1827.

СМѢСЬ.

О знамени Димитрія Іоанновича Донскаго.

Майоръ Челищевъ имѣлъ счастіе поднести Государю Императору знамя, найденное на Куликовомъ полѣ, принадлежавшее Великому Князю Димитрію Іоанновичу Донскому — то самое, которое въ день сраженія съ Мамаемъ носилъ извѣстный Бренскій — нынѣ по Высочайшему повелѣнію присланное въ Москву для храненія въ Мастерской Оружейной Палатѣ съ прочими сокровищами древности. — Оно длиною 2 аршина, шириною арш. 6 вершковъ; сдѣлано изъ палеваго гродетуру; на немъ изображено золотомъ: кругъ изъ виноградныхъ вѣтвей; въ срединѣ онаго образъ Спаса Нерукотворенпаго, на вѣнцѣ котораго надпись: О. ѾN. Н., а внѣ вѣнца *IΣ: XΣ.*; держатъ сей образъ Архангелы Михаилъ и Гавріилъ, имена коихъ надъ каждымъ надписаны бѣлою краскою, уже полинявшею; внизу изображенія Спаса представлены лики Святыхъ: по правую сторону Св.

Михаила съ поднятыми вверхъ руками; а по лѣвую впереди Св. Георгій, позади его Преподобный Сергій (*); надъ сими тремя Святыми также находятся имена ихъ, написанныя бѣлою краскою. — Вверху знамени изображено по одной золотой осмиугольной звѣздѣ на каждомъ углу, а немного пониже ихъ по одной же пятиугольной звѣздѣ фіолетоваго цвѣта, на подобіе цвѣтка незабудочки; внизу же знамени на четверть отъ края изображено по одной же золотой осмиугольной звѣздочкѣ, и онѣ поменьше верхнихъ; — всѣ сіи изображенія сдѣланы на обѣ стороны. — Цвѣтъ матеріи весьма измѣнился; однако можно достовѣрно заключить, что она была палевая.

Д. З.

1827 г.
Москва.

(*) Безъ сомнѣнія не Родонежскій, которой самъ былъ современникомъ Донскаго. *Рдръ.*

Изъ Тифлиса (*).

Отъ 14 Октября 1827.

Высокоторжественный день рожденія Ея Величества Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ ознаменованъ былъ въ Тифлисѣ празднествомъ, до сего времени необыкновеннымъ въ здѣшнемъ краѣ.

Господинъ Тифлисскій Военный Губернаторъ, Генералъ - Адьютантъ Сипягинъ, желая содѣлать день сей болѣе радостнымъ для бѣдныхъ жителей Тифлиса, приказалъ объявить имъ, что по отслушаніи Божественной литургіи и молебствія о здравіи Ея Императорскаго Величества, будутъ они, дѣти ихъ и сироты обоего пола на Царской площади, противу дома его, угощаемы обѣденнымъ столомъ.

Столь новое — въ день рожденія неусыпной Покровительницы бѣдныхъ, сирыхъ и немощныхъ приличное — празднество, съ утра уже призвало на площадь любопытныхъ зрителей и всѣхъ находящихся въ Тифлисѣ аманатовъ, — залогъ вѣрности племенъ разнородныхъ. Сіи послѣдніе, бывъ приглашены также къ особенно для нихъ

(*) Почтенные корреспонденты обѣщаются изъ разныхъ мѣстъ доставлять къ намъ подобныя извѣстія о достопамятныхъ происшествіяхъ. *Ред.*

устроенному столу, съ большимъ удивленіемъ смотрѣли на бывшій тогда парадъ и слушали музыку, звуки которой всегда доставляютъ имъ неизъяснимое удовольствіе.

По окончаніи божественной литургіи и молебствія, совершеннаго Высокопреосвященнымъ Іоною, Екзархомъ Грузіи, при чемъ, во время пѣнія многолѣтія всему Императорскому Дому, производилась пушечная пальба изъ крѣпости, — слишкомъ пять сотъ человѣкъ бѣдныхъ и дѣтей обоего пола явились на царской площади, гдѣ для угощенія ихъ поставлены были уже столы. — Когда все было готово къ обѣду, Генералъ-Адьютантъ Сипягинъ, находясь самъ на площади, предложилъ имъ садиться. Наблюдая, чтобы всѣ бѣдные и дѣти ихъ въ совершенномъ порядкѣ заняли приготовленныя для нихъ мѣста, Его Превосходительство не переставалъ обходить столы и, какъ попечительный хозяинъ, изъявлялъ заботливость свою о томъ, чтобы всѣ они угощаемы были равнымъ образомъ. — Музыка, хоръ пѣвчихъ и веселое расположеніе жителей, обрадованныхъ не задолго предъ симъ полученнымъ извѣстіемъ о взятіи Еривани, оживотворили сей народный праздникъ, — небывалый еще въ странѣ Закавказской. — Угощаемые виномъ, они съ особеннымъ удовольствіемъ пили за здравіе ГОСУДАРЯ

ИМПЕРАТОРА и непобѣдимаго Россійскаго воинства.

Аманаты — слишкомъ 60 человѣкъ — по Азіятскому обычаю, на разостланныхъ коврахъ имѣли роскошный столъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. — Зрѣлище чрезвычайное, требующее кисти художника или пера поэта для точнаго его изображенія.

Обѣдъ продолжался слишкомъ полтора часа. Веселость ни на минуту не оставляла гостей, восхищенныхъ ласковымъ обращеніемъ съ ними заботливаго хозяина, который и въ семъ случаѣ неоставилъ войти въ положеніе многихъ бѣдныхъ.

Предъ окончаніемъ обѣда Г. Генералъ-Адьютантъ Сипягинъ приказалъ раздать всѣмъ бѣднымъ, имѣющимъ нужду въ подаяніи, денежное награжденіе. Громкіе звуки музыки не могли заглушить благодарности жителей и мольбы ихъ о здравіи Высокой Виновницы торжества, всегдашней Покровительницы несчастныхъ.

Послѣ сего приглашены были къ столу Г. Военнаго Губернатора Высокопреосвященный Екзархъ Грузіи, знатнѣйшее духовенство, военные и гражданскіе чиновники и почетнѣйшее купечество. — День сей былъ сопровождаемъ общимъ веселіемъ, общими мольбами о долгоденствіи Матери всѣми обожаемаго Монарха. При питіи

за здоровье Государя Императора, Ихъ Императорскихъ Величествъ и всего Императорскаго Дома, а за симъ Г-на корпуснаго Командира храбраго Россійскаго воинства и всѣхъ участвующихъ при взятіи Еривани производилась пушечная пальба.

Вечеромъ было многолюдное гулянье въ саду Г. Главнокомандующаго Грузіею, гдѣ неумолкаемая музыка и хоръ пѣвчихъ доставили гуляющимъ неизъяснимое удовольствіе. Въ продолженіе всего дня погода совершенно благопріятствовала общей веселости. Въ сей вечеръ не только весь городъ, но и окрестныя горы Тифлиса были иллюминованы.

Р — ій.

Политическія и другія происшествія.

Португаллія.

Въ повелѣніи Короля Донъ Педра IV, полученномъ изъ Ріо-де-Жанейро 8го Октября (н. с.), касательно наименованія Инфанта Дона Мигуеля Правителемъ Португальскимъ, сказано между прочимъ, что «зная прозорливость, дѣятельность и твердость характера Инфанта Дона Мигуеля, Его Величество счелъ заблаго наименовать его Намѣстникомъ своимъ и передать ему всѣ пра-

ва, принадлежащія Королю Португальскому и Алгаврскому, какъ оныя постановлены хартіею, съ тѣмъ чтобы онъ, согласно съ сею хартіею, управлялъ Королевствами.» Повелѣніе подписано 3 Іюня 1827.

Испанія.

Шайки мятежниковъ покоряются. По извѣстіямъ изъ Каталоніи, въ Придворной Газетѣ предвѣщаютъ близкій конецъ возстанію. Между тѣмъ гвардейскіе кирасиры, гренадеры и артиллерія 19 Октября (н. с.) собирались выступить въ упомянутую провинцію; а Егери выходятъ на границу Аррагонскую для сохраненія тамъ порядка. Расположенная въ окрестностяхъ Гвадалахары резервная дивизія также получила повелѣніе подвинуться впередъ. Государственный и Кастильскій Совѣты собираются ежедневно.

— Е. В-во Король опредѣлилъ уничтожить нѣкоторые монастыри, и между прочими монастырь Монсерратскій, главное гнѣздилище нынѣшнихъ мятежниковъ.

Франція.

О войнѣ съ Алжирцами неслышно никакихъ подробностей. Въ одномъ журналѣ сказано слѣдующее: «Купечество порадуется, узнавши, что правительство наше намѣрено прекратить морское грабительство и уничтожить опасенія отъ

Алжирскихъ корсаровъ. Морскіе посты, какъ слышно, будутъ усилены для совершеннаго обезпеченія торговыхъ кораблей. Также говорятъ, что Маршалъ Герцогъ Рагузскій наименованъ Главнокомандующимъ надъ корпусомъ въ 20,000 человѣкъ, назначеннымъ для высадки въ Алжирѣ.»

— По случаю немощи Графа Корбьера, который страждетъ болѣзнію въ почкахъ, Король поручилъ Министерство Внутреннихъ дѣлъ Министру Финансовъ, Графу Виллелю.

— Октября 22 го (н. с.) Графъ Каподистрія отправился изъ Парижа въ Марсель.

Германія.

Е. В. Императоръ Австрійскій наименовалъ Инфанта Дона Мигуеля Шефомъ полка, бывшаго подъ командою Барона Дуки.

— Ея В-во Королева Саксонская скончалась въ Лейпцигѣ 7 го Ноября (н. с.) въ слѣдствіе горячки, съ которою послѣ соединилась водяная въ груди.

Англія.

Изъ Вѣны получены были 26 Октября (н. с.) важныя депеши, по прочтеніи коихъ Князь Естергази имѣлъ конференцію съ Графомъ Дудлеемъ. Переговоры о возвращеніи Дона Мигуеля въ Лиссабонъ продолжались весьма успѣшно. Инфантъ, на пути въ Португаллію, посѣтитъ Лондонъ.

— Извѣстный филеллинъ Блакіеръ въ письмѣ къ Издателю Газеты Times подробно доказываетъ, что мнимое покореніе Грековъ Ливадійскихъ было не что иное, какъ уловка со стороны Турковъ, въ противность благонамѣренному посредничеству соединенныхъ Державъ въ пользу Грековъ.

Турція.

Ибрагимъ Паша, обѣщавшись Кодрингтону и Адмиралу Риньи непредпринимать ничего, до полученія ожидаемыхъ имъ повелѣній изъ Константинополя и Александріи, 8 Октября нарушилъ данное слово, и былъ принужденъ возвратиться въ Наваринъ со всѣмъ своимъ флотомъ. 13 Октября Россійская ескадра подъ начальствомъ Контръ-Адмирала Графа Гейдена присоединилась къ Англійской и Французской передъ Навариномъ, и союзные вожди вознамѣрились 20 Октября войти въ самый портъ Наваринскій. Оттоманы построились въ боевой порядокъ. Между тѣмъ Кодрингтонъ отправилъ къ Ибрагиму - Пашѣ Лейтенанта Фицъ-Роя, съ тѣмъ чтобы заключить предложенное ему перемиріе. Парламентеръ сей былъ убитъ ружейными выстрѣлами съ корабля Египетскаго. Сраженіе сдѣлалось всеобщимъ, и цѣлые четыре часа безпрестанно продолжалась канонада. Оттоманскіе корабли одинъ за другимъ взлетали на воздухъ. Къ вечеру Турецко-Египетскій флотъ былъ

почти совершенно уничтожень, (Въ С. Петербургскихъ газетахъ напечатаны о семъ подробныя извѣстія, полученныя тамъ съ ештафетою изъ Флоренціи.)

— Подтверждается извѣстіе, что 30 го Сентября небольшая Греческая ескадра, подъ начальствомъ Капитана Гастингса, напала на находившіеся въ Лепантскомъ заливѣ 6 Турецкихъ кораблей, сожгла 5, а шестой изъ нихъ погрузила на дно. На флотѣ Лорда Кокрена находятся Міаули, Канари, Схини, Кріесси, Панагіоти и пр. Лордъ Кокренъ издалъ прокламацію къ Албанцамъ. Жители острова Хіоса намѣрены отложиться отъ владычества Порты. Они пригласили Полковника Фавье подать имъ помощь съ 800 человѣкъ образованнаго имъ регулярнаго войска и предварительно собрали для сего подпискою 1200 піастровъ.

Краткія выписки, извѣстія и замѣчанія.

По случаю бывшаго въ 3 день Ноября (н. с.) заттмѣнія луны, въ заграничныхъ листкахъ разсуждали объ ожидаемыхъ *полныхъ* заттмѣніяхъ сего свѣтила, долженствующихъ воспослѣдовать въ 1830, 1834 и 1837 годахъ. Что же касается до солнечныхъ, несравненно болѣе важныхъ для наблюдателей, то значительнѣйшія изъ нихъ, хотя и *частныя*, обитателями нашего полушарія будутъ созерцаемы въ 1833, 1836 и 1842 годахъ — въ чаяніи достопамятнаго *кольцеобразнаго* заттмѣнія, столь нетерпѣливо ожидаемаго учеными (разумѣется, *молодыми*), которые готовятся наблюдать его въ 1847 году.

— Въ Парижѣ вышло новое твореніе: *Объ галстухахъ, или искусство повязывать косынку на шеѣ*. Въ предисловіи сказано: «Галстухъ не только предохраняетъ отъ простуды, отъ боли въ зубахъ, отъ поврежденія шеи и проч., но онъ есть вмѣстѣ и часть наряда, служащая отличительнымъ признакомъ того, кто его носитъ. Шейной платокъ на человѣкѣ съ геніемъ ни мало не походитъ на галстухъ обыкновеннаго человѣка. Сравнимъ ли галстухъ г-на *Огюста Гюса* съ галстухомъ г-на *Ламартина*, — мы тотчасъ увидимъ разницу между галстухомъ *классическимъ* и

романтическимъ. Если Бюффонъ рѣшился утверждать, что по стилю можно узнать человѣка; то и мы въ состояніи то же самое сказать о галстухѣ. Онъ — термометръ вкуса и воспитанія.» Авторъ предлагаетъ 32 способа повязывать платокъ на шеѣ. Людямъ мыслящимъ совѣтуетъ онъ держаться вязанія математическаго, а баловнямъ фортуны — восточнаго; повязывать *à la Byron* совѣтуетъ не каждому изъ поетовъ; Гордіевъ узелъ, по его мнѣнію, приличенъ агентамъ коммерческимъ; *cravatte à la Talma* идетъ единственно къ носящимъ трауръ, и проч. Почтенный сочинитель доказываетъ между прочимъ, что древніе Римляне, Греки, Персы, Египтяне носили на шеѣ нѣчто похожее на галстухъ. Книга его обогащена рисунками, служащими для объясненія текста.

— Древніе имѣли странный предразсудокъ, переданной намъ Плиніемъ и Виргиліемъ. Они думали, что ѳиміамъ излишнихъ похвалъ бываетъ иногда смертоносенъ для тѣхъ, передъ коими онъ воскуряется, и для спасенія несчастныхъ жертвъ ядовитаго ласкательства совѣтовали имъ употреблять одно вѣрное средство — возлагать на голову себѣ *вѣнокъ изъ колокольчиковъ* (названіе цвѣтка):

Aut, si ultra placitum laudârit, bacchare frontem
Cingite, ne vati noceat mala lingua. . .

Можно надѣяться, что благоразумные люди съ признательностію къ *древнимъ* воспользуются ихъ испытаннымъ лѣкарствомъ, и что вѣнкамъ лавровымъ, которые подносятся имъ отъ льстецовъ коварныхъ, или уже по самой меньшей мѣрѣ глупыхъ, предпочтутъ цѣлебный *вѣнокъ изъ колокольчиковъ*.

— Въ засѣданіи Академіи наукъ въ Парижѣ минувшаго Октября 15го (н. с.) Вильямъ Гершель, сынъ знаменитаго остронома, въ 1781 году открывшаго планету, которой дано его имя, представилъ Членамъ астрономическія свои наблюденія, сдѣланныя посредствомъ телескопа въ 20 фунтовъ длиною. Первой каталогъ, которой составлялъ онъ вмѣстѣ съ г-мъ Соутомъ, большею частію въ Пасси, содержитъ въ себѣ киличество 322 звѣздъ, двойныхъ и тройныхъ; во второмъ каталогѣ, теперь лишь доконченномъ, ихъ описано 295. Сіи новыя свѣтила удивительнымъ образомъ различаются между собою, не только величиною, но еще цвѣтомъ и даже формами. Есть звѣзды двойныя, тройныя, пятисложныя и шестисложныя; есть между ними бѣлыя, блѣдныя, желтыя, алыя, багряныя, свѣтлосинія и темносинія. Расположеніе многихъ представляется вовсе необычайнымъ. Такъ на примѣръ одна тройная звѣзда, представляющая собою равносторонній треугольникъ, находится въ центрѣ другой туманной и, какъ

она сама, окруженной атмосферою, которая простирается далѣе всѣхъ частей звѣзды, наиболѣе выдавшихся. Одна звѣзда шестеричная составлена изъ пяти свѣтилъ соединенныхъ, образующихъ полукружіе посреди шестаго свѣтила. Наконецъ ученый наблюдатель осмотрѣлъ одну звѣзду, лежащую въ центральной пустотѣ другой звѣзды большой, туманной и неправильной, которая представляется какъ бы раздѣленною на три части широкими трещинами, простирающимися отъ средины поверхности ея даже до края. За начало сихъ удивительныхъ открытій г-да Гершель и Соутъ получили въ прошломъ году награду отъ Академіи.

— Купечествующіе Армяне изъ Тифлиса донынѣ ежегодно пріѣзжали на ярмарку въ Лейпцигъ для закупки тамъ Англійскихъ товаровъ и Шленскихъ. Теперь, по совѣту г-на Гамбы, Французскаго Консула въ Грузіи, многіе изъ упомянутыхъ оптовыхъ торговцевъ располагаются побывать въ Парижѣ, Ліонѣ, Марсели и накупить въ сихъ мѣстахъ шелковыхъ матерій, фарфоровой посуды и другихъ произведеній Французской промышленности. Такимъ образомъ есть надежда къ установленію непосредственныхъ сношеній между Французскими купцами и Грузинскими Армянами. По всему видно, что у негоціантовъ Франціи лежитъ на сердцѣ прекрасной

шелкъ Имеретіи, Грузіи и Ширвана. Въ Парижскихъ листкахъ иногда разсуждаютъ о состояніи портовъ въ Мингреліи, о возможности плавать отъ Французскихъ береговъ прямо въ древнюю Колхиду, объ ускореніи хода цивилизаціи на Востокѣ; а главное тутъ, скажемъ и неошибемся, есть — *золотое* руно, для полученія котораго западные наши Язоны готовы летѣть на край свѣта.

— Англійскій журналъ *Times*, по поводу предполагаемаго канала между Лондономъ и Портсмутомъ, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Англія до того будетъ изрыта, что на ней неостанется земли; она будетъ островомъ только лишь по имени, точно какъ фунтъ стерлинговъ есть только лишь воображаемая монета; земли ея превратятся въ воду, равно какъ ея золото превращается въ бумагу: тогда существованіе наше будетъ довольно страннымъ. . .»

— Городъ Наваринъ, на которой обращено теперь вниманіе всего просвѣщеннаго міра, находится въ Европейской Турціи на полуостровѣ Мореи, къ сѣверу отъ Модона. Число жителей въ немъ простиралось да 3,000 душъ, между коими Турковъ было только 300. Домы, особливо же близкіе къ рейду, построены довольно хорошо; но улицы тѣсны, нечисты, по каче-

ству почвы неровны и гористы. Тамъ производилась значительная торговля, благоприятствуемая отличною удобностію гавани, обширнѣйшей изо всѣхъ въ цѣлой Мореи и, какъ увѣряютъ, могущей вмѣстить въ себѣ 2000 судовъ. Она состоитъ изъ пространной бухты, куда входъ защищается островомъ Спахтеріею, или Сфагіею, а къ сѣверу и къ сѣверовостоку цѣпью горъ высокихъ. Узкой проливъ, ведущій къ гавани, находится между материкомъ и островомъ. Отъ того рейдъ, будучи выгоднымъ для кораблей, вмѣстѣ служитъ для нихъ и безопаснымъ убѣжищемъ. Укрѣпленія Наварина состоятъ изъ 4 бастіоновъ и одной цитадели. Изъ памятниковъ древности заслуживаютъ нѣкоторое любопытство развалины огромнаго водопровода, остатки фонтана и нѣсколько мраморныхъ столбовъ, которыми поддерживается лицевая сторона большой мечети. Окрестности города, называемыя Наваринскою равниной, плодородны и хорошо возделаны.

— Ериванская область, находящаяся въ древней *Мидіи*, составляетъ теперь, вмѣстѣ съ Нахичеванью, *провинцію Иранъ* или *Персидскую Арменію.* Араксъ служитъ ей границею со стороны южной. Извѣстный путешественникъ *Олеарій* говоритъ объ ней, какъ объ одной изъ прекраснѣйшихъ и богатѣйшихъ провинцій во всей

Персіи. Уже и въ его время она славилась богатствомъ своихъ произведеній, особливо шелка и вина. Жители думаютъ, что въ ихъ странѣ праотецъ Ной началъ разводить виноградныя лозы. Подлѣ Еривани, главнаго города съ крѣпостью, недавно покоренною Россійскимъ оружіемъ, находится, какъ извѣстно, Ечміацинъ, славный Армянскій монастырь, мѣстопребываніе первенствующаго Патріарха.

— Съ нѣкотораго времени въ Лондонѣ играютъ піесы Французскія, а въ Парижѣ Англійскія, и по взаимной, впрочемъ весьма похвальной учтивости, тамъ въ Друриленскомъ театрѣ осыпаютъ рукоплесканіями Вольтера, а здѣсь въ Одеонѣ восхищаются Шекспиромъ. Справедливо, что романтическій сумбуръ не всѣмъ по сердцу; но кажется, всѣ довольны Англійскими актерами, и журналы не нахвалятся г-жею Смпсонъ, г-жею Футъ, г-ми Кембелемъ и Абботомъ. Британскимъ артистамъ очень хорошо въ Парижѣ, и они играютъ, такъ сказать, попеременно въ обѣихъ столицахъ. Кембеля смѣнилъ *Макриди*, одинъ изъ славныхъ трагиковъ Англіи. Пишутъ, что незамедлитъ явиться въ Парижѣ и самъ знаменитый *Кинъ*. Абботъ отмѣнно забавляетъ публику въ одной нарочно для него сочиненной Французской піесѣ (Anglais et Francais), искусно представляя ухватки отчаянныхъ франтовъ Лондона и

также странности неповоротливых толстяков, честныхъ торговцевъ, которые ничего кромѣ пива не пьютъ . . . изъ любви къ отечеству.

— Г-жа Каталани, которой, какъ кажется, очень нравится въ Стокгольмѣ, намѣрена тамъ дать еще одинъ концертъ, и отправиться въ Норвегію, а оттуда, чрезъ Готенбургъ, Копенгагенъ и Гамбургъ, во Францію.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о Журналахъ на 1828 й годъ, выдаваемыхъ отъ Московскаго Университета.

I.

Вѣстникъ европы, составляемый *Михаиломъ Каченовскимъ*, Профессоромъ Исторіи, Статистики и Географіи Россійскаго Государства, Докторомъ Философіи, Членомъ Императорской Россійской Академіи и другихъ Ученыхъ Обществъ.

Въ семъ Журналѣ будутъ помѣщаемы, какъ и прежде, изъ разныхъ изданій *переводимыя статьи*, соотвѣтствующія ожиданію благомыслящихъ любителей чтенія полезнаго и пріятнаго: впрочемъ не исключаются изъ него и Русскія сочиненія.

Положено, чтобы Вѣстникъ Европы преимущественно заключалъ въ себѣ Исторію и Статистику Имперіи Россійской, Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго (какъ предметы, которымъ Редакторъ особенно посвящаетъ свои труды по обязанностямъ службы и по части коихъ открылись для него весьма хорошіе источники), равнымъ образомъ древнюю и новую Словесность нашего и прочихъ Славянскихъ языковъ, дѣянія и обычаи народовъ, намъ соплеменныхъ. Отнынѣ съ бо́льшею ревностію будетъ обра-

щаемо вниманіе также на Ѳеорію Искусствъ Изящныхъ, на Историческія Науки вообще и на ученую Критику. Сверхъ того Редакторъ поставитъ себѣ долгомъ по мѣрѣ возможности сообщать Публикѣ достойныя любопытства свѣдѣнія о новыхъ произведеніяхъ извѣстнѣйшихъ писателей и о важныхъ явленіяхъ въ Литтературѣ Европы. На сей конецъ выписывается достаточное количество иностранныхъ и внутреннихъ періодическихъ изданій на разныхъ языкахъ, и предназначается немалая сумма на покупку книгъ новѣйшихъ, для извлеченія изъ нихъ того, что̀ будетъ признано за лучшее. При семъ Журналѣ будутъ прилагаемы гравированныя картинки, или, вмѣсто ихъ, оттиски съ нотами, чертежами, съ изображеніями людей знаменитыхъ, рѣдкихъ предметовъ натуры и искусства: ихъ находиться будетъ при годовомъ изданіи не менѣе шести, полагая по одной картинкѣ на каждую Часть Вѣстника Европы. Нумеръ или книжка будетъ состоять изъ разныхъ Отдѣленій, кои должны вмѣщать въ себѣ статьи приличнаго содержанія. Матеріи предназначаются слѣдующія:

I. **Изящная словесность.** (Рѣчи, повѣсти, разговоры, описанія, историческія сочиненія, отрывки, письма, характеры. При печатаніи стиховъ предположено наблюдать строгую разборчивость.)

II. Изящныя искусства, науки и литтература. (Сочиненія до Изящныхъ Искусствъ, до Свободныхъ и Словесныхъ наукъ относящіяся и содержащія съ себѣ розысканія, наблюденія, правила, или наконецъ критическія замѣчанія по предметамъ Словесности, Литтературы и Художествъ.)

III. Современная исторія. (Описанія происшествій важнѣйшихъ, посредственно или непосредственно относящихся къ нынѣшнему времени; разсужденія, замѣчанія, узаконенія, акты и проч.) При выборѣ статей для сего Отдѣленія предположено не упускать новостей занимательныхъ, но и не повторять, безъ особой нужды того, что помѣщено ужè въ другихъ изданіяхъ.

IV. Смѣсь. (Любопытные или забавные анекдоты, остроумныя изреченія, мысли и прочія мѣлкія сочиненія; записки, внутреннія и заграничныя извѣстія о политическихъ и другихъ происшествіяхъ; выписки, извѣстія и замѣчанія.) И въ семъ Отдѣленіи равнымъ образомъ предположено, пользуясь новѣйшими извѣстіями, избѣгать длинныхъ, утомительныхъ повтореній о событіяхъ, не влекущихъ за собою никакихъ послѣдствій историческихъ, а тѣмъ еще болѣе о маловажныхъ предметахъ. Впрочемъ статьи сего Журнала помѣщаемы будутъ въ такомъ порядкѣ, какой признàется удобнѣйшимъ при

составленіи каждой книжки. Въ мѣсяцъ выходитъ по *два* Нумера, не менѣе пяти листовъ печатныхъ къ каждомъ, четыре нумера составляютъ Часть, а шесть такихъ Частей годовое изданіе.

2.

НОВЫЙ МАГАЗИНЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ, ФИЗИКИ, ХИМІИ и ВООБЩЕ ВСѢХЪ СВѢДѢНІЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ, издаваемый Профессоромъ Ботаники и разныхъ Ученыхъ Обществъ Членомъ *Иваномъ Двигубскимъ.*

Въ семъ изданіи помѣщаемы будутъ:

1. Разсужденія о предметахъ, принадлежащихъ къ Естественной Исторіи, Физикѣ, Химіи, Технологіи и Сельскому Хозяйству, во всей обширности опытныхъ и умозрительныхъ свѣдѣній.

2. Извлеченія изъ лучшихъ книгъ, писанныхъ о какихъ-нибудь предметахъ, относящихся къ означеннымъ наукамъ.

3. Описаніе примѣчательнѣйшихъ минераловъ, растеній, животныхъ, также инструментовъ и машинъ, относящихся къ Физикѣ, Химіи, Технологіи и проч. На сей конецъ изданіе будетъ снабжено нужными рисунками.

4. Топографическія описанія Россійскихъ Губерній, или нѣкоторыхъ уѣздовъ и другихъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ; описаніе фабрикъ, заводовъ и прочихъ экономическихъ заведеній по возможности.

5. *Смѣсь*, гдѣ помѣщаемы будутъ краткія извѣстія о новыхъ открытіяхъ въ сказанныхъ наукахъ; извѣстія о смерти знаменитыхъ Мужей, прославившися по части Естественной Исторіи, Физики, Химіи, Экономіи и проч., и разныя другія любопытныя замѣчанія.

6. Метеорологическія наблюденія.

7. Извѣстія о книгахъ, какъ Русскихъ, такъ и иностранныхъ, которыя входятъ въ кругъ сего Журнала и выданы въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Издатель предположилъ себѣ цѣлію, наполняя Магазинъ свой всѣмъ, что только можетъ относиться къ вышесказаннымъ наукамъ, столь полезнымъ для общежитія, содѣлать его со временемъ въ полной мѣрѣ хранилищемъ естественныхъ и экономическихъ свѣдѣній.

Издатель ласкаетъ себя надеждою, что ревнующія о пользахъ отечественнаго просвѣщенія Особы удостоятъ его Журналъ и впредь присылкою своихъ сочиненій, или переводовъ, особливо хозяйственныхъ замѣчаній,

любопытныхъ естественныхъ происшествій въ Россіи и проч., и покорнѣйше проситъ адресовать свои письма на имя Типографіи Московскаго Университета. — Присланныя піесы, если онѣ соотвѣтствуютъ плану сего Журнала, будутъ съ благодарностію напечатаны. Впрочемъ Издатель не беретъ на себя труда пересылать доставленныя бумаги обратно къ Сочинителямъ, если бы ихъ по чему-нибудь не льзя было напечатать.

Въ каждый мѣсяцъ будетъ выходить по одной книжкѣ, содержащей не менѣе четырехъ печатныхъ листовъ съ половиною, съ однимъ рисункомъ. Четыре Нумера составятъ Часть, а три такихъ Части годовое изданіе. Для бо́льшей удобности всѣ статьи печатаются такимъ образомъ, что принадлежащія къ одной какой-либо наукѣ могутъ быть переплетены особо, для чего и страницы означены внизу, для сохраненія порядка, отличными цыфрами отъ верхнихъ. — Пересылка сего Магазина зависитъ отъ Типографіи Университета.

3.

ИСТОРИЧЕСКІЙ, СТАТИСТИЧЕСКІЙ и ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ или СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ СВѢТА, издаваемый Профессоромъ Изящныхъ Искусствъ и Славянской Словесности и разныхъ Ученыхъ Обществъ Членомъ, *Матвѣемъ Гавриловымъ.* — Сей Журналъ, получившій начало свое съ 1790 года сперва подъ названіемъ *Политическаго*, а потомъ *Историческаго*, и при подкрѣпленіи отъ благомыслящихъ Соотечественниковъ болѣе 37 лѣтъ безпрерывно продолжающійся, обязываетъ Издателя снова принести имъ чувствительнѣйшую свою благодарность за одобреніе долголѣтнихъ трудовъ его. Приемля на себя продолженіе ихъ и на слѣдующій 1828й годъ, онъ ласкаетъ себя надеждою, что равномѣрно удостоенъ будетъ дальнѣйшаго подкрѣпленія; съ своей же стороны, почерпая матеріи изъ разныхъ источниковъ чужестранныхъ, предположитъ себѣ цѣлію пользу, занимательность и разнообразіе піесъ, соотвѣтствующихъ упомянутому названію, дабы заслужить довѣренность и вниманіе благосклонныхъ Читателей.

Всѣ сіи періодическія изданія будутъ печатаемы на хорошей Россійской бумагѣ луч-

шими и четкими буквами и съ наблюденіемъ всевозможной исправности.

Цѣна въ Москвѣ:

Вѣстникъ Европы, 24 книжки, 20 руб.
Магаз. Натур. Исторіи, 12 кн., 15 руб.
Историческій Жур., 12 книж., 15 руб.

Съ пересылкою въ другіе города:

Вѣстникъ Европы, 24 книжки, 24 руб.
Магаз. Натур. Исторіи, 12 кн., 19 руб.
Историческій Жур., 12 книж., 18 руб.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изящная словесность.

Стран.

Современная исторія.

Смѣсь.